

Homo sapiens, Homo legens

КРИЗИС ЧТЕНИЯ: ЭНЕРГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сборник научно-практических работ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ
ЧТЕНИЯ

Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества
Челябинская государственная академия культуры и искусств

Кризис чтения: энергия преодоления

Сборник научно-практических работ

Москва 2013

УДК 028(470+571)(082)
ББК 78.303.(2Рос)я43
К82

Издание подготовлено Межрегиональным центром
библиотечного сотрудничества (МЦБС) при поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям

К 82 Кризис чтения: энергия преодоления: Сборник научно-практических материалов / Редактор-составитель В. Я. Аскарова. – М.: МЦБС, 2013. – 320

В сборнике представлены материалы научно-практического характера, в которых содержатся размышления о судьбах книги и чтения в современном мире, о деятельности институтов книжно-библиотечного дела в новых реалиях и результативных технологиях поддержки и развития чтения в условиях школ, вузов, библиотек. Сборник адресован литераторам, педагогам, библиотекарям, студентам – всем, кто озабочен проблемами чтения и его поддержки в нашей стране.

УДК 028(470+571)(082)
ББК 78.303.(2Рос)я43

ISBN 978-5-91515-053-1

© В. Я. Аскарова, редактор-составитель
© Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества

Содержание

От составителя	6
----------------------	---

I. Книга и чтение вчера, сегодня... завтра?

<i>Мелентьева Ю. П.</i> Многослойность чтения.....	8
<i>Фатыхов С. Г.</i> Ждет ли нас апокалипсис в новой информационной среде?	24
<i>Соковиков С. С.</i> Судьбы традиционной книги в современном культурном пространстве	33
<i>Загидуллина М. В.</i> Художественная литература в ситуации конкуренции: может ли погибнуть древнейший социальный институт.....	42

II. Институты книжно-библиотечного дела как организаторы чтения: время перемен

<i>Равинский Д. К.</i> Чтение. Грамотность. Библиотеки: что сейчас обсуждают на Западе?	53
<i>Аскарова В. Я.</i> Читатель в фокусе профессиональных представлений: XXI век.....	66
<i>Коженкин И. А., Лаврова К. Б.</i> Интеллектуализированное оборудование для чтения	86
<i>Коростелина В. В.</i> Бумажная книга сдает свои позиции: новые пути решения актуальной проблемы	100
<i>Морева О. В.</i> «Вы еще не читаете? Тогда мы идем к вам!» (из опыта работы муниципальных библиотек Свердловской области в 2012 году)	106
<i>Архипова И. В.</i> Читать не скучно: результативные технологии поддержки чтения в Челябинской областной юношеской библиотеке	118

III. Территория образования – территория чтения

<i>Галактионова Т. Г.</i> «Педагогика текста: опыт семиотического решения»: приглашение к чтению.....	129
<i>Терентьева Н. П.</i> Проектно-исследовательская деятельность по литературе в аспекте ценностного самоопределения учащихся.....	139
<i>Галицких Е. О.</i> Современная литература для детей и о детях в контексте образовательных стратегий нового века.....	151
<i>Романичева Е. С.</i> «Не нужно ждать глобальных катастроф»: как преодолеть кризис обучения чтению в высшей школе	160
<i>Моргунова О. В.</i> Социальные сети – доступная среда для продвижения чтения.....	179
<i>Качева Е. В.</i> Зачем сетевые проекты школьному библиотекаря?	188

IV Маленькому человеку – большое чтение

<i>Ивашина М. В.</i> Точка бифуркации: новые читательские практики через КНИГУРУ	201
<i>Сафонова Н. К.</i> «Как мир меняется, и как я сам меняюсь...» (к вопросу о переменах в пространстве детских библиотек).....	216
<i>Сокольская Л. В.</i> Резервы – близко. В самых близких	230
<i>Бобина Т. О.</i> Книга и чтение в современной подростково-юношеской прозе	244
<i>Смотрова Е. Е.</i> Технологии вовлечения в процесс чтения (фрагменты библиографической экспертизы).....	257
<i>Гурбич Г. П.</i> Маленькому человеку – большое чтение: поддержка и содействие.....	264

V Современный литературный процесс: размышления

<i>Селютина Е. А.</i> Кризис драмы как рода литературы в читательском сознании: ликвидация «слепых пятен» новейшей литературы в современной критике	270
<i>Шакиров С. М.</i> Агрессивная экспертная критика Виктора Топорова	285
<i>Федоров В. В.</i> Нарративные стратегии в ситуации парадигмального кризиса авторства: семантика нагромождения-повтора как повествовательного приема	300
Краткие сведения об авторах	317

От составителя

За шесть лет реализации Национальной программы развития и поддержки чтения в сфере социально-коммуникативной деятельности людей произошли радикальные изменения, связанные, прежде всего, с бурным развитием информационных технологий. Мы все оказались в новой реальности, населенной «аборигенами» и «мигрантами» цифрового мира с неизбежными трудностями взаимопонимания. В принципиально изменившейся ситуации оказались практически все институты книжно-библиотечного дела и образования; авторы книг заново выстраивают отношения с читателями, развивая с ними диалог в реальном и виртуальном пространстве, предпринимают попытки встроиться в нынешнюю систему экспертирования и селекции литературной продукции; издатели пытаются найти бизнес-модели, позволяющие добиться экономической эффективности книгоиздания; специалисты книжной торговли ищут наиболее результативные маркетинговые технологии, схемы ритейла; библиотеки стараются переосмыслить и утвердить свое место в социуме и т. д.

Общее настроение сборника – преодоление растерянности, выявление новых возможностей создания читающей нации. Философы и культурологи стремятся понять, что же происходит с книгой и чтением, что ждет человечество в будущем, филологи находятся в осмыслении современного литературного процесса и ликвидации его «слепых» и «белых пятен», педагоги находятся в поисках путей повышения качества чтения. Сборник включает разноплановые и разнохарактерные материалы различных специалистов гуманитарной сферы, потому что понимание того, что происходит в сфере чтения, требует синхронизированных интегрированных усилий, порождающих эффект синергичности.

От размышлений, анализа сложившейся ситуации лучшие специалисты переходят к результативным действиям. Время сетований на «кризис чтения» ушло, пришло время активных и нестандартных решений, основанных на трезвом и непредвзятом понимании происходящего. Сейчас судьбы чтения и успех реализации Национальной программы поддержки и развития чтения зависят не столько от централизованных стратегических решений и установок (хотя актуальность утверждения Нацпрограммы на самом высоком уровне не снимается, а, напротив, усиливается), сколько от инициативы специалистов, занимающихся непосредственной работой по стимулированию читательской активности.

Опыт наиболее креативных, интеллектуальных и трудолюбивых коллег показывает, что там, где идет напряженный творческий поиск, где используется широчайший спектр возможностей приобщения к чтению, ширятся и множатся ряды читателей. Жизнь показывает, что будущее принадлежит тем специалистам, которые, не прячась за трудности и «объективные причины», упорно прокладывают новые пути, заражая всех вокруг жадой преобразований и энергией действия.

Составитель выражает сердечную благодарность своим добрым коллегам Юлии Владимировне Гушул и Клене Борисовне Лавровой за неоценимую помощь, оказанную при подготовке сборника к печати.

І. Книга вчера, сегодня... завтра?

Мелентьева Ю. П.

Многослойность чтения

Говоря о чтении, нужно помнить, что оно не является монолитным. В течение всей своей жизни человек, в зависимости от своих жизненных целей, потребностей, душевного состояния и т. п., обращается к разным модификациям чтения [8].

Наиболее распространенными из них можно считать семейное, учебное, профессиональное, развлекательное (досуговое), экзистенциальное чтение. Каждая из названных модификаций имеет свои особенности и свою историю формирования, занимает особое место в читательском развитии и читательской деятельности личности; любой из них присущ свой тип чтения, определяемый, прежде всего, особенностями корпуса текстов (книг), на которые она опирается. Они различаются форматом, почерком, шрифтом, «версткой» страницы, общим оформлением и т. д.

Кроме того, каждая модификация отличается темпом чтения («медленным» или «быстрым»); степенью его свободы (в основе которой лежит интерес или потребность); глубиной или поверхностностью восприятия текста, широтой или узостью, тематической направленностью, а также разным уровнем понимания прочитанного и, в целом, уровнем культуры чтения, который необходим при реализации той или иной модификации.

Нельзя не отметить и то, что существующие сегодня модификации чтения характеризуются также и степенью использования различных носителей информации – бумажных, электронных, аудиовизуальных.

Семейное чтение – первое, к которому приобщается ребенок еще не умеющий самостоятельно читать, если, конечно, ему повезет родиться в читающей семье. Став впоследствии родителем, он поддерживает традицию чтения в своей семье.

Эта модификация чтения имеет глубочайшие исторические корни.

Оно было распространено еще во времена Античности. Так, по свидетельству Плутарха, Катон Цензорий (234–149 г. до н. э.) сочинил и написал большими буквами «Историю Рима», которую читал своему сыну. Известно также, что юный Лукулл, который позднее прославится своими пирами, унаследовал от своего отца ценнейшую библиотеку, которой пользовался его друг Катон Утический.

И в Средние века, и в эпоху Просвещения, и в Новое, и в Новейшее время мы можем найти множество примеров распространения семейного чтения в различных слоях общества в разных странах.

Семейное чтение – явление, вполне подчиненное условиям бытования семьи. Семейная общность предполагает известную психологическую и социальную близость, единство устремлений. Отражая их, совместное чтение членов семьи способствует воспитанию сотрудничества, сотворчества, взаимопонимания между разными поколениями, неназойливой (опосредованной книгой, текстом) дидактике.

Семейное чтение подразумевает его постоянный характер на протяжении длительного времени. Необходимо подчеркнуть, что семейное чтение важно для душевного, духовного, эмоционального развития всех членов семьи: и для детей (подростков, юношества), и для престарелых и больных членов семьи. Часто «читающий» и «слушающий» в этой модификации чтения меняются местами, что несет глубокий педагогический эффект, которого невозможно достичь никакими другими способами.

Следует заметить, что совместное чтение есть не только индикатор семейной близости, но и часто основа семьи, «поле» любовного сближения людей, что многократно отражено как в античных (см. например, историю Дафниса и Хлои и др.), так и в более близких нам по времени литературных произведениях. Семья как важнейший социальный институт обладает естественной стабильностью. Важнейшим стабилизирующим фактором

являются обряды, ритуалы, привычки, которые «цементируют» воспитание, закрепляют глубинные внутренние проявления. Известно, что семья является важнейшим институтом социализации личности, определяет ее качества, ценности, устремления. Семейное чтение усиливает социализирующий эффект семьи, т.к. именно через книгу, чтение закладываются образцы для подражания и различных достижений

В различных видах семьи – многодетной или малодетной, полной или неполной, двух – или трехпоколенной, семейное чтение может иметь некоторую специфику, однако в любом случае можно утверждать, что семейное чтение закладывает привычку к чтению – важнейшее условие читательского развития в будущем. Как тут не вспомнить пословицу «Посеешь привычку – пожнешь характер; посеешь характер – пожнешь судьбу». Таким образом, модификация «семейное чтение» уникальна в том смысле, что способствует формированию читательской судьбы личности, а, следовательно, и судьбы в целом. Можно также с уверенностью утверждать, что семейное чтение не только характеризует уклад семьи, но и одновременно вносит стабильность в ее существование, способствует объединению.

Модификация «семейное чтение» тесно связано с понятием семейная (личная, частная, домашняя) библиотека как библиотека особого вида. Как показывают исследования, первые личные библиотеки появляются в Античные времена. Первые римские частные библиотеки были плодами побед: книги разграбленных греческих городов были привезены победителями в Рим. Они принадлежали, как правило, знатым и богатым людям. Так, ученые знают о личных библиотеках сына диктатора Фаустуса Суллы, библиотеке Лукулла. Эта тенденция сохранялась на протяжении многих веков: личная библиотека обозначала высокий социальный и имущественный статус. Несмотря на то, что в Древнем Риме существовало большое количество публичных библиотек, посещающие их люди имели, как правило, собственные библиотеки и число их неуклонно увеличивалось. Домашняя библиотека свидетельствовала о статусе владельца, его высоком материальном положении.

Однако изобретение Гутенберга резко снизило цену книги и сделало ее доступной широкому читателю. Изменились форматы книги: кроме фолиантов «либро да банк», которые можно было читать только на попугае, появились «либеллус» – книги малого формата, компактные.

Книги стали собирать и «новые читатели».

В период европейского Средневековья, когда чтение теснейшим образом было связано с богослужением, основной книгой в семейной библиотеке была Библия. Существуют интересные исследования, которые показывают особенности семейного чтения Библии в католических, протестантских, иудейских семьях [5]. Распространение грамотности сделало семейное чтение обыденным занятием; во второй половине XVIII в. у художников и писателей часто встречается сюжет крестьянского, патриархального чтения, когда отец семейства читает Библию собравшимся вокруг него домочадцам.

Личная библиотека была той базой, на которую опиралось семейное чтение. Разумеется, каждая домашняя библиотека отражала не только общее состояние книгоиздания, книжной моды и т. п., но и личные вкусы и интересы владельцев. Можно утверждать, что для семейного чтения выбирались прежде всего «добрые» и «занимательные» книги, не содержащие скабрёзностей, сомнительных ситуаций и т. д., дающие пищу уму и сердцу. Таким образом, семейное чтение формировало читательский вкус, читательские предпочтения. Исследования показывают, что традиция семейного чтения в Европе была достаточно крепка; чтение в кругу близких было привычным занятием как в богатых семьях, так и в семьях крестьян, ремесленников.

Вместе тем следует отметить, что личная библиотека представляла зачастую немалую материальную ценность; в переломные, революционные периоды развития многих государств она становилась предметом конфискации. Так было во время Французской революции, так было и в России. После 1917 г. в России все крупные частные библиотечные собрания были, как известно, реквизированы. В лучшем случае они вошли в фонды

государственных библиотек, в худшем – были утеряны. Известно также, что в СССР собрание личных библиотек не приветствовалось, а библиофилы были под подозрением. Слом такого социального института, как частная, семейная, личная библиотека, не мог не сказаться на формировании российского читателя XX века, лишенного возможности пройти важнейшую ступень своего читательского становления – первую, семейную библиотеку. Только в середине 80-х годов личные библиотеки стали рассматриваться в позитивном контексте.

Семейное чтение также тесно связано с процессами, сопровождающими становление семьи, прежде всего, с ролью женщины в воспитании ребенка и становлении его как читателя. Традиционно считается, что в античные времена, да и позже, мужчина, отец играл более значительную, чем женщина, роль в воспитании, прежде всего – в воспитании сына. Действительно, в большинстве случаев именно отцы приобщали своих детей к чтению. В картинах художников разных стран и эпох часто встречается сюжет, когда отец семейства читает домочадцам вслух; совместное чтение символизировало мир, стабильность, единство.

Так было до тех пор, пока не появился новый читатель – женщина.

Уже в имперский период существования Рима часть женщин из высших слоев общества овладевает чтением как, например, Корнелия – мать братьев Гракхов. Фигура чтицы появилась лишь в эпоху Августа, и, начиная именно с этого времени, в росписях Помпеи и на саркофагах можно увидеть изображение читающих женщин. Вхождение женщины в мир чтения проходило весьма болезненно. Общественное мнение Рима склонялось к тому мнению, что «нет ничего невыносимее ученой женщины». Однако именно женщинам-читательницам посвящает свои произведения Овидий. Вообще Овидий – ключевая фигура в складывающейся системе взаимоотношений женщин и письменной культуры, книги, чтения. Его произведения – «Наука любви», «Средства от любви», «Об уходе за лицом» рассчитаны на женщин-читательниц из простых слоев населения, число которых

значительно возросло в эпоху Марциала, когда начали читать даже представители самых малообразованных сословий. Постепенно складывался тип «женского чтения», в центре которого были любовные сюжеты: отстраненная от общественной деятельности образованная женщина могла под влиянием книг, в которых она узнавала себя, создать собственный мир.

Однако с распространением кодекса, т. е. между III в. и V в. н. э., в обществе и культуре произошли глубокие перемены. Количество грамотных женщин постоянно уменьшалось. Христианская церковь в лице Святого Августина считала, что женщине достаточно быть просто грамотной, т. е. знать буквы. Конечно, были и исключения; например, знатная римская матрона Мелания, позже признанная святой, страстно любила книги, чтение. В целом же в V–VI вв. привычка к чтению осталась только у служителей Церкви, среди которых женщин, как известно, не было.

Позиции женского чтения начинают укрепляться в эпоху Просвещения. Существуют научные исследования, анализирующие женское чтение в различные времена в разных странах, в том числе и в России. Так, исследования Ю. М. Лотмана показали, что русские женщины стали читательницами в XVIII в., и с этого времени спутником детства стало чтение [7].

Сегодня роль женщины в обществе в целом, и в семье, в частности, весьма сложна. В России, как, впрочем и в других странах, в конце XIX – начале XX вв. была сильна тенденция «эмансипации», феминизации женщин, освобождение их от «домашнего рабства». Ответственность за воспитание детей зачастую перекладывался на социум, освобождая мать для производства. В результате женщина утратила часть присущих только ей функций – прежде всего, создание атмосферы стабильности в семье, достигаемой различными способами, в частности с помощью семейного чтения.

Таким образом, несомненно, что семейное чтение нуждается в укреплении, прежде всего, за счет возвращения женщине, равно как и мужчине, представлений о семейных ценностях, понимания важности семейного воспитания, в том числе и посредством семейного чтения.

Как известно, каждая модификация чтения реализует какую-либо его функцию: если в основе учебного чтения, например, лежит познавательная функция, а в основе развлекательного – рекреационная; то в модификации «семейное чтение» присутствуют практически все важнейшие функции чтения (познавательная, воспитательная, развивающая, рекреационная, коммуникационная), которые реализуются одновременно, что делает эту модификацию чтения чрезвычайно эффективной. Разумеется, наиболее ярко проявляется воспитательная функция как одна из важнейших для семейного бытия в целом.

Учебное чтение входит в практику с началом образования.

Учебное чтение сформировалось в Европе с развитием системы образования, которое было ознаменовано появлением университетов, хотя первые случаи использования чтения в учебных целях могут быть отнесены уже к V в. до н. э. [5]. Чтение как основной способ обучения широко использовалось в античных философских школах, гимназиях, имеющих библиотеки. В эллинистическую эпоху были распространены учебники (по философии, военному делу, сельскому хозяйству и др.).

На греческом Востоке, в Византии, где уровень книжной культуры был весьма высок, учебное чтение было основой как частного, так и общественного начального и высшего образования.

Особый этап формирования учебного чтения должен быть отнесен к периоду между концом XI в. и началом XIV вв., когда в Европе активно создавались города, а в них – школы, где чтение было необходимым элементом обучения.

В России учебное чтение возникло, в сущности, одновременно с распространением христианства и обучением грамоте. В период с XI – XIII вв. был издан ряд церковных и государственных постановлений об организации образования в России, где важнейшей частью были постановления о создании учебных пособий, курсов, учебных заведений различного рода, где основным методом обучения было чтение [4]. Следует отметить, что чтению-грамоте учились по-разному: в семье, у частных педагогов,

в школе. Уровни овладения чтением-грамотностью были также различны: от умения читать «большие буквы» до овладения высоким уровнем скорости чтения. Учились читать, как правило, по богослужебным книгам (Псалтири, Житиям Святых и т. д.)

Учебное чтение было связано с использованием книг (рукописных, а позже – печатных) «libro da banco», т. е. книг большого формата, которые требовали расположения на столе. С появлением нового жанра «учебной книги», который вобрал в себя опыт использования таких «приспособлений», облегчающих учение, появились так называемые «тетради общих мест». К XIV в. они сформировались в особый жанр – специальные тематические сборники цитат («цветы» – своеобразные хрестоматии), лексиконы, глоссарии, которые могли быть использованы в обучении юриспруденции, педагогике, теологии. С XVI в. в университетах Германии, а позже и в других странах Европы, такие сборники стали применяться в качестве учебных материалов к изучаемым курсам.

В Средние века в учебном чтении происходили серьезные перемены. Вся средневековая педагогика основывалась на чтении текстов, их комментировании и толковании. Само слово «lectura» обозначало и чтение, и преподавание. В основе учебного чтения – от учителя к ученику – было чтение вслух. И лишь позже в университетской среде стало привычным чтение про себя.

В эпоху Схоластики чтение превратилось в школьную дисциплину; на первый план здесь выступила дидактическая, образовательная роль чтения, которая определила новые требования к тексту (выделение параграфов, абзацев, глав; наличие справочного аппарата – оглавления, указателя и т. п.), которые были излишни при сакральном («монастырском») чтении.

Появление печатной книги открыло новую страницу в учебном чтении. Сначала печатная книга подражала рукописной, но затем приобрела собственное «лицо». В эпоху Реформации в Европе появилось много печатен. Новая книга – удобная, портативная, дешевая стала нормой. Важно отметить тенденцию, характерную для всех стран, в том числе, и для России: азбуки, буквари, учебные тексты были среди первых печатных книг [1; 9; 10].

Характерно, что модификация «учебное чтение» включает в себя два варианта: учебное чтение взрослых и учебное чтение детей. Каждое из них имеет свои особенности. Учебное чтение взрослых – студентов, гимназистов, старших школьников – опирается на корпус учебной литературы, прежде всего, учебники, справочники, хрестоматии. Оно имеет основной целью передачу знаний, обучение, интеллектуальное развитие. Учебное чтение детей, методика которого складывалась на протяжении XVIII–XIX вв., предполагает не только интеллектуальное, но и нравственное развитие ребенка, его воспитание.

В ходе решения поставленных задач сформировались определенные вариации учебного чтения: «аналитическое чтение», в ходе которого добивались понимания учащимися текста; «внеклассное чтение»; «домашнее чтение»; «чтение на лето»; «выразительное чтение» – последнее имело явный воспитательный момент.

Для учебного чтения характерно широко используемое чтение вслух, когда учитель читает ученикам. Такое чтение характерно и для школы, и для университета, где чтение вслух (чтение лекции профессором) сочеталось с чтением про себя (слежение по тексту). Книга была нужна для слушания публичной лекции. Следует отметить, что в лучших университетах Европы (например, в колледжах Оксфорда) тексты лекций (сначала рукописные, а затем печатные) издавна предоставлялись студентам за небольшую плату.

Однако, как замечают исследователи, учебное чтение с течением времени перестало быть обращенным к первоисточнику. Учебное чтение стало осуществляться посредством текста, который прошел через руки компилятора, определенный фильтр отбора. Возник так называемый «школярский» способ учебного чтения. С ростом научного знания оно приобрело отрывочный и дробный характер.

Сегодня модификация «учебное чтение» может быть признаком, вероятно, одной из наиболее распространенных. Зачастую учебное чтение является преобладающим в структуре чтения личности. Однако очевидно, что его доминирование не может обеспечить полноценное читательское развитие индивида.

Несмотря на все изменения в сферах образования и книгоиздания за прошедшие столетия, основные характеристики учебного чтения остаются неизменными за исключением того факта, что учебное чтение активнейшим образом использует не только электронные, но и аудиовизуальные носители, реализующие один из важнейших методологических принципов обучения – наглядность, визуальность. Именно на «поле» учебного чтения идет активное соперничество-содружество чтения и «видео». В связи с этим остро встает вопрос формирования особого вида культуры учебного чтения, которая бы включала в себя элементы визуальной и информационной культуры.

Приобщение к профессиональному чтению связано с освоением профессии. Сегодня оно распространено достаточно широко и справедливо считается залогом успешной карьеры. Однако, как показывают социологические исследования, такое чтение присуще, прежде всего, «высоким профессионалам», которые стремятся достичь вершин в своем деле и видят в своей трудовой деятельности не просто источник средств к существованию, но призвание.

Профессиональное чтение, как правило, предполагает у читателя конкретную цель. Оно становится для многих, в отличие от чтения «для души», насущной необходимостью. Чтение профессионала опирается сегодня на широкий круг специальной литературы и периодики. В зависимости от избранного рода деятельности, корпус необходимой литературы более или менее широк. Во многих случаях он включает в себя не только отечественную литературу, но и литературу на иностранных языках. Сегодня профессиональное чтение предполагает широкое использование текстов на электронных носителях, а также электронных способов их доставки. Это, в свою очередь, требует высокого уровня культуры чтения и информационной культуры.

Модификация «развлекательное чтение» – одна из самых распространенных. Чтение в часы досуга, «для души» было знакомо уже древним грекам и римлянам; оно проходило под сенью портиков, в садах и требовало хорошего общества. Как и музыка, такое чтение должно было приносить в жизнь красоту.

Первые известные нам частные (личные) библиотеки, например, библиотека Писистрата в Афинах, Катона Утического, Лукулла, Цицерона, его брата Квинта в Риме, содержали не только ученые тексты, но и тексты художественного, развлекательного характера. Цицерон и Катулл первыми рассказали о разнообразных вкусах читателей и о деятельности книготорговцев по их удовлетворению. У Цицерона есть упоминание о людях небольшого достатка, но любивших читать (или слушать) занимательные истории. Есть также сведения о том, что при римских банях существовали библиотеки, предлагавшие развлекательную литературу. Есть сведения о том, что там проходили публичные (совместные) чтения. Именно римским изобретением был кодекс литературного содержания. Развлекательные книги читались как вслух, так и про себя, их содержание было зачастую весьма интимным: например, «Метаморфозы» Апулея, содержащие эротические сцены, автор предлагал читать «милым шепотом».

Одними из активных читателей развлекательной литературы стали женщины, составившие значительную часть новых читателей, состав которых был очень смешанным: ремесленники, военные, торговцы и т. д. Появилась даже развлекательная литература специально для женщин: «Наука любви», «Средство от любви» Овидия.

Массовый характер развлекательное чтение приобрело в период Империи. К развлекательному чтению обращались как высокообразованные, так и малообразованные читатели. В круг развлекательного чтения входили мечтательная поэзия, переложение знаменитых эпических произведений, исторические биографии, советы по кулинарии, эротическая литература, сонники, приключения и др. Античный мир не считал развлекательное чтение низким занятием, оно занимало определенное место в жизни, в досуге как «новых», так и высокообразованных читателей.

В отличие от Античности, западный мир Средневековья развлекательное чтение долго не признавал и весьма осуждал. Только при распространении грамотности среди мирян в XIII – XIV вв. в Европе появляются первые развлекательные книги. Эти книги были дороги и богато украшены. Их читали не в библио-

теке, а в комнатах своих домов, предназначенных для отдыха и общения. Как правило, эти книги были на родных языках (а не на латыни, в отличие от книг, предназначенных для сакрального, ученого и учебного чтения). Текст был написан простым, понятным для читателя шрифтом, книги содержали истории о чудесном спасении героя, страстной любви героя и героини (конечно, красавицы), о военных походах и приключениях. В круг средневековой развлекательной литературы входили стихи романсеро (в Испании); баллады трубадуров и труверов (во Франции), героические песни (например, «песнь о Роланде»); рыцарские романы (которыми увлекались не только дворянство и буржуа, но и грамотные торговые люди и даже крестьяне).

Исследователи считают, что уже с середины XV в. можно говорить о появлении в Европе «народного читателя», основным чтением которого в часы досуга была занимательная, развлекательная литература. Однако в 1531 г. в Кастилии был принят запрет на печатание и продажу «выдуманной» литературы (романов и т. п.), а в 1555 г. этот запрет был распространен на всю католическую Испанию.

Новая волна развлекательного чтения возникла в эпоху Просвещения в Европе (XVIII в.). Романы Ричардсона («Кларисса», «Памела»), Жан-Жака Руссо («Новая Элоиза»), Гете («Страдания молодого Вертера») читали все, даже семинаристы [7]. Чтение такого рода стало неотъемлемой частью буржуазного общества во всех европейских странах, в том числе, и в России. В Россию романы «приходили» из Европы и были горячо приняты широким читательским кругом. Они читались вслух для совместного отдыха; про себя в кабинете, в постели (этот новый способ чтения особенно оценили женщины). Многие деятели Просвещения осуждали развлекательное чтение, считали его порочным, пагубным для личности и общественно бесполезным. Однако вот свидетельство одного из русских читателей того времени: «По обыкновенному обвинению романов, что чтение их не столько пользы, сколько вреда приносит, и что они нередко ядом и отравой молодым людям почесться могут, подумать бы можно было, что и надо мною произвели

они подобное тому действие; однако я торжественно о себе скажу, что мне не сделали они ничего худого. Сколько я их ни читал, но от всего чтения оных не приметил я ни тогда, ни после никаких худых и предосудительных для себя последствий, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце, не соблазнен я ими был ни к каким худым делам и не вовлечен в пороки и распутную жизнь; но чтение оных, напротив того, произвело на меня бесчисленные выгоды и пользы. Ум мой преисполнился новых и таких знаний, каких он до того не имел, а сердце – нежными и благородными чувствованиями, способными не преклонять, а отвращать меня от пороков и худых дел, которым я легко бы мог сделаться подверженным. Словом, я никак не могу пожаловаться на оные романы и обвинять их с своей стороны вредными следствиями, но паче за многое хорошее им весьма обязан» [2, с. 110].

Основными особенностями развлекательного чтения могут быть названы следующие:

- в отличие от учебного и профессионального чтения развлекательное чтение носило яркий экстенсивный характер: круг развлекательной литературы постоянно расширялся;
- сильная эмоциональная (а не рациональная, как при других модификациях чтения) составляющая восприятия;
- широкое использование книг малого формата, напечатанных простым шрифтом на национальном языке;
- свобода в выборе места и времени чтения (в саду, в гостиной, в постели);
- свобода в выборе практики чтения: про себя, вслух;
- развлекательное чтение могло иметь как ярко выраженный индивидуальный, интимный характер, так и представлять из себя совместное действие.

И, наконец, охарактеризуем то, что называется **«экзистенциальным чтением»**.

Именно экзистенциальное чтение некоторые исследователи считают истинным чтением [11], которое представляет собой особый вид высокодуховной коммуникации цель которой – самоопределение человека в мире, понимание своего бытия, раскрытие своей личности, «духовное единение с содержанием» (К. Ясперс) [12]. В сущности, термин «экзистенциальное чтение» обозначает не круг используемых в этом случае текстов (как в случае с учебным, развлекательным и т. п. чтением), не их функцию, а отношение читателя к тексту, качество чтения. Важнейшей чертой экзистенциального чтения является эмпатия, эмоциональное сопереживание, коммуникация. Чтение в этом случае служит способом постижения себя (своего Я) через другого.

Экзистенциальное чтение предполагает высокую степень духовного и интеллектуального развития личности читателя и является личностным индивидуальным актом коммуникации. При экзистенциальной модификации чтения происходит некое «расширение сознания» читателя, погружение в инобытие, т. е. в мир, созданный им в сотворчестве (сопереживании, соучастии) с текстом (автором). Для такого чтения характерна интерполяция – т. е. привнесение в первоначальный текст своих смыслов. Таким образом, экзистенциальная модификация содержит высокий творческий потенциал. В ней особенно ярко проявляется феномен, который был замечен впервые Н. А. Рубакиным, а позже осознан Х. Борхесом, У. Эко и др. – книги мертвы, пока их не оживит индивидуальность личности читателя. «Каждое новое прочтение создает новый текст» [11, с. 201].

Экзистенциальная модификация чтения предполагает использование, прежде всего, художественной литературы, и особенно поэзии как концентрированного духовного и эстетического опыта. Экзистенциальное чтение предполагает взаимодействие трех сторон: автора, текста и читателя.

Таким образом, очевидно, что чтение многослойно. В течение жизни человек как бы «наращивает» чтение слой за слоем. Каждый из них формируется в свое время, в конкретной жизненной ситуации, связанной с решением жизненных задач. Каж-

дый «слой» чтения дает личности специфический читательский опыт, формирует специфические читательские навыки, разные стороны культуры чтения и информационной культуры. Каждый «слой» чтения тесно связан и определяется предыдущим; таким образом, «луковица чтения» становится единой и органичной.

Размышление над этим явлением дает возможность утверждать, что чем более многослойным является чтение личности, тем более полноценным его можно назвать; ни одна отдельно взятая модификация чтения – ни так называемого «серьезного» (учебного, профессионального), ни семейного, развлекательного не может дать гармоничного читательского развития, и только их совокупность этого достигает. Каждая вновь активируемая модификация чтения усиливает этот эффект, увеличивая удельный вес чтения в жизни личности.

Литература

1. Афанасьева, Т. А. Издание азбук и букварей кириллической печати [Текст] / Т. А. Афанасьева // Из истории рукописных и старопечатных собраний (Исследования. Обзоры. Публикации) : сб. науч. тр. / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; ред.: Л. Л. Альбина [и др.]. – Л. : Изд-во ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1979. – С. 33 – 60.
2. Болотов, А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков [Текст] : [фрагмент] / А. Т. Болотов // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / [сост., вступ. ст. и примеч. И. И. Подольской; биогр. очерки: В. В. Кунина и И. И. Подольской]. – Москва : Правда, 1988. – С. 107 – 110. – (Литературные воспоминания).
3. Борхес, Х. Семь вечеров [Текст] / Х. Борхес. – СПб. : Амфора, 2000. – 204 с.
4. История Российского образования в документах и материалах (XI-XVIII вв.) [Текст] / Москов. гос. пед. ун-т. – М. : Интеллект-Центр, 2012. – 592 с.

-
5. История чтения в западном мире. От Античности до наших дней [Текст] / сост.: Г. Кавалло, Р. Шартье ; науч. ред. рус. текста Ю. П. Мелентьева. – М. : Фаир, 2008. – 443 с.
 6. Куле, К. СМИ в Древней Греции [Текст] / К. Куле. – М. : Нов. лит. обозрение, 2004. – 256 с.
 7. Лотман, Ю. М. Воспитание души. Воспоминания. Интервью [Текст] / Ю. М. Лотман // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2003. – С. 348 – 591.
 8. Мелентьева, Ю. П. Функции и модификации чтения [Текст] / Ю. П. Мелентьева // Библиография. – 2013. – № 1. – С. 35 – 43.
 9. Мумрикова, Л. И. Исторические традиции духовно-нравственного воспитания в православных букварях и азбуках (второй половины XVI – начала XXI вв.) [Текст] : автореф. канд. пед наук : 13.00.01 / Л. И. Мумрикова. – М., 2007. – 23 с.
 10. Немировский, Е. Л. К 400-летию первого печатного российского учебника [Текст] / Е. В. Немировский // Проблемы школьного учебника : в 20 вып. / ред. колл. Ф. П. Коровин [и др.]. – М. : Просвещение, 1982. – Вып. 2. – С. 5 – 15.
 11. Стефановская, Н. А. Экзистенциальные основы чтения [Текст] / Н. А. Стефановская. – Тамбов : Издат. дом Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2008. – 264 с.
 12. Ясперс К. Философия в будущем [Текст] / К. Ясперс // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – С. 495 – 508.

Ждет ли нас апокалипсис в новой информационной среде?

Цель настоящей статьи не просто обозначить, а в некоторой степени концептуализировать дилемму «Книга плюс-минус Интернет, плюс-минус интенциональное сознание» и, как футурологическое предсказание, – минус современный вид человека разумного.

Мы уже сегодня с трагическим любопытством наблюдаем, что интернет-технологии радикально меняют отношение современного человека к книжному чтению. В глазах молодого поколения оно стало почти необязательным, обременительным, затратным, консервативным, как, собственно, и сама книга. С философской и экономической точек зрения это можно в какой-то мере объяснить законом возрастания и совершенствования культурных потребностей, который провоцирует калейдоскопическую смену интересов и технологий.

В 60-е годы прошлого столетия советские специалисты по истории древних обществ [4], опираясь на труды Гордона Чайлда [7; 9], любили приводить следующую статистику: в неолите, то есть 12–6 тысяч лет тому назад, человечество пользовалось предметами потребления в количестве 20 тысяч наименований. В середине XX века оно имело в своем распоряжении уже более 20 миллионов наименований предметов потребления. А в первой четверти текущего столетия, то есть всего за 70 лет, эта цифра, надо полагать, удвоится!

В текущий исторический момент скорость работы закона возрастания потребностей увеличилась до невероятных величин. Человечество стало свидетелем радикальных технологических поворотов и переворотов в выпуске товаров потребления, производственных процессах, информационной инфраструктуре, в

коммуникационных устройствах, в том числе и мобильных носителях информации, которые еще совсем недавно казались незаменимыми, вечными, несменяемыми.

Исчезли пейджики, бывшие до появления сотового телефона не просто средством передачи информации, но и свидетельством статусного положения человека (в основном молодого возраста). Жители Южного Урала были свидетелями того, что в начале 90-х годов прошлого века в индустриальном Магнитогорске за видеомагнитофон обменивалась однокомнатная квартира. Не прошло и двадцати лет, как видеомагнитофон сменили СД, потом DVD, стоимость которых стала в тысячи раз ниже любой недвижимости.

Аналоговое телевидение отстает сейчас перед цифровым. Ламповые телевизоры сменили жидкокристаллические, а в ходу уже – плазменные. Но самым ошеломительным носителем, генератором, транслятором и ретранслятором накопленного и накапливаемого информационного контента стал к сегодняшнему дню Интернет.

Подобные трансформации, но в более протяженные исторические рамки, переживали печатные носители текстовых объемов культурного и научного опыта человечества. В древности размножение текстов до нескольких экземпляров производилось с помощью ксилографии. В Средневековье ей на смену пришли выполненные из какого-либо твердого материала или металла литеры, породившие «Галактику Гутенберга». Потом были введены «целые строчки», вылитые из свинцово-оловянного сплава линотипам, из которых набиралась текстовая полоса, и после стереотипизации текст тиражировался на бумаге. Еще десять лет назад лино типы стояли в каждой типографии, сегодня их можно найти разве что в музеях полиграфии. Печать со стереотипов сменила печать фотонабора, а сегодня – компьютерного набора.

Некоторые исследователи подчеркивают, что закон возрастания потребностей опирается не только на технологическую, но и

на врожденную психологическую мотивацию, о которой говорил еще Абрахам Маслоу [8, с. 133–134]. Нам же представляется, что ближе всего к расшифровке движущихся сил этого закона, сам того не ведая, подошел Маршал Маклюэн. В условиях взрывных трансформаций коммуникационных технологий и медиасреды, он небезосновательно понимал культуру как систему коммуникаций, расширяющую природу человека [1; 2].

В соответствии с этим своим предположением, М. Маклюэн делил историю культуры на три этапа: этап дописьменной культуры с устными формами коммуникации; этап письменной культуры, завершающейся «Галактикой Гутенберга», и, наконец, современный инфокоммуникационный этап электронного общества и «глобальной деревни» [5, с. 14]. В своих работах он пытался ответить на вопрос, каким образом коммуникационные технологии и носители информационного контента влияют на организацию когнитивных, познавательных процессов в обществе.

Однако, на наш взгляд, не менее актуально взглянуть и на то, каким образом когнитивные процессы трансформируют коммуникационные технологии и медиасреду на разных этапах антропо- и культурогенеза. В этом плане нам представляется целесообразным предложить несколько гипотетических схем возрастания и снижения когнитивности, а также возникновения и трансформации информационных носителей культурного опыта, опирающегося, опять же, на закон возрастания потребностей.

Прежде всего подчеркнем, что калейдоскопическая и радикальная смена коммуникационных систем и информационных технологий в истории человечества не могла бы происходить, если бы она не отвечала на запросы сформировавшегося в ту или иную историческую и доисторическую эпоху объема культурного опыта, накопленного человеком современного физического типа. То есть когнитивность, по нашей первой схеме, и порождает начальные трансформации простейших коммуникативных систем, а НЕ НАОБОРОТ.

На первых этапах антропо- и культурогенеза (допустим, в нижнем палеолите) примитивный объем речевых актов в несколько десятков корневых слов был достаточен для наименования используемых предметов потребления, синхронно-диахронного информационного обмена, информационного взаимодействия и без труда сохранял в своей знаковой субстанции накопленный культурный опыт.

Однако объем когнитивных рефлексий в силу работы закона возрастания потребностей уже в верхнем палеолите, то есть несколько десятков (если не сотен) тысячелетий после нижнего палеолита, катастрофически вырос. Созданный предметный мир в количественном плане превысил несколько тысяч. Кроме того, в условиях резких климатических изменений, формирования новых культурно-хозяйственных типов у наших предков возникли первые мировоззренческие конструкции и концепции.

Ситуация, таким образом, радикально изменяется. В этот период при недостаточном объеме речевых актов и отсутствии терминологического языкового инструментария, человек стал создавать изобразительную информационную систему, которая первоначально опиралась на опыт кодового окрашивания тела, а потом трансформировалась в формы пещерного и наскального изобразительного искусства. То есть, при усилении когнитивных процессов к речевым актам, к истощенному словесному запасу добавилась изобразительная проекция действительности и миропонимания, изобразительная форма сохранения и передачи культурного опыта, которая жива и поныне.

Более того, изобразительное искусство по коэволюционному (взаимообусловленному) принципу стало напрямую влиять на рефлексии первобытного человека, уровень и глубину когнитивных процессов. По нашей гипотезе, это вторая, коэволюционная схема взаимодействия содержания культурного человеческого опыта и его сохранения. Пещерное и наскаль-

ное искусство задумывалось вначале как средство синхронных информационных связей «здесь и сейчас» для живущих рядом и соседних сородичей, а вылилось в средство диахронного, межвременного, межпоколенного информационного взаимодействия, которое до сих пор формирует азы нашего гуманитарного и технического знания. Это означает, что в фундаментальном значении теории информации изобразительные формы живописи и графики первобытности могут наравне соперничать с любой современной медиальной формой и даже превосходить ее.

К середине неолита, как мы уже подчеркнули, количество предметов потребления в результате действия закона возрастания потребностей увеличивается, по некоторым данным, до двадцати тысяч. Их обозначение с помощью слов и изобразительного искусства стало и вовсе трудоемким делом. И тогда на помощь ранее накопленным человеком информационным технологиям приходят пиктография и идеография, изобретение и включение в структуру языка понятийного и терминологического слоя. А шесть тысяч лет назад в шумеро-аккадских поселениях возникают первый счет и клинопись.

Ответом же на рост предметов потребления и радикальную смену технологий быта и производства в осевое время, то есть в середине железного века, стали не только устно-поэтические, но и письменные формы сохранения и передачи фундаментальных гуманитарных знаний, а в эпоху промышленной революции – «Галактика Гутенберга». Электронные, телеграфные, радиальные и телевизионные носители информации и гуманитарных знаний возникли уже в условиях зарождения новой стадии капитализма – империалистической, межгосударственной.

Постиндустриальное общество, в котором мы сейчас находимся, в силу закона возрастания потребностей, а также ускорения исторических скоростей буквально за полвека кардинально расширило культурное и технологическое содержание бытия.

Объем и содержание накопленных человечеством к сегодняшнему дню знаний, включая гуманитарные, могут вместить в себя только цифровые носители.

Как реакция на возникшую когнитивную ситуацию был создан Интернет; по сути, человечеством создана ноосфера, о которой мечтали Н. Я. Данилевский, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский и Тейяр де Шарден. Правда, что именно это будет означать для человеческой культуры, мы до сих пор осознать не в состоянии. Можно только предположить, что накопление и передача гуманитарного знания посредством цифровых носителей в виртуальном пространстве лишь на первоначальном этапе приведет к относительной интеллектуализации всего человеческого контингента на планете Земля.

Через десятилетия, потеряв традиционные средства медиализации гуманитарных и технических знаний, наши потомки столкнутся с необратимыми генетическими и морфофизиологическими изменениями в человеческом организме, с изменениями принципов интенционального и препозиционного сознания, с роботизацией разума. Это третья, «наоборотная», по нашей гипотезе, схема взаимодействия закона возрастания потребностей с объемом когнитивности и коммуникационными технологиями.

Вполне допустимо, что новая рекомбинация генов не по средовому, этническому или социальному иерархическим принципам, а по интеллектуально-контентному, – приведет к новому видообразованию. На смену гомо сапиенсу придет сфабрикованный Интернетом какой-нибудь постгомо-интернетиус. Почему? Потому что закон возвышения потребностей уступит место другому фундаментальному, «наоборотному» закону – закону выворачивания вывернутого, сформулированному Л. Фейербахом.

Иными словами, с некоторой долей вероятности можно предположить, что информатизация гуманитарных и технических знаний с помощью современных носителей грозит концом человеческой культуры в нынешнем ее виде. А сам человек впол-

не может вернуться в зоо-биологическое пространство своего прошлого бытия, о чем мы уже говорили в своих работах [6, с. 5–6]. Правда, успокаивают некоторые исследователи, которые утверждают, что эйфория по поводу возможностей Интернета постепенно проходит, а его надежность в сохранении аккумулярованного контента преувеличена. Александр Оськин со ссылкой на ресурс Comments.UA сообщает, что ученые-информатики из университета Старого Доминиона изучили более 11 тысяч ссылок пользователей «Твиттера» на публикации, посвященные резонансным событиям 2009–2012 гг. [3]. Выяснилось, что среди ссылок в сообщениях «Твиттера» в 2009 г. «мертвыми» оказались почти 25%, а 7% ссылок, опубликованных в марте этого года, уже летом были нерабочими. Кроме этого, ученые установили, что «в архивах Интернета хранятся отнюдь не все копии веб-страниц: спустя год после публикации 11% из них исчезают бесследно, причем ежедневно количество навсегда потерянных ресурсов возрастает на 0,02%» [там же].

Отсюда, – подчеркивает А. Оськин, – возникает естественное беспокойство о долговременности хранения информации в электронных архивах всевозможных библиотек, включая президентские и парламентские библиотеки в различных странах. Понятно, что бумажные копии могут храниться столетиями, а на глиняных табличках – тысячелетиями.

На наш взгляд, сложившееся тенденция тотального перехода к сохранению на электронных носителях накопленного тысячелетиями культурного контента, с одной стороны, и растущая опасность его безвозвратных утерь, с другой, диктует необходимость неотложного поиска выхода из создавшейся ситуации. Это невозможно сделать при уничтожении «Галактики Гутенберга» и бумажно-книжных носителей культурного опыта человечества, что, к сожалению, уже происходит. Мы считаем, что проблема адаптации новых коммуникативных средств, включая новые электронные носители информации, должна решаться по формуле «готовность к будущему через уроки прошлого».

Почему нельзя подготовиться к будущему без анализа прошлых попыток и уроков информатизации знания, в том числе – гуманитарного? Потому что в относительном материалистическом понимании будущего нет, будущее – ничто, а прошлое – нечто! Хотя прошлое – это сущность, застывшая в веках, оно необыкновенно информативно. Только опыт прошедшего помогает нам рефлексировать в настоящем. Будущее – это пока что бессодержательное, несостоявшееся настоящее, которое все равно превратится в прошлое и останется там.

Отсюда еще один философско-культурологический вывод: только сохраняя традиционные медийные средства, включая бумажную книгу, только накапливая, структурируя, анализируя и используя медиальные возможности прошлого гуманитарного знания в многообразии коммуникативных средств аккумуляции, человечество будет постоянно обращать их в эффективную систему межпоколенного взаимодействия и межпоколенной памяти.

Литература

1. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего [Текст] / М. Маклюэн. – Москва : Академ. проект, 2005. – 496 с.
2. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн. – Москва : Кучково поле, 2007. – 464 с.
3. Оськин, А. Информация в Интернете умирает быстрее, чем ожидалось [Электронный ресурс] / Александр Оськин // PrintWeek.ru : [сайт] / ООО «Деловые медиа». – Москва : [б. и.], 2012. – Режим доступа: printweek.ru/blogs/informaciya-v-internete-umiraet-bystree-chem-ozhidalos. – Дата обращения: 01.09.13.
4. Семенов, Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до на-

-
- ших дней) [Текст] / Ю. И. Семенов. – Москва : Современ. тетради, 2003. – 776 с.
5. Тюрина, И. О. Великое пророчество: Философская концепция Маршалла Маклюэна [Текст] : вступ. ст. / И. О. Тюрина // Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Маклюэн М. – Москва : Фонд «Мир», Академ. проект, 2005. – С. 4 – 18.
 6. Фатыхов, С. Г. Новая археология матриархата. Социокультурный анализ реликтов [Текст] : монография / С. Г. Фатыхов; Челяб. гос. акад. культуры и искусств; науч. ред. В. С. Цукерман. – Челябинск : ЧГАКИ, 2009. – 252 с.
 7. Чайлд, Г. Древнейший Восток в светновых раскопок [Текст] / Г. Чайлд. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1956. – 384 с.
 8. Маслоу, А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – Санкт-Петербург : Евразия, 2001 – 478 с.
 9. Childe, V. G. Man Makes Himself [Текст] / Childe V.G. – L.: [s.n.], 1936. – 244 p.

Судьбы традиционной книги в современном культурном пространстве

Отношение к книге и книжной культуре исторически складывалось различным образом: от возвеличивания («книги суть реки, напоющие Вселенную мудростью») до уничтожения, понимания чтения как «барского занятия», «глупостей», которые не прокормят человека [8, с. 216]. Между тем именно в письменном слове основные константы развитой культуры представляли в наиболее концентрированном виде и получали своеобразную легитимацию («что написано пером – не вырубишь топором»). Не случайно важнейшие сентенции, свойственные тому или иному обществу, запечатлевались именно в письменной форме. Функция письменного текста как культурного регулятива и ценности обрела наибольшую значимость и масштаб с изобретением и развитием книгопечатания. Именно тогда возникла мощная книжная культура, включавшая всё большее число людей в качестве творцов, разного рода посредников и потребителей, пронизывающая тело общества совокупностью разнообразных текстов: от предельно сакральных до вызывающе профанных, от узко специализированных до широко популярных, от сухих справочников до тончайшей беллетристики... Появляется основная форма традиционной книги: относительно объёмный, структурированный печатный текст на бумажном носителе. Это явление становится средоточием книжной культуры, изоморфно выполняющей функции культуры в целом.

Однако с появлением новых информационных технологий ситуация коренным образом изменилась. На метаморфозы участи традиционной книги существенно влияет несколько факторов. Во-первых, это нарастающая тенденция визуализации культурной среды, что имеет несколько последствий. Лавинообразный рост объёма и разнообразия вариантов визуальных образов, насыщающих культурное пространство, сам по себе снижает степень

интереса к книжному тексту как источнику информации. Кроме того, часть содержания книг визуализируется различными способами (схематизация, экранизация, «перевод» в комиксы и т. д.), что снижает необходимость обращения к собственно книге. Наконец, вырабатываемая в ходе этого процесса привычка пользования визуальными образами затрудняет мотивацию к общению с книжными текстами как более сложными, объёмными и внешне не столь выразительными. Тем самым утрачиваются навыки обстоятельного, вдумчивого книжного чтения, что сказывается даже тогда, когда к книге всё же приходится обращаться.

Во-вторых, из сферы культурного потребления традиционную книгу ощутимо вытесняет её электронный аналог. Электронные носители способны вместить практически весь объём содержания уже существующих традиционных книг. Более того, часть современной литературы любых жанров уже изначально создаётся и функционирует в электронной форме. Эта «электронная литература» жанрово обогащается, образует в своей среде динамичные сообщества авторов и читателей, существенно усиливает роль самодеятельного начала в литературном процессе, что само по себе является привлекательным [6, с. 39]. Всё это также объективно сужает ареалы бытования традиционной книги в культурном пространстве.

Сказанное не значит, что такая книга исчезает. Она продолжает жить в форме домашних библиотек, входит как обязательный элемент в системы образования. Более того, появляются новые культурные практики, такие, например, как буккроссинг. Однако всё это не отменяет развития отмеченных выше тенденций, о симптоматике которых с тревогой говорят специалисты. Так, М. В. Бессарабова указывает на то, что «нежелание современной молодёжи читать переходит все возможные границы» [1, с. 31]. И речь идёт не только о молодёжи, поскольку традиции воспроизводства культуры чтения имеют явную тенденцию к угасанию в современном обществе в целом [4, с. 79].

Если принять тезис о прогрессирующем кризисе культуры чтения, вопрос о будущем традиционной книги становится ри-

торическим. Но культура чтения по определению остаётся одной из фундаментальных основ человеческого общества [2, с. 164]. Следовательно, необходимо искать пути преодоления этого кризиса. Отсюда вопрос: какова значимость традиционной книги в таком контексте? Некоторые исследователи полагают её незаменимой, поскольку именно чтение печатной книги может быть продуктивным и действенным в процессе формирования сознания и совершенствования духовного мира [5, с. 140 – 146].

Такое утверждение представляется небесспорным, поскольку явным конкурентом традиционной книге выступает электронная [см., напр. 7, с. 3 – 6]. Специалистами высказывается множество суждений о соотношении этих вариантов книжных текстов. Основательный спектр таких позиций представлен, например, в работе И. А. Галицы и Е. И. Индутной «Роль книги в постиндустриальном обществе» [3].

Отмечая историческую закономерность эволюции книги от рукописной до электронной, авторы, тем не менее, утверждают, что о замене традиционной книги электронной не может быть и речи, поскольку первая имеет существенные преимущества [3, с. 150]. Представленная авторами аргументация достаточно типична для сторонников «незаменимости» традиционной книги, поэтому целесообразно обратиться к ней более основательно.

Прежде всего, отмечается удобство в использовании печатной книги, поскольку она не требует специальных устройств для её прочтения [3, с. 155]. Такой аргумент вряд ли можно признать убедительным в силу того, что электронные устройства (тем более – в перспективе) не менее удобны в использовании практически в любых условиях. Кроме того, они снабжены дополнительными качествами, способствующими «удобству» чтения (форматирование масштаба, шрифта и т. д.).

Второй аргумент в защиту традиционной книги авторы видят в том, что она имеет доступную цену за счёт отсутствия потребностей в приобретении специальных устройств. Этот довод также трудно признать весомым. Приобретая электронное устрой-

ство, читатель получает возможность приобщения к большому объёму текстов, где каждый «экземпляр» существенно дешевле традиционного аналога. Так что «ценовой» подход к вопросу также не отдаёт приоритет бумажной версии книги.

Преимущество последней предлагается видеть в том, что её текст неизменяем, а в электронной книге его можно корректировать, причём без соответствующей экспертизы и согласия автора [3, с. 155]. С фактической стороны этого аргумента нельзя не согласиться. Но вряд ли в этом можно усмотреть именно преимущества традиционной книги. Воспринимая её «неизменный» текст, читатель волен пропускать фрагменты или их перечитывать, делать пометки на полях и в тексте, соглашаться с мнением автора или оспаривать его. Одним словом, и при восприятии традиционного текста происходит его обработка, своеобразная корректировка. То, что электронная книга даёт для этого большие возможности, стоит отнести к её преимуществам, а не к достоинствам традиционной. Кроме того, и в электронном, и в печатном виде исходный текст может сохраняться в информационном пространстве и к нему всегда можно вернуться. Если же неизменность текста в силу обстоятельств составляет необходимое условие, такой режим несложно заложить и в электронный вариант текста.

Очевидное преимущество традиционной книги авторы видят в её развивающей функции, способствующей формированию интеллектуально и социально богатой и активной личности. Однако такой довод не представляется достаточно корректным. Объёмы книжных текстов (как основы развития) электронного пространства превышают мир традиционной книги, поскольку к его аналогам здесь прибавляется ещё и «электронная литература». Если же учесть более активную роль читателя электронной книги, вполне соответствующую стилю современной культуры, то возможности для интеллектуального и социального развития здесь отнюдь не меньше, чем в кругу традиционного чтения.

Можно согласиться с тем, что печатная книга удовлетворяет «эстетические потребности читателя за счёт высокого художе-

ственного оформления (цветной обложки, красивых иллюстраций, привлекательного и приятного на ощупь переплёта)» [3, с. 155]. Вместе с тем уместно сделать следующие замечания. Действительно, тактильные ощущения от традиционной книги электронная заменить не может. Что же касается дизайна, воспринимаемого визуально (шрифт, цвет, иллюстрации, заставки и т. д.), электронная книга вполне аналогична печатной, более того, потенциально способна к усовершенствованию в соответствии со вкусами читателей. Отметим, что в этом аргументе «за скобки» выносится само содержание книги, составляющее средоточие её культурного смысла.

Недостаточно основательным выглядит также утверждение, что чтение бумажной книги является более комфортным, чем чтение с экрана, и соответствует природным особенностям человеческого глаза [3, с. 155]. Представляется, что эта проблема технологически вполне разрешима, о чём свидетельствуют разработки новых устройств, делающих восприятие электронного текста психофизиологически аналогичным привычному чтению с бумажного листа [6, с. 38].

Как видно из анализа, отмеченные свойства традиционной книги как гарантия продолжения её судьбы в культуре не выглядят достаточно убедительно. Целесообразно подойти к этому вопросу на основе принципа функционально-смысловой значимости, способствующего выявлению специфических и действительно дееспособных аспектов объекта нашего внимания.

Прежде всего стоит отметить, что традиционная книга как источник информации продолжит свою судьбу по ряду причин. К их числу относится культурная привычка такого чтения, сформированная веками, а, как известно, стереотипы относятся к наиболее устойчивым и долговечным культурным явлениям. Объективно возникают специфические ситуации, в которых общение именно с традиционным текстом даёт необходимую полноту информации (например, историку, чтобы полнее вжиться в «дух эпохи Гуттенберга»). Этому, в том числе, служат репринтные издания и факсимиле, скрупулёзно воспроизводящие облик оригинала.

Обращение к бумажной книге в ряде случаев определяется социокультурными предписаниями (например, религиозными). Кроме того, чтение традиционной книги диктуется и личными психологическими предпочтениями читателя наряду с обращением к иным формам источников. Последнее полностью отвечает свойственной современной культуре вариативности восприятия текстов, хотя ареал бытования традиционной книги в этой функции объективно сокращается, уступая место другим носителям.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на те условия и ситуации, в которых культурный смысл традиционной книги остаётся трудно заместимым или уникальным. Иначе говоря, где такая книга функционально незаменима?

Вероятно, в обозримом будущем традиционная книга (далее – книга) неустраима из образовательного процесса. Дело не только в том, что значительная часть информации содержится здесь в бумажном варианте. Важно то, что общение с таким «статичным», линейным текстом развивает специфические навыки напряжённой интеллектуальной работы, полезные с позиций развития самостоятельного, конструктивного мышления. Кроме того, это поддерживает традиции образования, что значимо в духовном смысле.

Неустраима книга и в различных ситуациях, где она выполняет функцию овеществлённого ритуального символа, несущего спектр культурных смыслов. Прежде всего, имеются в виду обращения к книге в религиозных практиках, использование её как обязательного, смыслового центрирующего элемента в ситуациях торжественной клятвы (например, на тексте Библии или конституции), преподнесение её в качестве символически значимого дара и т. д.

Вряд ли когда-либо исчезнет из культурного оборота книга как произведение художественного дизайна. Именно то обстоятельство, что она существует в неизменяемой материально-вещественной форме, приближает лучшие образцы этого творчества к значениям «памятников культуры». Здесь она предстаёт как

уникальный предмет, эстетизирующий реальную (в отличие от электронной версии) среду культурного обитания.

Незаменима книга в том случае, когда она выполняет функции реликвии. Контексты обретения книгой такого статуса различны. Она может выступать как семейная, религиозная, государственная, историческая реликвия, символизируя историческую память, культурную преемственность. Здесь её овеществлённость определяет понимание (и переживание) книги как аутентичной, подлинной ценности, в отличие от электронной, которая в этом смысле способна выступать только в качестве копии.

Трудно предположить полный уход книги из сферы досуга. Здесь при всём изобилии электронных текстов книга остаётся либо привычной формой общения с литературой в специфично приватной атмосфере восприятия, либо становится привлекательной именно в силу обаяния своеобразной «архаичности» в контексте современного культурного пространства.

Отнюдь не снижается культурная значимость книги как раритета. Причём в разряд редких входят даже относительно недавние издания, например, малотиражные. Тем более это относится к сфере книжного антиквариата. Стоит отметить, что число таких изданий с течением времени растёт. Так, если ранее к антикварным относили только рукописные или старопечатные книги, то теперь таковыми могут считаться тексты, которым не менее 50 лет с момента издания.

Не уйдёт книга из культурных практик и как предмет экспонирования. В такой функции она находит закономерное место в постоянных музейных экспозициях, различных видах выставочной деятельности. В любом случае, в этом контексте книга предстаёт существенным элементом композиции, воплощающим значимые культурные смыслы.

Несколько парадоксальным образом складывается судьба традиционной книги в ситуации перехода от практик «всеобщего» пользования ею до специфичных, относительно локальных ситуаций обращения к ней. Эта «особость» в купе со сравнитель-

но сложным характером восприятия бумажного текста приводит к тому, что в противовес растущей массовидности «электронного» чтения возникает своеобразный элитарный интерес именно к традиционной книге. Она, по сути, становится элементом элитарной культуры, где именно её традиционность создаёт дополнительный культурный смысл [4, с. 79].

Наконец, продолжение жизни книги поддерживает и возможность «перевода» в бумажный вариант других текстов культуры. Так, например, получившие популярность фильмы, сериалы нередко получают другую форму существования в виде печатных литературных текстов. Как уже отмечалось, в этом проявляется присущая современной культуре текстовая поливариантность, в которой традиционная книга также образует свои закономерные локусы.

Уже представленный спектр культурных смыслов и значений позволяет смотреть на будущее традиционной книги с некоторым оптимизмом. Теряя в определённых отношениях свои позиции, она сохраняет значение в других ситуациях, а в некоторых её культурное звучание становится даже более весомым. В любом случае, традиционная книга и в перспективе способна многоаспектно существовать в пространстве культуры.

Литература

1. Бессарабова, М. В. Сетевое пространство как инструмент стимулирования читательской активности [Текст] / М.В.Бессарабова // Чтение на евразийском перекрёстке: Международный интеллектуальный форум : сб. материалов форума 2010 г. / .сост: В. Я. Аскарлова, Ю. В. Гушул. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. – С. 31 – 33.
2. Галактионова, Т. Г. Чтение школьников как социально-педагогический феномен открытого образования [Текст]: монография / Т. Г. Галактионова. – Санкт-Петербург : СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2007. – 164 с.

-
3. Галица, И. А. Роль книги в постиндустриальном обществе [Текст] / И. А. Галица, Е. И. Индутная // Механизм регулирования экономики. – 2009. – № 2. – С. 147 – 157.
 4. Гринюк, О. И. Культура чтения в библиотековедении [Текст] / О. И. Гринюк // Чтение на евразийском перекрёстке: Международный интеллектуальный форум: сб. материалов форума 2010 г. / .сост.: В. Я. Аскарова, Ю. В. Гушул. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. – С. 76 – 80.
 5. Коган, Е. И. Чтение нуждается в защите [Текст] / Е. И. Коган // Российская книжность в Америке. Статьи. Портреты. Рецензии / Е. И. Коган ; Рос. нац. б-ка. – Санкт-Петербург : РНБ, 2005. – С. 140 – 146.
 6. Перцовская, Р. Ф. Актуальные проблемы культуры чтения в информационном обществе [Текст] / Р. Ф. Перцовская // Вопр. культурологии. – 2009. – № 11. – С. 36 – 39.
 7. Сенченко, Н. От эры Гуттенберга к эре компьютеров [Текст] / Н. Менченко // Вестн. книж. палаты. – 2007. – № 6. – С. 3 – 6.
 8. Стефановская, Н. А. Имидж читающего человека в современном обществе [Текст] / Н. А. Стефановская // Чтение на евразийском перекрёстке: Международный интеллектуальный форум : сб. материалов форума 2010 г. / .сост.: В. Я. Аскарова, Ю. В. Гушул. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. – С. 215 – 219.

Художественная литература в ситуации конкуренции: может ли погибнуть древнейший социальный институт

Статистика и аналитика

Падение интереса к книге фиксируется аналитиками во всех развитых странах; в то же время книжные отрасли существуют пока на уровне крупных игроков рынка. Сосредоточимся исключительно на художественной литературе, которая всегда несет особую символическую и идеологическую нагрузку в общем понятии чтения.

Российская книжная палата ведет статистику литературно-художественного книгоиздания в России и предлагает следующую картину (сводная таблица составлена на основе ежегодных отчетов на сайте «Bookchamber» [5]):

Год	Количество книг	Тираж, тыс. экз.
2008	20138	154243.5
2009	18729	130799.4
2010	18131	120607.8
2011	18305	106478.9
2012	16624	83227.5
2013, 1-е полугодие	8723 (прогноз: 17400)	41278.9 (прогноз: 82400)

Как видим, наблюдается снижение и самого количества разных изданий, и суммарный тираж (тираж падает значительно быстрее, чем «видовое разнообразие»; количество книг – наименований – уменьшилось за пять лет на 20 %, а тиражи упали почти на 45 %). Ситуация с художественной литературой является частью общих тенденций книжного рынка. Кириллова Л. А.

и Сухоруков К. М. в этой связи заметили: «Безусловно, ситуация с традиционной печатной книгой ухудшилась, и весьма значительно. В 2012-м году по сравнению с 2011-м годом наблюдается как уменьшение количества названий книг и брошюр, так и осязаемое сокращение общего тиража. Эти показатели в истекшем году – 116 888 названий и 540,5 млн. экз. (против 122 915 и 612,5 млн. соответственно в 2011 году). В процентах это снижение составляет 4,9 % для количества названий и 11,8 % для тиражей. В целом же ситуация в России соответствует общемировым тенденциям развития издательского дела в экономически развитых и развивающихся странах со стабильной или уменьшающейся численностью населения. Под влиянием демографических факторов, при усилении дифференциации читательского спроса, в условиях растущей конкуренции со стороны интернет-ресурсов и электронных версий (пока ещё в основном бесплатных и зачастую контрафактных) печатных изданий, среднестатистический тираж книги в России продолжает неуклонно снижаться. В истекшем 2012-м году среднестатистический тираж составил 4624 экз., в 2011-м – 4983 экз.; в 2010 и 2009 годах средние тиражи составляли 5371 экз. и 5616 экз. соответственно» [5].

Авторы статьи указывают в качестве возможного фактора снижения социально-демографические характеристики населения страны, однако и сами признают, что это планетарный тренд. Впрочем, информация о падении тиражей, падении интереса к чтению давно стала «аксиоматичной» и не нуждающейся в статистике. Скорее, статистика позволяет видеть, что это падение не такое быстрое, как предрекалось. В то же время динамика имеет поступательный характер – год от года количественный «вал» художественной литературы уменьшается.

Сколько надо художественной литературы

Очевидно, что примерно столько, сколько могут приобрести все участники книжного рынка – библиотеки, юридические и физические лица. Рынок чутко реагирует на спрос, поэтому приведенные выше цифры показывают, что спрос уменьшается. Тем

не менее художественная литература все еще находит своего потребителя и весьма не «миниатюрного»: выпуск в год 80 миллионов экземпляров книг означает, что каждая семья в России в год приобретает хотя бы одну новую книгу. Впрочем, население «недетского» возраста (детская литература является отдельным сегментом книжного рынка и живет по своим законам) в России в 2012 году составляло 123 миллиона человек, и если перейти к «подушевому потреблению» книг, то мы увидим, что годового тиража на всех «не хватает» (то есть он и не нужен).

Лидерами тиражей остаются женские детективные романы, классика детектива (см. аналитику Книжной палаты). Отдельной статистики по выпуску новых изданий классической литературы нет. Однако в любом случае общий тренд должен распространиться и на нее. При таком «макроподходе» ничего не остается, как признать, что чтение художественной литературы переживает свой кризис.

Что означает закат художественной литературы как социального института

Сначала важно понять, почему художественную литературу вообще можно выделить из всего явления чтения в самостоятельный социальный институт. Основанием является сложная история классики, отражающая «удобство» классической литературы как «материального носителя» национальной идеи (и идеи государственности тоже). Подробно механизмы разрастания художественной литературы в мощное оружие государства в борьбе за управление самоидентификацией нации были рассмотрены в сохраняющей актуальность статье Н. А. Зоркой, Б. В. Дубина «Идея “классики” и ее социальные функции» [4].

Классика остается своеобразным ядром всей литературы, ориентиром и «нормой», причем с течением времени все более становится символическим объектом, теряющим своего живого читателя. Однако при приобщении к книге детей, например, родители считают необходимым покупать классические тексты,

адаптированные (или подходящие) для детского возраста; так, в тех же отчетах книжной палаты в сегменте детской литературы постоянно присутствуют А. Пушкин и Л. Толстой как лидеры тиражей и наименований книг для детей.

Современная художественная литература в принципе возможна только на фоне, на основе классики, в ее «присутствии», даже если текст не ориентирован на нее никаким образом, а автор вообще никогда ничего не читал (предположим). Ведь именно ядро системы, классика, позволяет формировать разветвленную систему конвенций читателя и автора и создавать условия для «поглощения» книги, ее адекватной рецепции. Но в задачи этой статьи не входит подробный разбор самих механизмов литературы как социального института [2], важнее понять последствия редукции этого института. А такая редукция возможна именно при утрате функций, «сдаче» их другим акторам институционального поля.

Возможности сетературы

Яркое явление последнего времени – уход книги на бумажном носителе. Уменьшение «количества чтения» вообще – спорный момент, поскольку проведение времени в социальных медиа (современный лидер досуга, в отличие от предшественника – телевидения) представляет собой текстовую работу, чтение текстов и их генерацию (будь то комментарии, посты, твиты). Абсолютная «выключенность» из текстового пространства пока не констатируется (и, возможно, надо изучать это явление научными методами – чтобы вовремя рассматривать именно как тенденцию в ту или иную сторону), хотя теоретически она возможна (полное переключение в видеоконтент, выражение собственных эмоций с помощью кнопок «like» и «dislike» и др. инструменты, исключающие работу с письменным словом).

Однако если вернуться к книге как таковой, то известно мнение многих исследователей о том, что «цепляние» за бумажно-переплетную организацию книг является анахронизмом. Конечно, ка-

кое-то время будут сохраняться сторонники такого типа чтения – в силу их формирования в «доцифровом» пространстве, однако уход бумажных «носителей» совсем – лишь вопрос времени.

Между тем уход линейно организованного текста, представляющего собой в случае художественной литературы именно «замкнутую вселенную», имеющую свое начало и конец, своих героев и историю, заселенную в соответствии с логикой, фантазией, идеями и сверхидеей автора, представляется менее вероятным (это очевидно по росту наполняемости электронных хранилищ книг в Интернете – proza.ru, stihi.ru, вообще всего сегмента «сетературы», где эксперименты в духе «Бесконечного тупика» Д. Галковского или «Романа» Р. Лейбова остались экспериментами, а большинство файлов с текстами являются цифровым аналогом «старой доброй книги» – просто текстом). Интересно, что программы-«читалки» тяготеют к имитации чтения-листвания «настоящей» книги, с ее тремя измерениями, шелестом страниц – вот только что без запаха типографской краски или старой бумаги. Впрочем, и такая имитация, возможно, рассчитана на «старое» поколение (и оригиналов в «новом»), а большинство спокойно читают огромные книги с маленького монитора своего мобильного или смартфона (переход к планшетникам дает больше комфорта тем, кто «поглощает» таким образом большие тексты).

Статистика читателей в Интернете оказывается весьма проблематичной (нужно специальное исследование, которое позволит объединить статистику скачиваний той или иной книги или выходов для ее чтения он-лайн, притом, что один и тот же текст может размещаться на множестве платформ). Возможны и специальные опросы. Пока все, что организуется в сфере социологии чтения, уязвимо с точки зрения научной методологии.

Альтернативы художественной литературе

Однако, говоря о художественной литературе как вместилище основных национальных идентификаторов, образного переживания коллективного опыта, а главное – коллекции ценностей,

которые не формулируются как статьи Конституции или любых других официальных документов, а требуют именно образно-символического воплощения, мы вынуждены сосредоточиться на главном – нужна ли художественная литература, будет ли она существовать завтра-послезавтра-столетия-спустя, каковы будут ее функции.

Очевидно, что у литературы есть замена, становящаяся все более актуальной, – это художественный фильм. Обладая всеми признаками «замкнутой вселенной» (продукт автора, представляющий собой плод его фантазии, обобщения реальности, населенный героями, действующими в рамках заданной логики и т. п.), фильм имеет и ряд преимуществ: компактность временных затрат на восприятие, образно-эмоциональный арсенал (основанный на особенностях визуальности как культурного пласта), подключение звуковых эффектов и т. п. «Шаманизм» кинематографа (отсылка к древним практикам передачи сакральных знаний с помощью перформанса) ставит его в более сильную позицию по отношению к чтению художественной литературы (с этой точки зрения интересна бесконечная дискуссия – заменяет ли экранизация книгу, с вечным выводом «нет, не заменяет» и не менее вечной очевидностью «первичности» фильма по отношению к чтению. Посмотрев сериал «Мастер и Маргарита», люди покупают книгу М. Булгакова, чтобы «перечитать»; последний по времени всплеск – «Анна Каренина» Л. Толстого).

Другой конкурент книги – компьютерная игра. Это менее распространенная, но более соотносимая с книгой форма времяпровождения: «пройти» современные типы топовых игр можно в среднем за 30–40 часов, что соотносимо со средним по скорости чтением книги в полторы-две тысячи страниц. Для сравнения: объем «Войны и мира» – 2400 страниц типового формата. «Пройти игру» означает постоянно находиться в «замкнутой вселенной» игрового пространства, сосуществовать там с населяющими ее героями и понимать логику этого сосуществования. Кроме того, у игры может быть цель – выполнение определенной задачи, миссии, что и определяет понятие «пути» (от начала до

конца). Проблема «целеполагания» в художественном произведении (романе, повести) тоже чрезвычайно значима (по Достоевскому, «нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий *перст, страстно поднятый*» – сокровенная «сверхзадача» любого текста, которую автор не формулирует, а «фундаментирует», прячет, разливает во всем целом своего произведения). Не вдаваясь в подробности дискуссии «а что автор хотел этим сказать», заметим, что в пространстве компьютерных игр (где есть своя жесткая жанровая дифференциация) игрок становится частью этих задач. Степень его вовлечения в мир игры крайне велика, поскольку суть игры (в отличие от книги и даже фильма) – интерактивность, возможность вести своего героя к разным финалам, выбирать стратегию его поведения, другими словами, самому быть автором «текста» конкретного варианта «прохождения» игры. По сравнению с миром книги, где читателю предлагается одна главная работа – мысленная визуализация содержания, превращение в режиссера, компьютерная игра требует сотворения характера. Этим она «перебивает» коммуникативные задачи художественной литературы.

Возвращаясь к «соперничеству» художественной литературы и других форм искусства, отметим, что сильной стороной художественной литературы (в отличие от кино и тем более компьютерных игр, находящихся на периферии идеологического поля), является институциональность и мощная поддержка традиции. Именно эта поддержка, осуществляемая не отдельными лицами, но «совокупным субъектом» (так, современные родители, сами формировавшиеся в ситуации падения интереса к чтению, переживают, что их дети не читают, – см. исследование Л. А. Борусяк [1]), может стать гарантом сохранения художественной литературы в цифровую эпоху.

Размышляя о соперничестве литературы с визуальными формами, Б. В. Дубин замечает: «В сравнении с ними как типовыми формами коммуникации... алфавитное письмо и опирающаяся на него книжная печать это предельно формальное (условное) и потому наиболее рационализированное средство трансляции

значений и образцов. Это легко понять, если вспомнить, что чтение, понимание и интерпретация печатных (книжных) текстов – единственный вид массовой коммуникации, которому мы специально обучаемся в рамках автономной, институционализированной системы. Скажем, смотреть телевизор, как и кино, нас никто не учит, этот навык не выделен из потока жизненного опыта и воспринимается вместе с усвоением других социальных ролей – ребенка, члена семьи, юноши/девушки и т. д.» [3, с. 200].

*Кризис чтения как предвестник рождения
нового социального института?*

И все же сформулируем проблему-распутье: уходит бумага или литература? Иначе говоря, художественная литература обретает новую форму (и новые способы чтения, при этом само понятие грамотности – равно как и письменности – не затрагивается) или уходит совсем, предоставляя видеокультуре занять освобожденное место?

Здесь М. Маклюэн как раз и предлагает смотреть на тенденции XX века (и многие его предвидения в XXI веке только подтверждаются) как на знак перехода от эпохи буквенной письменности к электронному сигналу («цифре») [6]. Это – куда более значимый переход, чем замена ручного производства книг индустриальным, конвейерным. Эпоха Гутенберга ознаменовалась технической возможностью доступа к книге (= знанию) широчайших слоев населения. Но это был передовой фронт именно для той эпохи, и «массовая воспроизводимость» (В. Беньямин), имея колоссальный социальный эффект, не изменяла суть культурного процесса – передача информации с помощью письменности (смотри мнение Б. В. Дубина о предельной рационализации алфавитного способа передачи информации). По Маклюэну, эпоха эта завершается, и человечество вступает в новую стадию развития своего «культурного поля» – исчезновения письменности, возврата к визуально-образному способу освоения мира, фиксации ценностей, их передачи из поколения в поколение.

Здесь хотелось бы уточнить – очень возможно, что как раз с алфавитом ничего фатального и не произойдет (и грамотность, и техническая, и универсальная литература никуда не денутся), но вот формы эстетизирования идей (сейчас эту функцию выполняет художественная литература) могут измениться, они не застрахованы от такого изменения. В любом случае, анализ функционирования социального института художественной литературы свидетельствует о глубоких кризисных явлениях, неадекватности ответов на внешние вызовы, а следовательно, угроза краха института не надумана. Дело не в переходе на «другие носители», а в размывании формально-рационального способа создания образных моделей – под натиском технологических изменений в самих системах массовых коммуникаций. Именно «шансы» визуальности (креолизованные тексты можно рассматривать как переходное явление) вытеснить алфавитную рационализацию из сферы эстетического, сферы искусства вообще и должны быть объектом пристального изучения и анализа. О проблемах литературы и – шире – книжного дела аналитики Книжной палаты говорят именно в категориях рассуждения о рушащемся на их глазах институте, нуждающемся в мощной государственной поддержке, неспособном ответить на вызовы времени «изнутри», своими силами: «В России, несмотря на все декларации о её особой духовности, по-прежнему юридически не определён социальный статус книги. У нее может падать или увеличиваться тираж, продажа, читательский спрос – но кто докажет, что это хорошо или плохо? Ведь сегодня установилась мода на трактовку книги (не только электронной, но и печатной) с позиции информатики: книгу считают разновидностью документа, или ресурсом, или неким средством массовой информации и коммуникации. Тогда явное снижение интереса к традиционной книге, может быть, и не должно вызывать тревогу: ведь есть газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет и другие информационные передатчики и носители. Падение производства и продаж одного из видов информационных товаров легко компенсируется ростом для других его

“собратьев”. Да и бесплатный доступ к массовой информации приучает потенциальных, а то и “бывших” читателей игнорировать книгу вообще, а с “напряжным” содержанием – в особенности. Если же мы продолжаем считать книгу особым явлением, чем-то отличающимся от других, или даже товаром (но с особой потребительной социально-культурной ценностью), то, видимо, давно назрела необходимость не декларативно, а законодательно определить роль и место именно социально значимой книги и книжного дела в системе социальных и экономических отношений, а также меры их контроля и поддержки на государственном, национальном, региональном и прочих уровнях. Эта поддержка должна быть эффективной (т. е. в рыночных условиях – прежде всего финансовой) и оперативной для всех субъектов книжного рынка (авторов, издателей, книгораспространителей, библиотек и – наконец – читателей и пользователей). Иначе мы рискуем потерять статус книжной державы – не мифической “самой читающей страны в мире”, а просто страны и общества с развитой книжной культурой» [5]. Нетрудно заметить, что авторы обзора оперируют именно институциональными понятиями. Конечно, такая огромная традиция, как художественная литература, не может «пасть в одночасье». Но рассматривать симптомы падения следует с точки зрения институциональной рациональности, а не эмоционально-психологической зависимости, только тогда можно будет четко видеть тренд и понимать, как следует (и возможно ли) корректировать его развитие.

Литература

1. Борусяк, Л. Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов [Текст] / Л. Борусяк // Вест. обществ. мнения. – 2010. – № 3. – С. 53 – 65.
2. Гудков, Л. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы [Текст] / Л. Гудков, Б. Дубин. – Москва : Нов. литератур. обозрение, 1994. – 352 с.

-
3. Дубин, Б. В. Символы – институты – исследования. Новые очерки социологии культуры [Текст] / Б. В. Дубин. – [Б.и.] : Lambert Academic Publishing, 2013. – 268 с.
 4. Дубин, Б. В. Идея «классики» и ее социальные функции [Текст] / Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая // Проблемы социологии литературы за рубежом : сборник / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – Москва, 1983. – С. 40 – 82.
 5. Кириллова, Л. А. Углубляющийся кризис: книгоиздание России в 2012 году [Электронный ресурс] / Л. А. Кириллова, К. М. Сухоруков // Российская книжная палата [сайт] / ред. совет: Е. Б. Ногина, Р. А. Айгистов и др. – Москва : [б. и.], 2013. – Режим доступа: www.bookchamber.ru/content/stat/stat_2012.html. – Дата обращения: 02.09.13.
 6. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего [Текст] / М. Маклюэн. – Москва : Академ. Проект ; Фонд «Мир», 2013. – 496 с.

II. Институты книжно-библиотечного дела как организаторы чтения: время перемен

Равинский Д. К.

Чтение. Грамотность. Библиотеки: что обсуждают на Западе?

Как все мы знаем, проблемы чтения и грамотности в последние десятилетия часто становятся поводом для пессимистических раздумий. Сказанное в полной мере относится и к развитым индустриальным странам, обычно обозначаемым как «Запад». Нет недостатка в алармистских статьях, призывающих остановить сползание общества в пучину неграмотности (или нет-грамотности), невежества и массового снижения интеллектуальных способностей. Как заметил один журналист, «в течение четверти столетия обзоры читательских навыков американцев, подготавливаемые Национальным фондом поддержки искусств, были любимым материалом всякого, кто считал, что Америка тупеет». Известный американский специалист в области изучения чтения Н. Каплан сформулировала основной вывод доклада 2007 года «Читать или не читать: Вопрос национальной важности» следующим образом: «Три важных тенденции обосновывают тревожный прогноз по поводу будущего чтения и, в сущности, будущего гражданской жизни в нашей стране:

1. Историческое снижение показателей чтения не по программе среди детей и подростков.
2. Постепенное ухудшение навыков чтения среди старших школьников.
3. Снижение навыков чтения среди взрослых читателей».

Эти три тенденции определяют итоговое положение доклада: «Чтение книг в свободное время, для удовольствия, жестко коррелирует с качеством чтения, так что когда снижаются показате-

ли чтения для удовольствия, мы наблюдаем и снижение качества чтения» [7, р. 194]. Н. Каплан, кстати, не разделяет пессимизма по этому поводу, в частности, потому что методика исследования не учитывала чтения текстов в интернете, а это, по мнению Каплан, существенно меняет картину чтения молодежи «не по программе».

В данной статье я попытаюсь обозначить некоторые из «горячих точек», наметившихся в обсуждении проблем чтения за рубежом. Безусловно, остроту обсуждению придают те радикальные изменения, которые привнесла в нашу жизнь информационная технология. Как пишет Энтони Графтон в журнале «Нью-Йоркер», «компьютер и интернет изменили характер чтения более радикально, чем любая технология со времени изобретения печатного станка» [5, р. 50]. Разумеется, нет недостатка в заявлениях о «конце эпохи Гутенберга». Графтон, однако, придерживается другого мнения. «И все же мы по-прежнему нуждаемся в наших библиотеках и архивах... Формат, в котором вы соприкасаетесь с текстом, может иметь огромное влияние на то, как вы его используете. Оригинальные документы вознаграждают нас за то, что мы не поленились их найти, сообщая нам то, что никакой электронный образ сообщить не может. Digiuid описывает, как он наблюдал в архиве за исследователем, который методично обнюхивал письма полуторавековой давности. Оказалось, он искал запах уксуса – им опрыскивали письма из городов, где вспыхнула эпидемия холеры, в надежде, что уксус дезинфицирует письмо. Таким образом историк пытался проследить, как распространялась холера. Переплеты, обычно самодельные в первые десятилетия книгопечатания, говорят о владельцах книг, об их социальном статусе и о многом другом. Маргиналии, заметки на полях – бесценный источник для исследователя» [5, р. 54]. Заканчивается статья пассажем, особенно важным потому, что напечатан не в библиотечном, а в рассчитанном на массовую аудиторию издании: «В Нью-Йоркской публичной библиотеке персонал ценит электронные технологии. Сотни тысяч изданий из фондов библиотеки оцифрованы и доступны в интернете. Но фонды библиотеки насчитывают более 53 миллионов единиц хранения.

Когда вы сидите в кафе неподалеку от библиотеки, вы можете получить много информации при помощи ноутбука. Но если вам требуется более глубокое, более специальное знание, вы должны подняться по ступеням между двумя лежащими львами в здании Нью-Йоркской публичной библиотеки. Здесь – как во всех крупных библиотеках – вы сможете использовать все новые ресурсы, предоставленные в электронной форме. Однако эти кладези информации, сколь бы богатыми они ни были, дополняют, но не отменяют книги и рукописи, которые только библиотека может вам предоставить» [5, р. 54].

Статья социолога Джеффа Пэйна появилась в 2006 г. на страницах «Британского журнала социологии», одного из трех ведущих социологических журналов Великобритании [8]. Это важно отметить, поскольку проблемы чтения и грамотности достаточно редко становятся предметом изучения со стороны высокостатусных профессионалов-социологов, при этом нередко оказываясь поводом для дешевых «журналистских сенсаций». Собственно, о таком случае и идет речь в статье. Весной 1999 г. на страницах британских газет начали появляться сообщения о том, что, «как показали исследования», ситуация с массовой грамотностью в стране попросту ужасает. «Гардиан» в номере от 24 марта 1999 г. объявила, что спонсированное правительством исследование выявило, что «каждый четвертый взрослый англичанин с трудом может прочесть полноформатную газету, каждый шестой не способен читать на уровне, требующемся, чтобы справляться с простыми задачами повседневной жизни, такими как чтение расписания движения автобусов или меню». 12 июля «Гардиан» напечатала заметку, где говорилось, что исследование ЮНЕСКО показало, что 22 процента населения Великобритании неграмотны [8, р. 223]. Сведения такого рода регулярно появлялись на страницах «Гардиан», «Обсервер» и других изданий левой ориентации. Шум в прессе, то, что на Западе обычно называется «моральной паникой», привели к тому, что лейбористское правительство приняло меры – значительные средства (более 100 миллионов фунтов стерлингов в год) были направлены на улучшение навыков грамотности населения

Великобритании. Это не может не радовать, но остается вопрос об обоснованности «моральной паники» вокруг проблем массовой грамотности. В своей статье Дж. Пэйн показывает социологическую недостоверность результатов исследования (в частности, не учитывались гендерный и возрастной аспекты) и делает вывод, с которым солидарны многие деятели образования: заявления, что каждый пятый взрослый житель Великобритании неграмотен, не соответствуют действительности.

Мы, однако, сосредоточимся на одном аспекте аргументации Пэйна. По его словам, в исследованиях речь шла не о грамотности вообще, но о так называемой «функциональной грамотности», однако в газетных статьях слово «функциональная», как правило, выпадало. И здесь Пэйн видит принципиальное непонимание. Идея «функциональной грамотности», т. е. грамотности, обеспечивающей нормальное функционирование в обществе, возникла в 1950-е годы. До этого исследователи трактовали «грамотность» и «неграмотность» как дихотомичные, абсолютные понятия. Люди либо умели читать и писать, либо не умели. Постепенно среди специалистов такой подход сменился более гибким, понимающим, что существуют разные уровни грамотности, а в разных обстоятельствах «грамотность» приобретает различные значения. В исследованиях, проводившихся в Великобритании в девяностых годах прошлого столетия, таких как «Обследование грамотности взрослых» (1996 г.), использовались методики, тестировавшие навыки грамотности в разных сферах: чтение художественной литературы, работа с документами, повседневная грамотность. В последнем случае тестировались навыки чтения газет, понимания объявлений, пользования расписанием автобусов и т. д. По результатам обследования информантов распределили на несколько (четыре или пять) уровней функциональной грамотности.

И вот здесь Пэйн высказывает принципиальную методологическую претензию к методике исследования: по его мнению, концепция функциональной грамотности основывается на индивидуальном опыте в различных социальных ситуациях, но в исследованиях измерение и отнесение к определенному уровню

грамотности столь же жестки и безапелляционны, как при измерении «абсолютной грамотности» [8, р. 228]. Иначе говоря, за точку отсчета берутся нормативные представления, характерные для интеллигентных представителей среднего класса, к которым, очевидно, относятся сами организаторы исследований. Так, чтение серьезной, «качественной» газеты – черта культуры среднего класса, основанной на представлении, что печатные издания – главный путь распространения информации в обществе. Однако, пишет Пэйн, «даже жадные любители новостей вроде меня самого частенько предпочитают смотреть новости по телевидению, чем читать серьезную газету» [8, р. 229]. Сходным образом нормативная грамотность трактует умение понимать расписание движения автобусов как ключевое умение для повседневной жизни, «но, подобно большинству городских жителей, я просто жду на остановке, когда придет автобус, – кто всерьез верит, что появление автобусов связано с вывешенным расписанием?». Другой тест связан с пониманием инструкций по приему лекарств – «но мой врач всегда говорит мне, сколько и когда принимать, выписывая рецепт для аптеки». Наконец, «когда мне нужен водопроводчик, я обычно спрашиваю соседей и знакомых, не знают ли они надежного мастера, а не изучаю “Желтые страницы”» [8, с. 229]. Вывод Пэйна вполне определен: «Приверженцы нормативной грамотности могут сами действовать в культуре печатного слова, но значительная часть остального общества находит иные пути устраивать свою повседневную жизнь» [там же].

Мысль Пэйна подтверждается результатами других исследований. Так, исследование касалось поведения пожилых китайских женщин, переселившихся в США [3]. Изучение английского оказалось для них непреодолимым препятствием и, казалось бы, жизнь этих женщин должна быть крайне ущербной. Однако исследование показало, что, используя различные техники (использование посредников-переводчиков, язык жестов и др.), пожилые китайки ведут активный и полноценный образ жизни.

Мы привели эти материалы, чтобы подчеркнуть главное, на наш взгляд, в сегодняшнем изучении грамотности: многомерное,

сложное понимание грамотности как социокультурного феномена. Сегодня педагоги и социологи обсуждают новые виды проблем грамотности, распространившиеся в современном обществе. Много говорят о «нет-грамотности (aliteracy) – сознательном отказе использовать навыки грамотности. «Нет-грамотность» получила широкое распространение в США. Майкл Горман так описал подобных людей: «Они читают только то, что должны читать, но не больше, и если что-нибудь и пишут, то самое большее – эсэмэски» [цит. по: 1, р. 244]. Согласно одному остроумному определению, «нет-грамотность – это умение читать при отсутствии желания это делать». Другое часто обсуждаемое понятие – «функциональная грамотность». Она характеризуется как «умение читать и писать на уровне, который позволяет жить нормальной внешней жизнью, однако внутренняя жизнь обеднена». Многие выпускники школ в Соединенных Штатах стараются ограничиться минимальным образованием и жить в пределах лишь функциональной грамотности. Читать «для себя», «просто так» они не хотят. Функционально грамотный человек может прочитать знаки уличного движения или составить заявку на соискание работы, но ведь большинство работ требуют гораздо более развитой грамотности. Как отмечал тот же М. Горман, «есть миллионы американцев, которые могут читать объявления, но не могут прочитать книгу, разобраться в длинной газетной статье или написать убедительное письмо» [Цит. по: 1, р. 249].

Современные технологии принципиально изменили понимание грамотности, которую можно понимать в широком смысле – как умение пользоваться информацией. Финские исследователи отмечают: «Объем информации, требующийся сегодня для функционирования в обществе, резко вырос. Больше того, сам характер информации изменился, по крайней мере, к ней следует подходить с большей осторожностью, чем прежде. Все труднее становится различить реальное и нереальное, информацию и дезинформацию. Конечно же, следует признать, что достоверность многих текстов, напечатанных в свое время на бумаге, также вызывает сомнения. Разница, однако, в том,

что в интернете распространять информацию, которая неправдива, односторонняя или намеренно искажена, удивительно легко, особенно когда, как в большинстве случаев, между автором и опубликованным текстом нет традиционных "привратников", т. е. редакторов, отвечающих за публикуемые материалы» [2, р. 386]. Следствием такого положения стали изменившиеся требования к грамотности. «В сегодняшнем мире главные умения, необходимые для выживания, – это умения оценить найденную информацию и отличить релевантную от нерелевантной <...>. Сегодняшние требования к грамотности не ограничены базовой механической способностью читать, для функционирования в обществе требуется понимание пространственных и разнообразных текстов и документов» [2, р. 386]. И далее авторы пишут: «В наши дни ключевое требование к грамотности – умение бегло просматривать (skim) огромные объемы информации, полученной в результате поиска» [2, р. 387]. Стоит отметить, что глагол «skim» можно перевести и как «скользить», и как «снимать пенки». Смысл в данном случае понятен: нужно уметь просматривать большие объемы текстов быстро, но выявляя важное и достоверное.

Многие средства массовой информации сегодня бросают вызов традиционному печатному формату распространения информации, предоставляя более оперативную информацию в сжатой форме, при этом распространяя ее как фон повседневной жизни – в виде сводок или заголовков новостей бегущей строкой, например. Это создает у потребителей подобной информации фальшивый комфорт ложного чувства информированности, не требуя времени и усилий для обдумывания фактов и критического осмысления того, что столь удобно предоставляется. Поверхностные сводки и заголовки новостей – гораздо более быстрые и удобные источники информации сравнительно с теми усилиями, которые требуются при чтении. Таким образом, проблема, стоящая сегодня перед западным постиндустриальным обществом, может быть сформулирована так: как воспитать гражданина, способного критически осмысливать и оценивать полученную информацию? Гораздо распространеннее сегодня тип

обывателя, пассивно воспринимающего «упакованную» информацию. Видимо, все более важной социальной функцией библиотек станет поддержание культуры «старомодного», медленного чтения. Как видим, эта традиционная функция библиотек все более приобретает черты гражданского воспитания.

Такова реальность, с которой сталкиваются образовательные учреждения и библиотеки. Задача библиотек в этих условиях выходит за пределы обычной помощи в нахождении нужных сведений. «Успешный поиск информации и непрерывное образование требуют особой грамотности, грамотности чтения для удовольствия, а не просто грамотности, которая отвечает потребностям в информации» [1, р. 245]. И далее: «Радость, открытия, энтузиазм и знание, которые приносит чтение, должны быть выпестованы в каждом читателе – или в потенциальном читателе. Индивидуальный опыт чтения, для работы или для удовольствия, улучшает читательские навыки и развивает самостоятельность, которая позволяет читателю приобретать знания и ценностные ориентации» [там же].

Как подчеркивает А. Vundy: «Простое изобилие информации и технологии само по себе не создает более информированных граждан без сопутствующего осмысления и способности использовать информацию эффективно» [Цит. по: 11, р. 221]. Информационная грамотность – важный компонент этой повестки дня. Отсюда – предполагаемое изменение роли библиотекарей и информационных работников, переход от роли привратников – к гидам (от привратников – к наставникам). Библиотекари могут учить общим навыкам поиска информации, в то же время делая акцент на достоверность, точность и актуальность информации. Интернет-поисковики облегчают грубый поиск буквально миллионов информационных ресурсов, но, как правило, не могут помочь найти неизвестное, сделать открытие. Кэйт Виттенберг из Колумбийского университета обозначила проблему так: «Библиотеки позволяют людям формулировать вопросы в той же мере, в какой получать ответы... Кто будет это делать в виртуальном мире?» [Цит. по: 11, р. 221].

В связи с этим хочется привести еще высказывание Барбары Квинт, редактора журнала «Серчер», посвященного проблемам поиска информации: «Со времени появления онлайн-мира в 1970-е годы я утверждала, что люди могут обойтись без библиотек, но они не могут обойтись без библиотекарей. Эта убежденность не изменилась. Сегодня, когда все больше людей получают доступ к информации онлайн и полагаются на эту информацию, они больше чем когда-либо нуждаются в профессионалах в области информации, отстаивающих их интересы» [10].

Однако проблема поиска нужной информации, проблема «функционирования в современном обществе» – лишь одна сторона дела. Как уже говорилось, в условиях повышенной интенсивности информационной среды усиливается потребность в чтении как таковом – не столько для получения информации, сколько для ощущения личностного роста, радости общения с другими людьми и просто «для удовольствия». В западной прессе отмечается феномен последних лет – рост числа читательских групп, собирающихся для чтения и обсуждения прочитанного. В начале двадцать первого столетия в таких группах в Британии состояло свыше пятидесяти тысяч человек, а в США, возможно, в десять раз больше [12]. В Соединенных Штатах вехой стал 1996 год, когда Опра Уинфри, ведущая телевизионных ток-шоу, организовала свой «Книжный клуб Опры», который быстро стал одним из самых поразительных феноменов в истории коллективного чтения. Каждый месяц Опра выбирает одну книгу, и к тому времени, когда книга обсуждается на ток-шоу следующего месяца, пятьсот тысяч телезрителей прочитали по крайней мере часть книги. В Британии идея читательских групп получила стимул в 1997 году, когда Orange, в то время небольшая фирма по продаже мобильных телефонов, начала кампанию по продвижению книг и чтения. Год спустя газета «Мэйл он Санди» начала свою кампанию такого рода. Газета предложила читателям 5 000 стартовых подборок книг, которые быстро разошлись.

Немалую, а можно сказать и превалирующую, роль в этих процессах играют библиотеки. Группы обсуждения книг при би-

блиотеках – традиционное явление в американских публичных библиотеках. Нередко раздаются голоса, что это скорее явление прошлого, что для современного читателя (если таковые вообще сохраняются) эти формы работы не представляют интереса. Однако опыт работы публичных библиотек США говорит об обратном [6]. На общенациональном уровне существует программа Американской Библиотечной Ассоциации «Давайте поговорим об этом» («Let's Talk About It»). Программа продвигает обсуждения книг, начиная с 1982 года. Концепция «одна книга – один город» признана успешной во многих городах. Каждая книга, выбранная для обсуждения в определенном городе, должна открывать неизвестное, вызывать неоднозначную реакцию и приводить к дискуссиям, «изменяющим местное сообщество». Как заметила одна из библиотечарей-организаторов дискуссий, «когда выбираешь книги нон-фикшн, важно хорошо понимать ваше местное сообщество. Одни книги могут лучше подходить к более космополитичной среде, а другие скорее подойдут сельским сообществам».

Вместе с тем и на местном уровне программы обсуждений книг вполне процветают. В библиотеке графства Джонсон в штате Канзас работает программа «Коричневые пакеты и обсуждения книг: прочитали недавно какую-нибудь хорошую книгу?» (поясним, что в коричневых пакетах обычно приносят с собой еду на работу). Участники приносят с собой еду и за совместной трапезой обсуждают прочитанные недавно книги. Отметим, что в данном случае не требуется прочитать всем определенную книгу, выбранную для обсуждения, а каждый может говорить о книге, выбранной им самим. В библиотеке города Спрингфил (штат Иллинойс) группы обсуждения книг существуют более сорока лет. Как справедливо заметила по этому поводу библиотечарь, «всякая группа, которая встречается дважды в месяц более сорока лет, должна делать что-то правильное». В настоящее время при библиотеке действуют несколько групп обсуждения книг, в том числе – одна русскоязычная.

Что же приводит людей в группы обсуждения прочитанного? Как отмечает работник библиотеки, координирующая работу такой группы, «большинство из тех, кто решил к нам присоеди-

ниться, находятся в середине переходного периода в жизни: их семьи выросли, они недавно завершили свою долгую профессиональную карьеру, и они пытаются найти новое измерение в своей жизни, которое поможет им справиться с переменами и новыми вызовами» [6, р. 23]. Те, у кого раньше было мало времени для чтения, открывают разнообразие тем, авторов и жанров. Стимулирующий и поддерживающий групповой опыт, проявляющийся при обсуждении книг, очень важен для этих участников. И, разумеется, «используя разговор о книгах как стартовую точку, участники группы быстро начинали интересоваться друг другом и заботиться друг о друге, обмениваясь не только рекомендациями того или иного автора, но и практическими советами, контактами в социальных службах и т. д.» [там же].

Принципиально важно подчеркнуть, что говорить о гражданском обществе в данном случае следует не только тогда, когда речь идет об обсуждении книг нонфикшн, посвященных социально-политической тематике. Групповые обсуждения детективов или дамских романов результатом имеют появление сетей человеческого общения, возможность самореализации и преодоления одиночества. А это и есть путь к созданию гражданского общества. Снова процитирую одну из библиотечарей – организатора таких групп: «Это те ощущения, которые я хочу испытать, когда я обсуждаю книги. Я хочу иметь возможность посмотреть в глаза другого человека – и увидеть неподдельное волнение. Это то, без чего чтение для меня не полноценно. И это позволяет поддерживать пламя в общем костре» [6, р. 26].

Подчеркнем, в данном случае уместно говорить не просто об «опыте работы», а о расстановке приоритетов библиотечной деятельности. Нэнси Перл, на протяжении нескольких лет возглавлявшая Центр книги и чтения Публичной библиотеки Сиэттла, в интервью, данном журналу «Америкэн Лайбрэризм», говорит: «Библиотечное сообщество наконец-то уразумело, что задача библиотек, в особенности публичных библиотек, не просто обеспечить доступ к информации, но и помогать людям находить хорошие книги для чтения на досуге и для рекреации»

онного обучения, знакомого сегодня многим. Я полагаю, что мы, наконец, видим, как маятник качнулся назад, так что две составляющие библиотечного обслуживания – предоставление информации с одной стороны и книги и мероприятия с другой – стали более сбалансированными. Объявив, что библиотеки решили сложить все яйца в одну корзину – информационную, мы обнаружили, что библиотеки стали играть все меньшую роль в жизни людей. С тех пор, как в библиотеках произошли радикальные перемены – появился интернет, библиотечные школы превратились в «информационные» школы – все внимание было направлено на технологии и на важную роль, которую они играют в библиотеках. Возможно, теперь нам стоит поразмышлять о важности книг и чтения в библиотечном мире» [9, р. 32]. И далее Н. Перл высказывает любопытное соображение: «Если вы проследите за тем, как часто библиотекаря просят создать сайт в интернете, и как часто его просят посоветовать для чтения хорошую книгу, вы убедитесь, что второе происходит во много раз чаще, чем первое. Однако библиотечных студентов обычно обучают первому, игнорируя второе» [9, р. 33].

Представители библиотечного сообщества отмечают свидетельства неугасающего интереса к чтению и среди молодежи. Так, Нью-Йоркская публичная библиотека несколько лет назад открыла Центральную библиотеку для подростков (Teen Central) «со всеми возможными технологиями, которые обещают убить чтение». Но, как свидетельствовал год спустя сотрудник библиотеки, «постепенно подросткам надоели компьютеры, компакт-диски и DVD, и единственная вещь, которая им еще не надоела, это книги» [4].

Подводя итог, можно сказать, что в эпоху информационных технологий возрастает ценность того, что оказывается вне рамок технологий: нестандартной, «понимающей» экспертизы в работе с информацией, удовольствия от чтения хорошей книги, радости разговора о книгах с другими людьми. Возрастает поэтому и роль библиотек.

Литература

1. Agee, J. Literacy, aliteracy and lifelong learning / J. Agee // *New Library World*. – 2005. – Vol. 106, № 1212. – P. 244 – 252.
2. Aro, M. Riding the information highway – towards a new kind of learning / M. Aro, E. Olkinuora // *International Journal of lifelong education*. – 2007. – Vol. 26, № 4. – P. 385 – 398.
3. Chu, C.M. Literacy practices of linguistic minorities / C. Chu // *Library Quarterly*. 1999. – Vol. 69, № 2. – P. 339 – 359.
4. Fialkoff, F. Is reading out? / F. Fialkoff // *Library Journal*. – 2004. – Vol. 112, № 13. Aug 15. – P. 8.
5. Grafton, A. Future reading / A. Grafton // *New Yorker*. – 2007. – Vol. 83, № 34. – Nov 5. – P. 50 – 54.
6. Hill, N. Would you like fries with that? The changing face of library book discussions / N. Hill // *Public Libraries*. – 2007. – March/Apr. – P. 19 – 26.
7. Kaplan, N. To read, responsibly / N/ Kaplan // *Public Library Quarterly*. – 2008. – Vol. 27, № 3. – P. 193 – 201.
8. Payne, G. Re-counting “illiteracy”: literacy skills in the sociology of social inequality / G. Payne // *The British Journal of Sociology*. – 2006. – Vol. 57, № 2. – P. 219 – 240.
9. Pearl, N. Lust for reading / N. Pearl // *American Libraries*. – 2005. – Vol. 36, № 5. – P. 32 – 36.
10. Quint, B. Will libraries vanish? / B. Quint // *Information Today*. – 2012. – Vol. 29, № 2. – P. 8.
11. Wallis, J. Cyberspace, information literacy and the information society / J. Wallis // *Library Review*. – 2005. – Vol. 54, № 4. – P. 218 – 222.
12. Wordwombs / [editorial article] // *Economist*. – 2001. – Vol. 358, № 8212. – March 10. – P. 86.

Читатель в фокусе профессиональных представлений: XXI век

Для каждого периода общественного развития характерно доминирование той или иной системы представлений о читателе. Совокупность этих представлений мы называем концепцией читателя. В самом общем виде это представления о роли читателя в книжном деле (объект-субъектная, субъект-объектная и субъект-субъектная, объект-объектная); приоритетных группах читателей; целях и задачах их изучения; о социально-полезном и социально вредном чтении.

В реалиях нынешней российской жизни еще нет оснований говорить о сложившейся концепции читателя, но некоторые ее слагаемые вырисовываются вполне отчетливо. Думается, что для нашего времени характерна разорванная, внутренне конфликтная система представлений. В значительной степени это порождение противоречий и разлада в жизни российского социума. В современной концепции читателя не могли не отразиться такие приметы российского дегуманизованного общества, как утрата традиционных моральных ценностей, рост социального нигилизма, разобщенность, потребительское отношение к человеку, забвение функции социальной ответственности. Создается ощущение, что человек перестал быть ценностью, главным мерилом всех преобразований; он технологически рассматривается как средство решения финансовых, маркетинговых, политических и иных проблем. Соответственно и читатель как основной адресат книжного процесса сместился на периферию профессионального сознания. Немного сгустив краски, отметим, что авторы озабочены преимущественно реализацией своих книг, бьются за рейтинги и литературные премии, издатели решают проблемы прибыльности собственного бизнеса, а специалисты книжной торговли озадачены в основном экономической эффективностью книгораспространения. В библиотечной среде

наиболее обсуждаемы проблемы выживания библиотек в цифровую эпоху, технологические преобразования библиотечных процессов; в вузы культуры спускаются образовательные стандарты не просто игнорирующие, а уничтожающие гуманистическое содержание библиотечной профессии. Анализ содержания полемики, которая в последние годы ведется между различными участниками книжного процесса на страницах профессиональной печати и в Интернете, показал, что назрел вопрос о необходимости существенной коррекции профессионального сознания практически всех участников книжного процесса.

Создается впечатление, что сейчас ключевое слово их взаимодействия – «против». Издатели выступают против традиционных и электронных библиотек, а также против «книжных пиратов» и читателей, библиотеки – против издателей, читатели – против издателей и т. д. Правомерно возникает вопрос: а кто за читателя, человека, который в духе терминологии общества потребления все чаще именуется пользователем, потребителем, клиентом? Кто озабочен человеком, ради которого вроде бы и создается книжно-журнальная продукция? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрим книжный процесс как коммуникативное взаимодействие, которое во многом определяется представлениями о читателе, бытующими на линиях «автор-читатель», «издатель-читатель», «книгораспространитель-читатель», «библиотекарь-читатель».

Рассматривая представления, бытующие на линии «автор – читатель» зададимся вопросом: кем является читатель для современного российского писателя? Он уважаемый и полноправный собеседник, с которым предполагается субъект-субъектное взаимодействие, пассивный объект поучений или манипуляций? Тот, с которым автор щедро делится своими жизненными наблюдениями, литературно-художественными достижениями, к повышению которого нужно стремиться, помочь ему лучше понять окружающую реальность, самого себя? Или, напротив, тот, для которого «стряпается» незатейливое литературное блюдо, апеллирующее к элементарным инстинктам, бытовому любопыт-

ству? А, может быть, читатель – это тот, кто интересуется автора лишь как средство обеспечения его безбедного существования? Кто для автора читающая публика, по определению В. Г. Белинского: «толпа» или «грозный властелин-невидимка»?

Однозначного ответа на эти вопросы нет, так как у каждого автора свое видение читателя. Коммуникация на линии «автор – читатель» протекает в основном латентно, оставаясь фактом писательского сознания, и только иногда проявляется в виде явного диалога с конкретным читателем, группой или массой. Представляется достаточно очевидным, что авторские представления в полной мере выявить практически невозможно: они подвижны, текучи, отражаются как в тексте произведения, так и в высказываниях о читателе, реализуются в реальной практике непосредственных коммуникаций. Тем не менее, слов случайных не бывает. С целью выявления наиболее характерных высказываний современных писателей выполнен анализ материалов интервью в бумажных периодических изданиях и сетевом пространстве. Выяснилось, что представления писателей на протяжении последнего столетия претерпели существенную трансформацию; например, для И. Эренбурга, М. Шолохова, М. Горького было характерно ощущение долга перед читателями, стремление им помочь; современные писатели старшего поколения – А. Битов, В. Распутин, Ф. Искандер, А. и Б. Стругацкие, Л. Улицкая, считали необходимым дать читателю точку опоры, надежду, помочь ему на пути движения к свету и добру. На этом фоне шокирующее впечатление производят высказывания некоторых современных авторов, опубликованные в течение последних нескольких лет.

Александр Иличевский рассуждает:

«Вопрос заключается в том, как позаботиться о читателях, как повысить уровень читателя, чтобы этот уровень создал рынок для писателей. Будут читатели – будут писатели» [7].

Вот, оказывается, для чего нужны читатели – для рынка писательской продукции!

А вот что удалось вычлениить из словесной эквилибристики Виктора Пелевина, который нечасто радуется своих поклонников интервью:

«Я писатель. Я ни перед кем не ответственен» [Цит. по: 14].

Э. Лимонов, отвечая на вопрос о том, ощущает ли он потерю читателя и каким образом можно привлечь читателя в литературу, ответил:

«Я о читателе вообще не думаю и никогда не думал. Когда я с ними встречаюсь, опять и опять удивлен бываю, насколько они неинтересны, и вопросы их неинтересны. С некоторыми читательницами я сплю...» [11].

Герман Садулаев так размышляет о востребованности чтения в современном обществе:

«У общества нет потребности в чтении. У общества есть потребность в деньгах <... >. Человек всегда хочет только есть, пить, спать, совокупляться. <... > Сейчас у нас нет ни образования, ни воспитания, есть только рынок, а рынок всегда поталкивает животному началу в человеке, поэтому никакой потребности в чтении серьёзной литературы быть не может и та, что есть, постепенно исчезнет» [16].

На вопрос корреспондента, должна ли литература идти в народ, писатель Садулаев уверенно ответил:

«Нет. Ни в коем случае. Что она там забыла?»(там же).

Молодой поэт, прозаик и публицист Василина Орлова на вопрос о читателях ответила:

«Мои читатели меня не интересуют! Почему я должна ими интересоваться? Я их вообще не принимаю в расчёт. Мне, конечно, иногда бывает приятно, что они существуют, иногда они меня раздражают, мешают мне жить, предъявляют какие-то необоснованные претензии, чего-то хотят от меня... В целом, мне даже неинтересно, есть ли у меня читатели» [13].

Представляется правомерным вопрос: если писатель пишет исключительно для себя, зачем издает свои книги, ждет за них денег, дает интервью, наконец? Безымянный автор безрадно прокомментировал эту ситуацию на сайте Литкульт: «Никто никому не нужен. Ни писатели читателям, ни читатели писателям, ни писатели издателям. И литература никому не нужна. Время денег. Время поедания мяса».

Такая позиция – писатель никому и ничего не должен – порождает отчуждение между авторами и читателями, подрывает доверие к писателям и литературному творчеству в целом. На ухудшение отношений «писатель – читатель» обратил внимание писатель Платон Беседин, заметив, что авторы сначала стали стесняться учительства, добротолубия в литературе, а потом вдруг разучились это делать совсем. Отмечая ненормальность этой ситуации, Беседин, словно отвечая процитированным авторам, со сдержанным оптимизмом замечает:

«В глобальном смысле задача писателя – следовать и творить правду, тем самым творя жизнь. Писатель должен верить в себя, в свой текст, в читателей, в жизнь, в высшие ценности, наконец. <...> Понимаю, это не слишком популярная позиция сейчас, когда все давно решили, что писатель никому и ничего не должен, но уверен, что принцип недолжности со временем отпадет, отпочкуется» [2].

Обратимся к другим участникам книжного процесса – деятелям книжного бизнеса, осуществляющих публикацию и распространение книжно-журнальной продукции в печатном и электронном виде. Что они думают о читателе, читающей публике в целом? От системы представлений о читателе, его роли и месте в книжном деле, характере взаимодействия с ним зависят решения, связанные с ассортиментом, тиражами, определением стоимости выпускаемой продукции, способами ее продвижения и многое другое.

Что же происходит на линии «издатель – читатель»? Создается впечатление, что нынешние издатели интересуются читателем преимущественно как средством повышения доходности

собственной деятельности и обеспечения собственного безбедного существования. Об этом свидетельствует, прежде всего, нешуточная борьба, которая сложилась вокруг поправок к 4-й статье ГК. Поправки издателей к 4-й статье ГК сводятся к тому, чтобы отяготить жизнь всех участников книжного процесса: авторам – усложнить свободное распоряжение своими правами, читателям – ограничить сферу общественного доступа к литературным источникам, библиотекам – максимально затруднить распространение и предоставление в пользование книжно-журнальной продукции. Похоже, для современных российских издателей центральная проблема – борьба с «книжным пиратством», что, кстати, и показало их участие в проекте «Читай Россию», в ходе которого они наиболее ожесточенно обсуждали именно эту проблему [15]. Как отметил один из авторов ЖЖ, «...правообладатели стенают дурным голосом по поводу того, что злобные пираты и их пособники – публичные библиотеки – решили уничтожить издание научной и учебной литературы в России». В результате отношения издателей, библиотек и читателей приняли достаточно напряженный характер. Интернет пестрит текстами под названиями: «Издатели против читателя!», «Издатели ничего не хотят делать!» и т. д.

Напряженность в этой сфере нарастает. Разрабатываются программы, которые нашпиговывают компьютеры любителей бесплатного контента вирусами, то есть вырабатывают у читателей отрицательный рефлекс на пользование контентом в стиле free. Предлагаются и другие меры: предупреждение об опасности, предупреждение с приглашением на платные страницы и блокировка запрошенного портала.

О позиции российских издателей по отношению к читателям свидетельствуют и их высказывания. Анализ текстов, принадлежащих российским издателям в журнале «Книжная индустрия», показал, что они пытаются понять поведение читателей в основном в привязке к проблеме сбыта печатной продукции. Их размышления о читателе связаны, как правило, с тем, готов ли он платить за то или иное издание, ориентируется ли на бренд, вы-

бирает или не выбирает тот или иной продукт; для издателей это человек, возможности которого определяют ценообразование, приоритеты ассортимента и т. д. Чаще всего рассматривается такая цепочка проблем: люди покупают – люди не покупают – люди покупают, но мало, что нужно сделать, чтобы покупали больше и т. д.

В телепередачах, посвященных современным проблемам книжного дела, издатели охотно рассуждают о различных платформах и моделях реализации книжной продукции, новых схемах книжного ритейла, а вопросы о читателе, его потребностях вызывают у них явное затруднение; это позволяет предположить, что главный адресат их деятельности если и присутствует на периферии сознания издателей, то в основном как в контексте решения финансовых проблем, преодоления их материальных затруднений. Неудивительно, что подобные откровения ключевых организаторов и деятелей книгоиздательского бизнеса после передачи А. Архангельского «Тем временем» на тему «Издатели – писатели – читатели», которая проводилась по следам книжной ярмарки на ВВЦ в сентябре 2013 г., спровоцировали соответствующую реплику в Интернете: «Да... интересное интервью. Очень. Так открыто, прямо заявить на всю страну: нам плевать, что вы пишете, нам плевать, что именно вы читаете, нам важно только одно – что продажи упали, и это все, что нас по-настоящему волнует» [8].

Ситуация, сложившаяся в сфере книжного бизнеса, непросто складывается и в западных странах (авторы и издатели в условиях развитого книжного рынка практически повсеместно борются за свои права, это не только российская проблема), однако в Великобритании, например, вопрос о «пиратстве» решают так: если человек за книгой ушел к «пирату», это означает, что издатель в чем-то ошибся и не смог ответить на вопрос, чего же хочет читатель. Чтобы избежать убытков, связанных с реализацией книжной продукции, коллеги с туманного Альбиона успешно апробируют нестандартные бизнес-модели: продают электронную и бумажную книгу в связке; «вытягивают» из контента наиболее привлекательные для читателя детали – персоналии, бренды,

географические названия, цитаты из других книг, музыку, которую слушают персонажи, и переключают внимание читателя на другие, близкие по ряду признаков книги, не забывая информировать о том, где их можно приобрести. В результате, как сообщили на конференции Futurebook, в Великобритании в 2011 г. на книжном рынке наблюдался рост продаж и бумажной, и электронной книги, причем последней – на 263% [19].

Другой пример: американские издатели часто не борются с пиратством, а просто игнорируют его, чтобы не иметь репутационных издержек. Мнение читателей дороже финансовых потерь! Издателей интересует не урон, нанесенный пиратами, а увеличение прибыли путем создания удобных интерфейсов, выпуска более качественных книг, помощи читателям в их поиске, увеличения интереса к чтению и вовлечение самих читателей в литературный процесс [15; 17]. В США тоже есть противостояние издателей и библиотекарей, но там, по крайней мере, это осуждается, и оптимальным выходом из трудностей считается разработка новых бизнес-моделей, которые будут учитывать интересы всех участников книжного процесса: издателей, читателей, авторов, библиотекарей [4].

Необходимость выстраивания гармоничных, гуманистически ориентированных взаимоотношений с читателями начинает осознаваться и в современной России. Одним из первых против сугубо коммерческого подхода к читателю выступил «Альянс независимых книгоиздателей и книгораспространителей», кредо которого – создание в России параллельного книжного пространства, где книга перестала бы быть только развлечением или товаром. Устремления альянса направлены на создание коммуникативной среды с гуманной атмосферой, где будут общаться и взаимодействовать люди, любящие книгу. Главная цель – расширение круга читателей, создание более дружественной атмосферы вокруг процесса чтения, осуществление своеобразного «антропологического поворота», понимаемого как развитие книги в качестве антропогенного (человекообразующего) и социогенного (обществообразующего) фактора [1; 6; 12].

И в более широких кругах издателей постепенно вызревает понимание того, что главный человек, от которого зависит благополучие книжного дела, – читатель. Это понимание четко сформулировал Олег Новиков, генеральный директор издательства «Эксмо»: «...Если мы не поймём, в чём наши главные ценности, для кого мы работаем и что хотим сделать, то мы все вместе – и авторы, и издатели, и библиотеки, и агрегаторы – окажемся на обочине технического прогресса, как и многие другие отрасли» [5].

Обнадеживает и широкомасштабный проект «Читай легально» – первая социальная антипиратская кампания в сегменте электронной книги, которая стартовала 4 апреля 2013 г. Проект создан при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации (Роспечать), при поддержке Российской Ассоциации электронных коммуникаций, генеральными спонсорами проекта выступают Российский книжный союз, компании «ЛитРес» и «Иви». Активными участниками проекта «Читай легально» являются российские издательства («Эксмо», «АСТ», «Манн-Иванов-Фербер», «Рипол-Классик», «Альпина-Паблишер», «Питер» и др.), магазины лицензионного контента, производители устройств для чтения, отраслевые ассоциации и СМИ, платежные системы. Участники проекта поддерживают разъяснительный, а не запретительный диалог с читателем. В основе – уважительное отношение к читателю. Предполагается, что читатель – честный человек, с которым можно договариваться.

Несколько иной контекст у антипиратского проекта РКС и российского отделения международного рекламного агентства JWT «Мир без книг? Мы – против», запущенного с 1 мая 2013 г. Это визуальный проект, суть которого в разработке и распространении серии плакатов о том, что, если бы пиратство было возможным и легкодоступным в прошлых веках, классические писатели не стали бы литераторами и выбрали себе другое занятие в жизни, приносящее прибыль, а читатели бы остались без их книг. Например, Чехов бы так и остался врачом, Есенин стал бы мясником, Достоевский сосредоточился бы на азарт-

ных играх, а Горький, как в юности, всю жизнь проработал бы пекарем. Эти плакаты, призванные, казалось бы, породить озабоченность состоянием российской литературы и судьбами российских писателей, служат в основном поводом для улыбок и упражнений в остроумии. В этой связи вполне уместной представляется реплика главного специалиста РГБМ А. Пурника: «Накреативить плакаты — проще простого, а вот инфраструктуру для легального распространения электронного контента построить — гораздо сложнее».

Весьма проблематично складывается взаимодействие с читателями и в сфере книжной торговли. После разрушения отлаженной системы книгораспространения, которая была характерна для советского периода, большинство соответствующих предприятий руководствуются исключительно принципом экономической целесообразности, что больно ударило по потребностям читателей, особенно — живущих в провинции. Львиная доля книгоиздательской продукции оседает в Москве и Санкт-Петербурге, что делает очевидной приоритетность столичного читателя, а нестоличного обрекает на пестрый, но содержательно скудный ассортимент развлекательной литературной продукции в действующих книжных магазинах и переплату за доставку книг посредством интернет-торговли. Ущербность современной модели книгораспространения проявилась и в том, что книжные магазины, в том числе и крупные сетевые, терпят убытки; сети и самостоятельные магазины ликвидируются, некоторые из них вынуждены заниматься распродажей и ликвидацией собственного ассортимента.

На этом фоне обнадеживающим исключением выглядят социально ответственные книготорговые предприятия, ставящие во главу угла не столько извлечение прибыли, сколько просветительскую, гуманитарную деятельность. Книготорговые предприятия, осознающие себя территорией культуры, становятся все более востребованными. Это, в первую очередь, Торговый дом «Библио-Глобус» (Москва) и его «младший брат» — челябинский «Библио-Глобус», книготорговая сеть «Новый книжный-Буквояз» (Москва, Санкт-Петербург), которые работают практически как культур-

ные центры, являя собой синтез магазина и клуба. Успешно работают книжные магазины, ориентированные на людей, преследующих образовательные, развивающие цели чтения: «Фаланстер», «Циолковский» (Москва), «Пиотровский» (Пермь). Открытие магазина интеллектуальной книги, в частности, в Перми показало, что магазину вполне под силу возродить культурную привычку к чтению, и, более того, помочь людям создать определенную систему в выборе книг. Читатель для создателей этого магазина – горожанин, жизнь которого вращается вокруг вопросов, связанных с городской цивилизацией, городской культурой [9].

Другой социально ответственный институт инфраструктуры поддержки и развития чтения – библиотека, переживает затяжной, системный кризис, который не мог не сказаться на характере взаимодействия с читателями. Убогое финансирование (или, воспользуемся правительственным эвфемизмом, «хроническое недофинансирование») библиотек привело к несоответствию фондов и услуг запросам населения, что отражается в падении показателей их посещаемости. Зарплата библиотекарей по принципу «ниже низкого» давно запустила механизм отрицательной селекции кадров.

Совокупность этих проблем обусловила ситуацию не востребо­ванности или неполной востребованности библиотек; возможно поэтому читательские реакции на их закрытие в России носят предельно стертый характер, в то время как, например, подобные действия правительства Великобритании выводят на улицу сотни человек, а протестные петиции в защиту библиотечных учреждений подписывают десятки тысяч людей. То, что в России люди не рассматривают библиотеку как общественное достояние, говорит о непонимании социумом ценности библиотеки и о том, что библиотека не смогла себя позиционировать как значимый и необходимый институт.

К сожалению, профессиональное библиотечное сообщество в целом оказалось неготовым к выстраиванию полноценного диалога с читателями. Читатель, как наивысшая ценность, так и не стал центральной фигурой профессионального сознания библиотечных специалистов. Об этом, в частности, свидетельст-

вуют тематика библиотечно-библиографических исследований, публикации в профессиональной печати, содержание учебного процесса в вузах культуры и системе дополнительного профессионального образования. Очевидным следствием обозначенной ситуации является сужение круга специалистов, углубленно исследующих проблемы чтения и читательской деятельности.

Однако не все так грустно, в российском библиотечном деле в ситуации выстраивания полноценного диалога с читателями немало обнадеживающих примеров.

На наших глазах рождается принципиально новая библиотека. Все более заметным становится доминирование подхода WEB 2.0, в соответствии с которым в центре внимания находится не носитель информации, а читатель как полноправный участник библиотечного процесса, использующий и создающий ресурсы в интерактивном режиме. В данном случае реализуется субъект-субъектное взаимодействие с читателями. Такие библиотеки активно включаются в среду обитания читателей – Интернет, развивая с ними диалог на сайтах, в блогах, социальных медиа. Как правило, эти интернет-площадки чаще всего используются самыми смелыми, инициативными, интеллектуально раскрепощенными и увлеченными специалистами; изучение контента этих ресурсов представляет самостоятельную ценность для диагностики и выявления динамики профессионального сознания библиотекарей. Однако здесь пока что прослеживается доминирование внутрипрофессионального взгляда на библиотеку и ее возможности, сайт нечасто рассматривается как площадка интерактивного взаимодействия читателей с библиотекарями и инструмент стимулирования межчитательского общения по поводу книги и чтения.

В наибольшей степени способными к организации диалога с читателями оказались детские и юношеские библиотеки: это Российская государственная библиотека для молодежи, Свердловская областная детско-юношеская библиотека, Пермская краевая детская библиотека им. Л. И. Кузьмина, Центральная городская библиотека для детей и юношества г. Новоуральска, Челябинская областная юношеская библиотека и немногие дру-

гие. Приходится согласиться с репликой в блогосфере: «...и только маленьких читателей еще уважают и любят».

Содержание библиотечных блогов отражает в основном профессиональные проблемы. Блогов, ориентированных на читателя, стимулирующих его чтение, немного: это «Библиомания» (Арзамасская центральная городская библиотек), «День за днём, книга за книгой» (Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края), «Котляревка» (Измаильская городская центральная библиотека им. Л. И. Котляревского), «Библио-S-Путник» (Городская детская библиотека им. А. С. Пушкина г. Сарова), «БиблиоПчелка» (библиотеки Волгоградской области). Примеры можно продолжить (правда, перечень будет недолгим); главная особенность этих блогов – обращенность к читателю, его потребностям. Ему рассказывают о книгах, мимо которых нельзя пройти, побуждают к обсуждению прочитанного, участию в культурной жизни города или района.

Названные библиотеки объединяет то, что содержание их работы определяется поисками ответа на вопрос, как сделать библиотеку наиболее привлекательной для читателя, как лучше использовать информационные технологии в качестве средства оказания всемерной помощи читателю и создать для него максимально благоприятные условия. Как следствие, такие библиотеки не страдают отсутствием читательского внимания, а, напротив, переживают бум реальных и виртуальных посещений. Причем это характерно не только для публичных, но и для научных библиотек.

К примеру, сотрудники Волгоградской областной универсальной научной библиотеки задумались: чего же не хватает тем, кто покидает ряды постоянных читателей? В ходе исследования выявлялись возможные причины снижения количества постоянных пользователей; оценка деятельности библиотеки по информированию об основных и дополнительных услугах, отношении читателей к этим услугам. Изучалась эффективность сайта, посещение блога библиотеки «Библиопчелка». Был сделан совершенно справедливый вывод о том, что важно знать потребности читателей, оказывать им качественные услуги, повышать ком-

фортность обслуживания и тогда лучшим средством продвижения библиотеки будут отзывы и рекомендации ее читателей [18].

НБ Республики Беларусь, считающая своей главной целью обеспечить читателя возможностями поиска релевантной, достоверной информации, в 2011 г. в сравнении с 2004 годом смогла увеличить посещаемость практически вдвое и довести количество виртуальных посещений до 7 млн. за год [3]. Рязанская областная универсальная научная библиотека им. Горького настолько полюбилась горожанам своим дизайном, техническими возможностями, клубами, праздниками, фестивалями, что стала самой популярной площадкой для интеллектуального общения, проведения разумного досуга и даже местом фотосессий новобрачных. Национальная библиотека Карелии в Петрозаводске смогла стать центром интеллектуального досуга горожан, престижной площадкой творческой инновационной деятельности. РГБМ переживает бум популярности у читателей. Стало ясно, что главное в модернизации библиотек – не интерьеры и даже не техническое оснащение, а умение посмотреть на библиотеку глазами читателей, понять, что им нужно, чем библиотека может быть им полезна.

В последние годы дискутируется вопрос, а нужна ли вообще библиотека сегодня, в условиях экспансии цифровых технологий? Разброс мнений о ее перспективах весьма широк: от «Библиотека была, есть и будет» до «Библиотеку в будущем в упор не вижу». Думается, что ответ на вопрос о востребованности библиотеки сейчас и в обозримом будущем необходимо искать в контексте размышлений о том, нуждается ли человек XXI столетия в пространстве для межличностной коммуникации и общественном пользовании текстами на различных носителях? Представляется достаточно очевидным, что современному человеку необходимы коммуникационные площадки для общения, где люди могут спонтанно встретиться, поговорить о литературе и общественных проблемах, обсудить и организовать гражданские инициативы. О необходимости такого пространства говорит хотя бы то, что сейчас за рубежом и в крупных городах России создаются различные литературные кафе, интеллектуальные

клубы. Начинают создаваться коворкинги, арт-кластеры. Стала очень популярна идея «третьего места», на которое претендует уже немало социальных институтов (музеи, коворкинги, арт-кластеры, книжные магазины и, конечно, библиотеки).

О живучести идеи общественного пользования книгой говорят, в частности, ставшие привычными гражданские проекты по созданию «по-настоящему публичных» библиотек, инициированных неравнодушными к чтению и книге людьми. Двигаясь в направлении «от противного» и заполняя пустующую, по их мнению, культурную нишу, они создают общедоступные фонды, организуют межчитательское общение, обмениваются консультациями и рекомендациями по поводу чтения. Изложенное приводит к достаточно определенному выводу, что обществу нужна библиотека, но только подчиненная идее служения читателю, работающая на благо личностного и социального развития, несущая очевидную, как говорили встарь, «общественную пользу».

Разумеется, ориентированный на читателя специалист должен обладать гуманитарными знаниями, которые несут понимание особенностей личности, мира человеческих отношений и духовной культуры общества. Обретает ли их будущий специалист книжного дела в вузе? К сожалению, государственный образовательный стандарт третьего поколения по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» не предполагает изучения круга вопросов, связанных с читателем и его деятельностью. Дисциплины «Психология» и «Педагогика» объединены в один курс, соответственно представлены в госстандарте одной строкой. В базовой части образовательного стандарта в блоке профессионального цикла практически нет учебных дисциплин, содержащих слова «чтение», «читатель», «дети», что затрудняет включение соответствующих учебных курсов в вариативную часть, ибо она является производной от базовой. Читателеведческая подготовка отсутствует и в образовательных стандартах, нацеленных на подготовку других представителей инфраструктуры поддержки и развития чтения – издателей и специалистов книжной торговли. Сегодняшние приоритеты образовательной

деятельности таковы, что разработчики государственных стандартов отдают предпочтение различным технологиям, забывая о том, что их нельзя рассматривать в отрыве от человека, интересам которого они должны быть подчинены.

Судя по образовательным программам, размещенным на вузовских сайтах, дела с дисциплинами читателеведческой направленности в вузах культуры страны, традиционно ориентированных на читателя и его изучение, обстоят следующим образом.

Во МГУКИ в бакалавриате общего профиля изучаются только два курса («Социология и психология чтения» и «Искусство художественного чтения»), зато в магистратуре этого вуза в рамках профиля «Методика библиотечно-педагогической деятельности» изучается семь дисциплин, связанных с особенностями чтения юных читателей («Психология детского и юношеского чтения», «Библиотечно-информационное обслуживание детей и юношества за рубежом», «Социология детского и юношеского чтения», «Методология и методы исследований детского чтения», «Педагогика детского и юношеского чтения» и др.). А вот в рамках профиля «Социология и психология библиотечно-информационного обслуживания» назван только один курс – «Социологические исследования чтения (история и современность)».

В магистратуре СПбГУКИ в содержании профиля «Библиотечно-информационное обслуживание потребителей информации» названа только одна дисциплина: «Теория детской литературы и методология детского чтения». С сожалением отметим, что СПбГУКИ перестал быть центром читателеведческих исследований и методическим центром по внедрению в учебный процесс соответствующих курсов.

Значительно шире дисциплины читателеведческого цикла представлены в учебном процессе ЧГАКИ; здесь удалось включить в вариативную часть образовательной программы подготовки бакалавров семь предметов: «Читателеведение», «Социология и психология детско-юношеского чтения», «Эффективное профессиональное чтение» и др., а магистранты изучают курсы

«Социально-психологические аспекты чтения», «Психолого-педагогические аспекты библиотечно-информационного обслуживания детей и юношества», «Поддержка и развитие чтения: мировой опыт», «Особенности восприятия и аналитики текста», «Медийная поддержка чтения» и проч.

В других вузах культуры страны дисциплины, связанные с читателем и его изучением, единичны. Этот вопрос должен серьезно озаботить общественные профессиональные организации, объединяющие библиотечарей и иных специалистов в области чтения: РБА, МЦБС, РАЧ, РШБА, потому что при сохранении нынешней ситуации скоро будет просто некому профессионально размышлять о проблемах, связанных с чтением и читательской деятельностью.

Выход из затяжного кризиса книжно-библиотечного дела невозможен без понимания необходимости гармонизации взаимодействия с читателями. Их нельзя рассматривать как средство решения моральных и материальных проблем авторов, деятелей книжного бизнеса и в качестве инструмента улучшения библиотечной статистики и оправдания существования библиотек. Результат такого подхода очевиден: читатель не доверяет авторам, издателям, уходит к «пиратам», ищет (и, как правило, находит) нелегальные возможности не платить за контент, создает параллельные библиотеки в пику ныне действующим и занимается саморегуляцией читательской деятельности, игнорируя профессиональные рекомендации, литературную критику и проч. В результате проигрывают все участники книжного процесса. Необходима существенная коррекция специалистов книжного дела, ядром которого должны быть представления о главенствующем месте читателя, приоритете его интересов и потребностей. Мировая практика показывает, что успех любого института книжного дела напрямую связан с тем, насколько он умеет предугадать запросы и потребности читателей, быть им максимально полезным, помочь людям становиться лучше и обретать новые возможности. Важно понять, что ЧИТАТЕЛЬ, как говорил великий Н. А. Рубакин, – ЦЕНТР КНИЖНОЙ ВСЕЛЕННОЙ и относиться к нему нужно соответственно.

Литература:

1. Альянс независимых издателей и книготорговцев взялся за работу [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // PRO-books.ru. Профессионально о книгах : [отрасл. портал] / гл. ред. Андрей Грачев. – СПб. : [б. и.], 2011. – 15 дек. – Режим доступа: www.pro-books.ru/news/3/8308. – Дата обращения: 7.10.13.
2. Беседин, П. Писатели дарят свободу: интервью Е. Александровой-Зориной [Электронный ресурс] / П. Беседин, вела Е. Александрова-Зорина // Блог. Thankyou.ru : [сайт] / ред сайта Блог. Thankyou.ru. – [Б. м. : б. и.], 2012. – 26 июля. – Режим доступа: blog.thankyou.ru/platon-besedin-interview. – Дата обращения: 7.10.13.
3. Добрынина, И. А. Мозаика форума [Текст] / И. А. Добрынина, Р. С. Мотульский, О. Бырланд // Современ. б-ка. – 2012. – № 9 (29). – С. 28 – 33.
4. Издатели и библиотеки конфликтуют по поводу е-книг в США [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // PRO-books. Профессионально о книгах : [отрасл. портал] / гл. ред. Андрей Грачев – СПб. : [б. и.], 2012. – 1 окт. – Режим доступа: <http://www.pro-books.ru/sitearticles/10297>. – Дата обращения: 7.10.13.
5. Издательства, агрегаторы, библиотеки: диалог начался? [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // Университ. кн. – 2013. – № 1 / 2 (Январь–февраль). – Режим доступа: www.unkniga.ru/biblioteki/bibdelo/1080-izdat-agreagatory-biblioteki-dialog.html. – Дата обращения: 7.10.13.
6. Издательство Ад Маргинем – Презентация Независимого Альянса [Электронный ресурс] / изд-во Ад Маргинем. – [М. : Ад Маргинем], 2011. – Режим доступа: ad-marg.livejournal.com. – Дата обращения: 7.10.13.
7. Иличевский, А. И. Будут читатели – будут писатели [Электронный ресурс] : интервью / А. И. Иличевский // The New Times. – 2008. – № 3. – Режим доступа: www.litkarta.ru. – Дата обращения: 7.10.13.

-
8. Издатели, писатели, читатели [Видеозапись] : [телевиз. прогр.] / вед. А. Архангельский // Тем временем : [цикл телевиз. передач] / Телевиз. канал «Культура»; вед. А. Архангельский. – [М. : Культура], 2013. – 13 янв. – 44 мин. – Режим доступа: lastwave.d-ogma.com/forum/13-25-1#73. – Дата обращения: 7.10.13.
 9. Котин, М. Деньги не главное. Почему альтруисты побеждают в бизнесе [Электронный ресурс] / М. Котин // SLON : [сайт] / генер. директор. – [М. : Slon], 2012. – 3 сент. – Режим доступа: <http://slon.ru/> http://slon.ru/business/dengi_ne_glavnoe_pochemu_altruisty_pobezhdaut_v_biznese-828291.xhtml. – Дата обращения: 7.10.13.
 10. Кузьмин, А. Интервью [Электронный ресурс] / А. Кузьминым // Люди : peoples.ru : [сайт] / руководитель А. Каргин-Уткин. – Уфа : [б. и.], 2008. . – Режим доступа: www.peoples.ru – Дата обращения: 7.10.13.
 11. Лимонов, Э. Литература не талантлива и очень тупа [Электронный ресурс] : интервью / Э. Лимонов, вел А. Рудалев // Блог. Thankyou.ru : [сайт] / ред. сайта Блог. Thankyou.ru. – [Б. м. : б. и.], 2012. – 20 авг. – Дата обращения: 7.10.13.
 12. Независимые издатели и книготорговцы создают альянс [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // PRO-books. Профессионально о книгах : [отрасл. портал] / гл. ред. Андрей Грачев. – СПб. : [б. и.], 2011. – 9 нояб. – Режим доступа: [www.pro-books.ru/news/3/8174](http://pro-books.ru/news/3/8174). – Дата обращения: 7.10.2013.
 13. Орлова, В. Современным писателям нечего сказать [Электронный ресурс] : интервью / В Орлова, вела Е. Александрова-Зорина // Блог. Thankyou.ru : [сайт] / ред. сайта Блог. Thankyou.ru. – [Б. м. : б. и.], 2012. – 12 июля. – Режим доступа: blog.thankyou.ru/vasilina-orlova-interview. – Дата обращения: 7.10.13.
 14. Парамонов, Б. Пелевин – муравьиный лев [Электронный ресурс] / Б. Парамонов // Сайт творчества Виктора Пе-

-
- левина / [глав. ред. Gray Graph]. – [Б. м. : б. и.], – сор. 2000–2013. – Режим доступа: pelevin.nov.ru/stati/o-svob/1.html. – Дата обращения: 7.10.13.
15. Почему американские издатели не говорят о пиратстве? [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // PRO-books. Профессионально о книгах : [отрасл. портал] / гл. ред. Андрей Грачев. – СПб. : [б. и.], 2012. – 23 авг. – Режим доступа: www.pro-books.ru/sitearticles/10026. – Дата обращения: 7.10.13.
 16. Садулаев, Г. Чтение книг поможет скоротать длинные месяцы в холодных бомбоубежищах [Электронный ресурс] : интервью / Г. Садулаев, вел А. Рудалев // Блог. Thankyou.ru : [сайт] / ред. сайта Блог. Thankyou.ru. – [Б. м. : б. и.], 2012. – 30 июля. – Режим доступа: blog.thankyou.ru/herman-sadulaev-interview. – Дата обращения: 7.10.13.
 17. Читатели Британии и США хотят платить за е-книги просмотром рекламы [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // PRO-books. Профессионально о книгах : [отрасл. портал] / гл. ред. Андрей Грачев. – СПб. : [б. и.], 2012. – 15 окт. – Режим доступа: www.pro-books.ru/sitearticles/10512. – Дата обращения: 7.10.13.
 18. Ульева, Л. А. Продвижение библиотеки начинается с исследования [Текст] / Л. Ульева // Современ. б-ка – 2012. – № 7. – С. 12 – 18.
 19. FutureBook 2011. Издатель – это тот, кто между автором и читателем [Электронный ресурс] / [ред. ст.] // PRO-books. Профессионально о книгах : [отрасл. портал] / гл. ред. Андрей Грачев. – СПб. : [б. и.], 2011. – 28 дек. – Режим доступа: www.pro-books.ru/sitearticles/8454. – Дата обращения: 7.10.13.

Интеллектуализированное оборудование для чтения

Сегодня все больше в библиотеках фиксируется появление двух потоков: собственно читателей и посетителей (к примеру, в Национальной библиотеке Республики Беларусь они даже в статистике отражаются отдельно). Библиотеки повсеместно все больше начинают переносить центр тяжести своей деятельности на развитие досуговых направлений. Это находит свое отражение даже в архитектуре новых библиотечных зданий, в которых значительно возрастает доля помещений, используемых как галереи, выставочные или концертные залы и т. д. Такая реакция библиотек на социокультурные изменения вполне оправдана в условиях «новой урбанистики», где досуг становится одной из основ экономики [10].

Однако все более очевидным становится тот факт, что уменьшается количество собственно читателей, то есть людей, приходящих в библиотеки именно за книгой. Причин этому много. Остановимся лишь на двух: уровне комфорта чтения в библиотеке и возрастании доли так называемого «цифрового чтения». О том, что уровень комфорта, в котором осуществляется процесс чтения, оказывает значительное влияние на выбор читательских практик, известно давно. Еще советская статистка показывала, что наибольший отток посетителей из библиотек произошел в тот период, когда появление массового индивидуального жилья (так называемых «хрущевок») позволило читать книги с большим комфортом дома. Результатом явилось то, что в процессе централизации библиотек в филиалах практически отсутствовали читальные залы.

К середине 1980-х годов наметился еще один этап оттока читателей из библиотек, более тревожный по своим причинам. Еще в 1987 г. в диссертационном исследовании А. Р. Зимоненко отмечалось, что «при всей универсальности и традиционно важной

роли массовой библиотеки в обществе, мы вынуждены говорить сегодня об определенном кризисе отношения к ней значительной части населения страны» [9, с. 5]. К поиску причин, со своей стороны, приступили и дизайнеры, в частности, ЦНИИЭП им. Б. С. Мезенцева, которым было проведено обследование Централизованных библиотечных систем. Данное обследование зафиксировало эффект «падения престижа массовой библиотеки и следовательно, падение ее посещаемости» [там же]. Отмечалось, что, с одной стороны, причинами этого являются развитие конкурирующих массовых коммуникаций, прежде всего – телевидения, а также появление новых типов специализированных информационно-досуговых учреждений, рост личных книжных собраний. Дизайнеры обратили внимание и на вторую сторону – «разрыв между постоянно увеличивающейся требовательностью читателей к услугам, предоставляемым библиотекой, к условиям пребывания в ней и реальной возможностью осуществления этих запросов при сегодняшнем уровне обеспеченности массовых библиотек информационной (книги) и материальной (здание, помещения, оборудования) базами» [там же]. В результате проведенного опроса читателей были сформулированы три основных требования к рабочему месту в библиотеке: это должно быть место индивидуальное, изолированное и комфортное. Кстати, попутно исследование зафиксировало еще один крайне показательный факт – потребность читателей в доступных им «разнообразных технических средствах, сопутствующих пребыванию и работе в библиотеке».

Теперь обратимся ко второй причине – увеличению в процессе чтения цифровой составляющей. Сегодня существует большое количество индивидуальных и компактных устройств для чтения, позволяющих осуществлять этот процесс в любом месте: дома, в транспорте, кафе, парке, а также в библиотеке. При этом «цифровых читателей» абсолютно не смущает отсутствие удобств для чтения: необходимого освещения, монитора, отвечающего санитарно-гигиеническим требованиям для сбережения зрения, эргономической мебели для оптимальной осанки.

Даже в домашних условиях среднестатистическому россиянину трудно создать действительно комфортное и эргономичное рабочее место. К тому же сегодня мало кто из людей, ежедневно читающих с экрана, задумывается об этой стороне проблемы и знает о современных результатах исследований эргономистов. В результате страдает здоровье человека: ухудшаются зрение, начинаются проблемы с позвоночником и пр. Сегодня эргономика уже может дать ответ на вопрос о том, какое положение оптимально для мыслительной деятельности в процессе «цифрового чтения». Сейчас стиль работы за компьютером изменился; фигура человека обычно ориентирована на наклон передней части тела от монитора для достижения оптимального отклонения и удобной дистанции. Комфортная осанка достигается абсолютно уникальной концепцией «низкая посадка, глубокий угол наклона спины».

Еще одной важной тенденцией развития информационных технологий является организация доступа читателя к разным видам фондов одновременно. В начале 1990-х анализ основных тенденций библиотечного дела в зарубежных странах показал, что бурное развитие информационных технологий приведет к появлению новых форм библиотечного обслуживания на основе систем мультимедиа. В это же время Ж. Гаскюэль внесла уточнение о том, что «понятие мультимедиа означает не просто соседство двух носителей информации, но их синтез, осуществляемый посредством компьютера» [4, с. 70]. Работа одновременно с несколькими разными видами документов сегодня уже является неотъемлемой частью функциональности библиотеки.

Какие же возможности сегодня может предоставить библиотека для комфортного чтения различных видов документов, в том числе, «цифровых»?

Сейчас в библиотеках происходит формирование принципиально новых читательских мест, спроектированных по принципу мультимедиа. Компьютер сделал возможным соединение документов разной природы: графических, звуковых, текстовых, а также фото- и видеодокументов. В этой связи появились новые

требования и к оборудованию. Совмещение на одном рабочем месте технических средств, необходимых для работы с этими видами документов, потребовало от проектировщиков соответствующих конструктивных решений. Появились новые модели оборудования, примером которых могут служить автономный аудиовизуальный модуль и бокс со встроенной аудиовизуальной аппаратурой, использующийся в медиатеках Франции [4, с. 78], специализированные кресла для просмотра и прослушивания мультимедийных материалов, которые уже есть, например, в Тюменской областной универсальной научной библиотеке.

В зависимости от вида деятельности читателя и его предпочтений в выборе читательского места, технические средства, обеспечивающие предоставление сводного электронного контента, могут быть интегрированы в различные виды библиотечного оборудования и мебели. Одним из примеров такого интегрированного оборудования может служить интерактивный журнальный столик в библиотеке п. Александровская Курортного района Санкт-Петербурга.

Интерактивность – это, прежде всего, способность информационно-коммуникационной системы активно и адекватно реагировать на действия пользователя. Столик представляет собой комплекс «стол-компьютер» и оснащен встроенным 19-дюймовый LCD-дисплей с функцией Multi-touch, Wi-Fi. В конструкции этого столика применена технология «Touchscreen», позволяющая с помощью специальной пленки делать столешницу чувствительной, превращая ее в сенсорный пульт. Столик обладает возможностью интернет-серфинга и другими различными интерактивными функциями. Пользователь может выбрать одну из опций стола: сканер, принтер, ТВ-тюнер, wi-fi модем. Журнальный столик можно использовать в качестве интерактивного журнала с подключением к сети, переходом на новостные сайты. Нишу под столешницей можно использовать для размещения книг, газет, журналов.

Совмещение подобного оборудование с датчиком движения рук позволяет перелистывать страницы виртуальной книги

не прикасаясь к монитору. Нечто подобное в виде терминала с верхней платформой в форме книги установлено, например, в Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина. Соединение технических средств, обеспечивающих работу с мультимедийным контентом, с коммуникативными устройствами (в виде специальных конференц-систем) дает возможность расширить функционал этого оборудования. Ярким примером подобного оборудования могут служить рабочие места в мультимедийном центре Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Они оснащены системами просмотра аудио- и видеoinформации, встроенными выдвижными микрофонами и конференц-системой с возможностью самостоятельного выбора языка перевода, сенсорными мониторами и даже 3D-очками. Программное обеспечение, установленное в систему аппаратного модуля подобного библиотечного оборудования, позволяет существенно расширить его возможности. Так, в частности, в мультимедийном центре Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина получение запрашиваемой информации возможно как по заранее сформированному контенту проводимого мероприятия, так и через электронную базу мультимедийного комплекса [12].

Можно констатировать трансформацию самого читателя – он стал более активным. Для него особенно актуальны сервисные функции оборудования, предоставляющие возможность самостоятельного управления процессом обслуживания. Как утверждает Л. З. Амлинский, в мультимедийном библиотечном оборудовании это особенно важно, так как пользователь «получает возможность отбирать нужные ему фрагменты в каждой информационной среде и затем синтезировать, дополнять, изменять, вносить новые элементы, создавать свои собственные мультимедиа-блоки, соответствующие его потребностям» [1, с. 96].

В настоящее время в библиотековедческой литературе идет дискуссия о границах виртуального и реального пространств библиотеки [8, с. 7]. На наш взгляд, совмещение этих пространств для эффективной работы читателя обеспечивают именно такие виды библиотечного оборудования с интегриро-

ванным программным обеспечением. Существенной характеристикой качества библиотечного обслуживания и одним из критериев эффективной библиотечной технологии является скорость предоставления информации пользователю, а также удобство работы с этой информацией. Исходя из этого, подобные мебельные комплексы со встроенными программно-аппаратными средствами также являются перспективными видами библиотечного оборудования, предназначенного для углубленной работы с электронными ресурсами. Наличие сведенных в единую точку пространства возможностей пользования личным кабинетом, интернетом, библиотечными базами всех видов позволяет избежать необходимости собирать интересующую информацию по разным отделам (музыкальным, периодических изданий и т. п.).

Интегрированные в библиотечное оборудование технические средства и программное обеспечение создают читателям комфортные условия для работы как в физическом, так и в виртуальном пространстве. По мнению Л. З. Амлинского, библиотечное обслуживание «должно быть прежде всего комфортным» [3, с. 9]. Именно об этом следует заботиться как об одном из условий конкурентоспособности библиотек в современном мире и непереносимом условии дальнейшего развития библиотечного дела [там же]. Комфорт виртуального пространства, по мнению автора, обеспечивается грамотной навигацией по электронным ресурсам, интуитивно понятным интерфейсом. Программное обеспечение, встроенное в оборудование, призвано улучшить в первую очередь именно эти настраиваемые характеристики и параметры.

Специалистами производственного объединения «Радуга-ЛИК» был разработан новый тип оборудования с повышенными эргономическими характеристиками – рабочая станция «Line». Данная станция была представлена в 2013 г. на выставке, проводившейся в рамках Конгресса РБА в г. Пензе. Станция реализует концепцию «глубокой посадки» и позволяет настраивать кресло и рабочую плоскость станции индивидуально под читателя,

позволяя эффективно работать в течение длительного времени без переутомления. Конструкция станции позволяет устанавливать несколько мониторов, положение которых регулируется с помощью кронштейнов. Кроме того, рабочая плоскость станции может быть переведена в положение для работы стоя, что также снижает напряжение посредством изменения позы (от «лежа» до «стоя» без потери работоспособности). Таким образом, большая вариативность, индивидуальная настройка и легкая трансформируемость, а также их сочетание, дают новое качество физического комфорта для читателя. Представляется, что такое оборудование является перспективным и для персонала библиотеки.

Одним из основных направлений современной архитектуры и организации внутреннего пространства библиотеки является принцип создания интеллектуальных (или интеллектуализированных) библиотечных зданий, то есть помещений, оснащенных системами интеллектуализации и автоматизации. Это система комплексного создания комфортной и безопасной материально-предметной среды для посетителей и персонала библиотеки, предоставляющая возможности максимальной сохранности различных видов документов.

Сегодня уже можно констатировать наступление следующего эволюционного этапа – появление интеллектуализированного библиотечного оборудования, прежде всего, для чтения. К классу интеллектуального или так называемого «умного» оборудования можно отнести и описанные выше рабочие места. Интеллектуализированным его можно считать на том основании, что оно оснащено средствами автоматического контроля и управления над сервисными системами. Для эффективного управления всеми функциями такого оборудования разработчики устанавливают специальное программное обеспечение, которое является неотъемлемой частью оборудования и гарантирует слаженную работу всех систем. Так появляется новый вид библиотечного оборудования – программно-аппаратные комплексы ПАК.

Следующий этап в эволюции интеллектуализированного оборудования для чтения связан с необходимостью создания

в новых условиях звукового и зрительного «приватного пространства» [1, с. 34]. Это становится возможным в так называемых индивидуальных изолированных читательских местах. Остановимся на них более подробно. В советские годы подобное оборудование не было широко распространено, оно использовалось в основном при создании лингафонных кабин и индивидуальных боксов. Однако в массовых советских библиотеках индивидуальное пространство читатель не мог получить. Само название «массовые библиотеки» отражало подход к обслуживанию, ориентированному не на индивидуального читателя, а на массы. Хотя уже в советские годы Ф. Н. Пащенко предсказал развитие индивидуальных кабин. Еще в 1972 г., касаясь стратегических направлений развития объемно-планировочных решений библиотек вузов, он писал, что «очень важно иметь отдельные помещения (индивидуальные кабины), предназначенные для использования аудиовизуальных материалов» [14, с. 32].

Современная библиотечная концепция ориентирована на клиента. Поэтому неудивительно, что в современной библиотеке читательские места для индивидуальной работы получили широкое распространение; индивидуальные кабины являются важным видом оборудования, обеспечивающим читателю психологический комфорт, а также значимым элементом пространства библиотеки [11]. Такие кабины обеспечивают высокий уровень защищенности приватного зрительного, звукового и психологического пространства. В индивидуальной кабине читатель получает изолированное личное пространство и возможность комфортного расположения в эргономичном кресле, оборудованном сенсорными мониторами, наушниками и другими техническими средствами, необходимыми для работы с разными документами. Стены таких кабин позволяют их соединять между собой; они оборудованы подвижными шторами, обеспечивающими пользователю возможность их регулировки. В соответствии с современными пространственными требованиями, предъявляемыми к библиотечному оборудованию, блоки индивидуальных кабин должны быть мобильными и сборно-разборными.

Библиоковед Л. З. Амлинский утверждает, что блоки читательских кабин необходимо рассматривать как значимый функциональный и архитектурный элемент внутренней планировки читательской зоны библиотеки за счет того, что «блоки кабин могут образовывать различные геометрические фигуры: прямоугольник, квадрат, шестигранник и овал или другие, более сложные» [2, с. 29]. Он также отмечает что кабины «следует делать мобильными <...>, чтобы было легко их переконфигурировать, изменять количество сообщающихся кабин в одном блоке и собирать в любой части читательской зоны» [там же].

Украинский исследователь Р. С. Самотый в своей работе, как и Л. З. Амлинский, утверждает, что обустройству индивидуальных рабочих мест в наше время уделяют все большее значение, и приводит описание комнаты-кабины, предназначенной для длительной работы с научной информацией. Кроме того, он описывает и другие модели оборудования этой функциональной группы: мобильные перегородки, форма и место расположения которых варьируется в зависимости от функциональных задач и индивидуального рабочего места нестандартной формы [15, с. 57].

Л. З. Амлинский обращает внимание на особенности проектирования таких кабин и отмечает, что «при проектировании индивидуальных кабин следует предусматривать несколько вариантов пользования ими: от одиночного до мелкогруппового» [11, с. 29]. Кабины должны предусматривать зрительный контакт с общей читательской зоной и иметь возможность общаться между собой, чтобы небольшие группы читателей могли контактировать. Для этого в конструкции кабин, по его мнению, необходимо предусматривать раздвижные перегородки, которые могут по желанию читателя запираются или раскрываться, тем самым превращая ее из одноместной в групповую. В комплекте таких кабин необходимо предусматривать мягкое регулируемое кресло с высокой спинкой, которое может опускаться и подниматься, а также различные аксессуары для организации работы с электронными и бумажными документами. Ширина кресла должна

регулироваться по ширине для читателей разной комплекции. В конструкции кабины должны быть предусмотрены книжные полки, дополнительное регулируемое освещение, съемные столики для клавиатуры и мышки, телескопический кронштейн для монитора, который обеспечит возможность регулировки расстояния от глаз до монитора. Разработку и внедрение на практике подобных кабин автор применял в проектах Кировской областной универсальной научной библиотеке и Научной библиотеке Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина.

В то же время изолированное пространство не означает замкнутости, так как визуальное сообщение с пространством большого зала или холла происходит через одну из стен кабины, располагающуюся перед взором читателя (например, такие кабины широко представлены в проекте Чешской Технической библиотеки). А вот в новом здании Российской национальной библиотеки возможность использования такого приема не была реализована, что привело, кстати, к дополнительным затратам на энергоснабжение в дневное время.

Рассмотрим вопрос о программно-аппаратных комплексах, или библиотечной мебели электронной эпохи.

Последние разработки, посвященные перспективным направлениям так называемой цифровой архитектуры, показывают, что библиотека должна рассматриваться как единое целое, соединяющее в себе как физическое (первичное) пространство, так и виртуальное. Соединение этих пространств – задача, которая стоит не только перед современными архитекторами, но и перед разработчиками современного библиотечного оборудования, которое является частью внутренней архитектуры. Дальнейшее развитие информационных технологий и их интеграция с новыми архитектурными технологиями являются перспективой ближайшего будущего. По мнению японского архитектора Тойо Ито, автора проекта медиатеки в г. Сендай (Япония), новые средства архитектуры будут «вращаться» в информационную среду и окружать человека медиа-оболочкой. Эту же тенденцию ин-

теграции подтверждает и фильм о развитии цифровых технологий в будущем, подготовленный компанией Corning. Такой вид оборудования, как индивидуальные мультимедийные кабины, представляется особенно перспективным [7].

Тойо Ито, говоря о принципах архитектуры электронной эпохи, описывает, как можно соединить физическое (первичное) пространство с виртуальным. Исторически подразумевается, что архитектура и мебель как ее часть служат человеку, чтобы встроиться в природную среду. Соответственно в электронную эпоху они должны помогать человеку «встроиться» в информационную среду. По мнению Тойо Ито, «окружая себя медиа-оболочкой, люди приобретают более развитый мозг». Эта оболочка будет помогать людям свободно перемещаться в гигантском информационном водовороте и быстро получать необходимую информацию.

Архитектор О. А. Дубинина, изучая тенденции современной архитектуры библиотек, отмечает, что киберпространство не заменило реальное пространство, а стало составной его частью. Давая характеристику библиотекам нового поколения (медиа-текам), она отмечает, что «уникальность и значимость медиатеки в том, что они примиряют виртуальный и реальный миры, т. е. медиатеки являются физической средой, в которой содержится киберпространство» [6].

Создание в библиотеке таких пространственных локусов, обеспечивающих индивидуальный физический комфорт и одновременно предоставляющих вход в киберпространство, невозможно без разработки новых специальных видов библиотечного оборудования. По аналогии с пространством, описанным архитектором Тойо Ито, такое оборудование будет «электронно-биоморфным», т. е. соединяющим природное пространство с виртуальным, киберпространством посредством электронной сети. Таким образом, в индивидуальных мультимедийных кабинах сочетаются требования психологического комфорта, создаваемого изолированным от внешних раздражителей пространством, а также техническими средствами, обеспечивающими комфортное пользование информационной средой.

Столь сложное оборудование для чтения в домашних условиях может себе позволить далеко не каждый человек. Соответственно обязанность библиотек – предоставить гражданам равный и, добавим, комфортный доступ к информации. Появление таких рабочих мест в библиотеках будет способствовать привлечению читателей в библиотеку и особенно новой категории читателей – тех молодых людей, которые уже выросли без традиционной книги и привыкли получать информацию из сети Интернет. Возможность работать с привычными ресурсами, но в более комфортной среде – вот один из сильнейших аргументов в пользу посещения общественной библиотеки.

Существующие зарубежные образцы сегодня «неподъемны» для бюджетов отечественных библиотек, поэтому столь важно появление отечественных разработок в данном направлении. Актуальнейшей задачей сегодня является появление отечественных разработок интеллектуализированных образцов библиотечной мебели для электронной эпохи.

Литература

1. Амлинский, Л. З. Научные библиотеки информационного общества: организация и технология [Текст] / Л. З. Амлинский. – СПб. : Профессия, 2008. – 200 с.
2. Амлинский, Л. З. Организация внутреннего пространства научных библиотек информационного общества [Текст] / Л. З. Амлинский // Науч. и техн. б-ки. – 2011.– № 8. – С. 25 – 35.
3. Амлинский, Л. З. Читатель в научной библиотеке информационного общества [Текст] / Л. З. Амлинский // Науч. и техн. б-ки. – 2011. – № 7. – С. 5 – 17.
4. Гаскюэль, Ж. Пространство для книги. Руководство для всех тех, кто строит, оборудует и обновляет библиотеку [Текст] / Ж. Гаскюэль. – М. : Рудомино, 1995. – 303 с. – ISBN 5-7380-0039-0.

-
5. 12-17 мая 2013 года наша компания приняла участие во Всероссийском библиотечном конгрессе РБА, проходившем в г. Пензе [Электронный ресурс] / Производ. объединение «Радуга-ЛИК» // Радуга-ЛИК. Мебель для библиотек и учреждений культуры : [офиц. сайт]. – Рязань: Радуга-Лик, 2013. – 05 февр. – Режим доступа: www.raduga-lik.ru/News/#News_51. – Дата обращения: 7.10.13.
 6. Дубинина, О. А. Влияние информационных технологий на библиотеку и ее архитектуру [Текст] / О. А. Дубинина // Библиосфера. – 2012. – № 4. – С. 8 – 12.
 7. Ито, Т. Образ архитектуры электронной эпохи, или Дигитальный водоворот [Текст] / Тойо Ито // Библио. дело. – 2010. – № 23. – С. 13, 14.
 8. Зверевич, В. В. Пространство современной библиотеки: «реальное» и «виртуальное» [Текст] / В. В. Зверевич // Науч. и техн. б-ки. – 2012. – № 11. – С. 7 – 17.
 9. Зимоненко, А. Р. Принципы организации внутреннего пространства в массовых библиотеках [Текст] : дис. ... канд. архитектуры / А. Р. Зимоненко. – М., 1987. – 234 с.
 10. Лаврова, К. Б. Символ престижа [Текст] / К. Б. Лаврова // Библиотека. – 2012. – № 5. – С. 6 – 8.
 11. Коженкин, И. А. Принципы комплексного оснащения учреждений культуры мебелью и профессиональным оборудованием [Текст] / И. А. Коженкин // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2009. – № 5. – С. 33, 34.
 12. Мультимедийный центр [Электронный ресурс] / Президент. б-ка им. Б. Н. Ельцина // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина : [официальный сайт] / Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. – СПб. : Президент. б-ка им. Б. Н. Ельцина, 2009. – Режим доступа: www.prlib.ru/Pages/about.aspx. – Дата обращения: 7.10.13.

-
13. Открытие библиотеки г. Санкт-Петербург (пос. Александровская) [Электронный ресурс] / Производ. объединение «Радуга-ЛИК» // Радуга-ЛИК. Мебель для библиотек и учреждений культуры : [официальный сайт]. – Рязань : Радуга-Лик, 2013. – 05 февр. – Режим доступа: www.raduga-lik.ru/News. – Дата обращения: 7.10.13.
 14. Пащенко, Ф. Н. Гибкая планировка помещений в библиотеках [Текст] / Ф. Н. Пащенко // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1972. – № 3. – С. 26 – 33.
 15. Самотый Р. С. Материально-техническая база библиотеки вуза в ракурсе внедрения инновационных технологий [Текст] / Р. С. Самотый // Науч. и техн. б-ки. – 2011. – № 9. – С. 51 – 59.

Бумажная книга сдает свои позиции: новые пути решения актуальной проблемы

Текущая ситуация на сегодняшнем книжном рынке такова, что мультимедийные форматы уверенно завоевывают все области издательского бизнеса, даже такую его сферу, которая, казалось бы, предназначена исключительно для «традиционной», бумажной книги – сферу детской литературы.

Среди ведущих игроков книгоиздательского рынка бытует мнение, что электронная книга в скором времени одержит полную и безоговорочную победу над бумажной. Глава издательского дома «Эксмо» Олег Новиков на страницах журнала «Книжная индустрия» в одном из своих интервью заявил о низкой рентабельности бумажной книги и готовности своего издательства в скором времени полностью переключиться на производство мультимедийного контента. Это решение он объясняет тем, что даже при переносе производства в Китай, где на сегодняшний день, по мнению многих издателей, полиграфическая продукция практически идеальна с точки зрения соотношения цены и качества, уже сейчас себестоимость изданий подобралась к той границе, когда пока еще есть смысл работать, а через год такого серьезного конкурентного преимущества уже не будет [4].

В этой связи, по мнению ряда аналитиков в сфере издательского дела, единственным реальным шансом на выживание для бумажной книги становится новаторский подход к оформлению изданий, эксперименты с форматом, материалами, иллюстративным наполнением. Однако же обилие дешевого, а то и вовсе бесплатного online-контента настолько привлекательно для потребителя, что оригинальный оформительский замысел сам по себе уже не может во многих случаях рассматриваться как единственная, универсальная мера. На фоне этой кризисной, нестабильной для традиционной книги ситуации многие издатели пришли к выводу, что настало время для более смелых и нестандартных

стратегий. Суть их состоит в том, что разработка концепции оформления проектов выходит за рамки непосредственно издания. Она заключается в подготовке и реализации наиболее яркой, неожиданной формы подачи книги потенциальному читателю. Речь идет о воплощении в жизнь самых авантюрных идей и замыслов, которые способны по-настоящему удивлять, вызывать к себе интерес и приковать внимание читательской аудитории.

Ярким примером такого подхода может служить стремительно набирающий популярность проект «Книжный автобус “Бампер”» – передвижной детский магазин-клуб, имевший успех более чем в 30-ти городах России [2]. Помимо того, что этот магазин сам по себе оригинален и не может не привлечь к себе всеобщий интерес (желание посетить его возникает даже безотносительно представленных в нем книг – просто из любопытства), его весомым достоинством является гибкость, мобильность, возможность оперативно реагировать на настроения читательской аудитории [2]. Ключевое значение имеет также и тщательность, с которой руководство проекта подходит к подбору ассортимента: данный магазин сотрудничает преимущественно с небольшими издательствами, в которых производство не поставлено на поток, и у редакторов есть возможность уделить особое внимание качеству художественного оформления изданий [там же]. Покупателям не приходится тратить время на то, чтобы из множества массовой, сомнительной или просто примитивной с точки зрения иллюстративного и полиграфического исполнения продукции, которая в избытке присутствует на полках обычных книжных магазинов, выбрать что-то действительно стоящее; каждая книга заранее прошла строгий отбор. Тот факт, что небольшие издательства, которым трудно приходится в условиях постоянно падающего рынка, благодаря этому проекту обеспечены заказами, также говорит в пользу таких начинаний.

Еще одна блестящая идея подобного рода принадлежит успешному издателю В. Мещерякову. Замысел состоит в том, чтобы создать кафе «Книжная блинная», посетители которого смогут не только выпить кофе в приятной атмосфере, но и по-

читать, а затем и приобрести хорошие книги [3]. И если походу в обычный книжный магазин читатели часто предпочитают скачивание бесплатного контента в сети, то в данном случае покупка книги для него не самоцель. Ведь задача посещения такого кафе – это прежде всего приятно, а главное, появляется возможность небанально провести время в месте, выгодно отличающемся от обычных сетей общепита. Книги в данном случае все же нечто сопутствующее, ненавязчиво вплетенное в общую программу. Однако же книги, выпускаемые данным издательством и его партнерами, отличаются настолько высоким качеством, необычным многообразием оформлений и оригинальностью серий, что шансы уйти, не сделав или не запланировав покупку хотя бы одной из них, практически стремятся к нулю. Разумеется, при менее тщательном отборе изданий подобный проект не принесет запланированных дивидендов. Например, в некоторых московских (и не только) кафе в открытом доступе лежат книги, которые, помимо того, что выполняют роль украшения интерьера, еще и доступны посетителям для чтения за чашкой кофе. Однако данная практика не имеет ничего общего с описанным выше проектом, потому что руководство заведения не ставит перед собой цели презентации и, тем более, распространения изданий.

В целом идея создания подобных точек сбыта продукции, которые были бы больше, чем просто книжными магазинами – настоящими тематическими книжными клубами со своей особой спецификой, необычной атмосферой, четкой направленностью и строгим отбором предлагаемых изданий кажется очень удачной. У всех на слуху позитивный опыт «Издательского дома Мещерякова» с «Лавочкой детских книг», имевшей невероятный успех среди детей и их родителей и полюбившейся им не только в качестве книжного магазина, но и как место для отдыха, творческих мероприятий и встреч с известными авторами.

Однако в настоящий момент, когда рынок столь непредсказуем и нестабилен, а конкуренция электронной книги с бумажной оборачивается явно не в пользу последней, креативные группы по созданию концепций оформления проектов, чтобы не сдавать

позиций в сегменте традиционной книги, должны поистине работать на пределе своих возможностей. Нужно стремиться выдавать как можно больший объем незаурядных идей, чтобы у читателя не наступало пресыщения. Сделать из книги, тем более – бумажной, своеобразный тренд – задача, безусловно, не из легких, но при условии слаженной работы художника и редактора она может быть с успехом выполнена и реализована. Примером такой работы может служить проектная группа зарубежной прозы издательства «Эксмо», запустившая серию «Интеллектуальный бестселлер» с оригинальным, стильным оформлением обложек. Издания этой серии вошли в моду у современных, активных жителей мегаполиса: эти книги приятно было держать в руках, с ними хотелось появляться публично: они как бы причисляли владельца к кругу интеллектуалов, выгодно отличали его, например, от пассажиров метро, предпочитающих коротать время в дороге за мобильными приложениями или чтением глянцевого журналов.

Возможно, в скором времени ситуация на рынке обернется таким образом, что локальные методы по продвижению бумажной книги в рамках одного проекта, одной серии будут неэффективны без глобальных мер общего характера. К примеру, это может быть попытка пусть и на небольшой срок вернуть моду на чтение в традиционном его варианте. Похожие шаги предпринимало в свое время издательство «Эксмо», инициировав акцию по пропаганде чтения «Читайте книги», ориентированную на наиболее активную – молодежную аудиторию. Акция заключалась в подготовке биллбордов, на которых были изображены футболисты премьер-лиги с любимыми книгами в руках. Примечательно, что речь идет именно о бумажных книгах, то есть чтение рекламируется в традиционном его варианте.

В свете того, что на данный момент модные тенденции вряд ли могут формироваться силами только лишь издательских домов, особый интерес с точки зрения поднятия престижа чтения бумажной книги представляет своеобразная акция в поддержку чтения, проведенная модным дизайнером Olympia Le-Tan, вы-

пустившим коллекцию дамских сумочек в виде книг, написанных классиками мировой литературы [1]. «Примечательно, что за основу для дамских сумочек дизайнер выбирает очень глубокие произведения: "По ком звонит колокол" Эрнеста Хемингуэя, "Однажды никогда" Роальда Даля, "Лолита" Владимира Набокова... Для девушек, не претендующих на звание интеллектуалки, в коллекции также представлены клатчи – поваренные книги» [1]. Своеобразным девизом этой акции стал афоризм: «Не судите о книге по ее обложке» – дизайнер настоятельно советует перед приобретением подобного изделия сначала ознакомиться с произведением, его иллюстрирующим [там же].

С учетом нестабильности книжного рынка, глобальных кризисов и существенных изменений в психологии читательской аудитории, трудно спрогнозировать, будут ли предложенные выше меры по поддержанию конкурентоспособности бумажной книги достаточно эффективными. Однако становится ясно, что без готовности к изменениям, внутренней открытости ко всему новому, гибкости, мобильности и смелых идей очевидна вся тщетность борьбы традиционной книги с многообразием достижений в области современных ИТ.

Литература

1. Мода на чтение [Электронный ресурс] // Dvtrend.ru : [интернет-журнал] / DV Trend. – [Б м. : б. и.], cop. 2011–2013. – Режим доступа: <http://dvtrend.ru/мода-на-чтение>. – Дата обращения: 11.07.13.
2. Детство как неоспоримое преимущество [Электронный ресурс] : интервью с А. М. Дорофеевой, И. Н. Родионовым, А. Тихомировой // Книжная индустрия : [журнал] / гл. ред. С. Зорина ; ООО «Книжная индустрия». – Москва: Кн. индустрия, 2013. – Режим доступа: www.bookind.ru/categories/plan/944. – Дата обращения: 30.09.13.
3. Ищу партнёра [Электронный ресурс] : интервью с В. Ю. Мещеряковым // Книжная индустрия : [журнал] /

-
- гл. ред. С. Зорина; ООО «Книжная индустрия». – Москва: Кн. индустрия, 2013. – Режим доступа: www.bookind.ru/categories/plan/944. – Дата обращения: 30.09.13.
4. Ищу партнёра [Электронный ресурс] : интервью с В. Ю. Мещеряковым // Книжная индустрия : [журнал] / гл. ред. С. Зорина; ООО «Книжная индустрия». – Москва: Кн. индустрия, – 2011. – 22 авг. – Режим доступа: www.bookind.ru/categories/man/61/. – Дата обращения: 30.09.13.
 5. Новиков, О. Ситуация будет стабильной, по крайней мере, оснований для потрясений нет [Электронный ресурс] / Олег Новиков // Ищу партнёра [Электронный ресурс] : интервью с В. Ю. Мещеряковым // Книжная индустрия : [журнал] / гл. ред. С. Зорина; ООО «Книжная индустрия». – Москва: Кн. индустрия, 2013. – 30 янв. – Режим доступа: www.bookind.ru/categories/man/988/. – Дата обращения: 30.09.13.

**«Вы еще не читаете? Тогда мы идем к вам!»
(из опыта работы муниципальных библиотек
Свердловской области в 2012 году)**

Переосмысление роли и места библиотеки в социуме требует переосмысления ее идеологии. Мы полностью разделяем позицию ЮНЕСКО по вопросу модернизации библиотек: это информатизация плюс «новый гуманизм», который должен утвердиться в современном мире и стать доминирующей мировоззренческой установкой. Под «новым гуманизмом» понимается моральное восприятие общих черт и достоинств человека, которое рождается в диалоге между цивилизациями и различными моральными воззрениями. Поэтому модернизация библиотеки в современных условиях – это не только воспроизведение библиотечных технологий и использование достижений технического прогресса, но и культуротворный процесс, имеющий под собой глубокую традицию и глубокий гуманистический потенциал [7, с. 9].

Как заметила Е. Ю. Гениева, многие библиотеки в поиске достойной альтернативы «бегству» читателя в Интернет стараются выявить и удовлетворить самые разнообразные потребности местного населения, превращаясь в истинные социально-культурные центры общественной жизни. Избрав своим приоритетом интересы и потребности читателя, такие библиотеки возвращают его в свое лоно, поскольку думают о реальных нуждах и проблемах обратившегося к ним человека гораздо больше, нежели о своем собственном преуспевании (да возможно ли оно без думы о читателе?). Как правило, в подобных библиотеках приоритеты существенно меняются: книги и разнообразные информационные ресурсы начинают не просто существовать, а активно двигаться по направлению к читателю в плотном окружении лекций, выставок, встреч с писателями, театральных инсценировок, развивающих кружков, досуговых мероприятий. Чтобы повысить комфортность пребывания в библиотеке, для читателей

продумываются различные социальные услуги: создаются игровые комнаты для детей, чьи родители занимаются в читальных залах, открываются пункты правовой помощи населению, комнаты досуга для пенсионеров [2]. Многие библиотеки, сознательно или интуитивно, пытаются организовать свою деятельность в рамках популярной ныне концепции «Библиотеки – третье место». Это место, где человеку хочется быть, встречаться с другими людьми, думать, творить; это коммуникационная площадка, где можно разговаривать на любую тему – вне времени и пространства.

В духе «нового гуманизма» и концепции «третьего места» пытаются работать библиотеки Свердловской области. В цифровую эпоху они находят новые способы существования и взаимодействия с обществом, в том числе – посредством энергичного освоения электронного пространства. К несомненным достижениям в деятельности муниципальных библиотек области можно отнести динамичное развитие информатизации и автоматизации библиотечных процессов одновременно с реализацией социально-значимых проектов и программ по продвижению чтения в местном сообществе.

Как и практически во всей стране, в нашей области происходит падение количественных показателей работы. Согласно отчетам 2012 года, фондами и услугами библиотек Свердловской области воспользовались 1 миллион 189 тысяч зарегистрированных пользователей, что на 15 тысяч меньше, чем в 2011 году. Снизились на 868 тысяч и показатели по книговыдаче (с 29 269,78 в 2011 году до 28 401,4 – в 2012-м). Самые активные читатели – дети и молодежь; каждый третий документ в 2012 году был выдан читателям до 14 лет, каждый девятый – пользователям от 15 до 24 лет включительно. За последние пять лет произошло снижение количества книговыдач, но при этом – увеличение посещений и доля участников массовых мероприятий.

Отдельным библиотечным учреждениям области удастся в непростой ситуации не только нарастить количественные показатели своей деятельности, но и найти формы взаимодействия

с населением, которые существенно улучшают их имидж, повышают социальную востребованность, способствуют активизации чтения. Представим опыт муниципальных библиотек Свердловской области, которые демонстрируют наилучшие результаты по рейтинговому показателю «Процент охвата населения библиотечным обслуживанием» (им удалось в 2012 году вовлечь в свою деятельность 50 и более процентов жителей). Такой опыт, по нашему мнению, не только заслуживает внимания, но и позволяет осмыслить деятельность библиотек по продвижению чтения, их идеи «с энергией воплощения» [8].

Библиотеки, возглавляющие рейтинг, представляют все разнообразие сети библиотек Свердловской области, состоящей из 895 муниципальных библиотек. Опыт показал, что в условиях городов, районов и сельских поселений наибольшую результативность в плане поддержки и развития чтения имеют проекты, нацеленные на библиотечное краеведение, клубно-досуговую деятельность, «открытость» местному сообществу, реализацию социального партнерства, присутствие в электронном пространстве и повышение комфорта библиотечного пространства.

Огромное значение в этом плане имеет краеведческая деятельность, способствующая накоплению и трансляции социальной памяти. Французский историк Пьер Нора ввел термин «место памяти». По его мнению, культурные институты, к которым он относит библиотеки, архивы, музеи, придают «спонтанной памяти» материальное, символическое и функциональное значение; их деятельность направлена на то, чтобы блокировать работу забвения, зафиксировать состояние вещей, заключить максимум смысла в минимум знаков [5]. «Оформляя» места памяти, культурные институты сохраняют идентичность местного сообщества, связывают настоящее и прошлое. Благодаря краеведческой деятельности библиотек, места памяти обретают новый статус, связывают поколения, воспитывают чувство любви к малой родине, объединяют разные поколения, способствуют продвижению чтения литературы о родном крае.

Показательна в этом плане деятельность Централизованной

библиотечной системы Тугулымского городского округа. Тугулымские коллеги считают для себя чрезвычайно важным донести до подрастающего поколения мысль, что богатое историческое и культурное прошлое родного края – это и их достояние. Именно такую задачу выполняют краеведческие сборники, создаваемые сотрудниками библиотек Тугулымского городского округа в рамках проекта «Создание путеводителя по малой родине»; они включают материал об истории становления посёлков, сёл и деревень Тугулымского края, его удивительных и заповедных местах.

Для создания библиографических краеведческих продуктов тугулымские библиотекари активно используют возможности информационно-коммуникационных технологий: это создание краеведческого электронного каталога (август 2013 года – 1 393 библиографические записи), ведение краеведческих библиографических баз данных, участие в корпоративном проекте «Весь Урал»¹, а с января 2011 года краеведческая информация представляется и на сайте Централизованной библиотечной системы Тугулымского городского округа. Краеведческая деятельность повлияла на чтение литературы о крае: если в 2011 году было выдано 3 369 экземпляров книг и периодических изданий, то в 2012-м – 5 948.

Усилия тугулымских коллег по созданию уникальных библиографических ресурсов – отнюдь не единичный случай. В последнее время муниципальные библиотеки все активней со-

¹ Проект «Весь Урал» (с 1995 г. по настоящее время) – добровольное объединение библиотек Свердловской области и Уральского региона, целью которого является создание участниками проекта качественного информационного ресурса аннотированной библиографической базы данных аналитической росписи статей из региональных и центральных журналов, газет и книг краеведческого содержания и предоставление сервиса оперативного поиска необходимой пользователю краеведческой информации и сервиса заимствования библиографических записей. База данных «Весь Урал» отражает библиографические и фактографические данные о крае; детально раскрывает краеведческое содержание документов; служит основой для составления краеведческих библиографических изданий и списков литературы. В базе данных «Весь Урал» можно найти статьи по истории, экономике, политике, экологии, образованию, литературной жизни, искусству Свердловской области и материалы об Урале и Уральском регионе в целом.

здают полнотекстовые базы данных краеведческой тематики, причем активно привлекают к этому процессу своих читателей. Так, в проекте «290 имен в истории Нижнего Тагила» приняли активное участие горожане, которые голосовали, внимательно наблюдали за ходом акции, присылали электронные письма. Результатом проекта стал электронный диск «290 имен в истории Нижнего Тагила», а также размещенная на сайте ЦГБ «Энциклопедия известных тагильчан», в которую вошла вся собранная информация. За время проведения акции зафиксировано 74 743 просмотра, после нее – 8 487, что свидетельствует о вневременной ценности созданного ресурса [3].

Открытость библиотек и их рекламно-издательская деятельность также являются одним из факторов их успешной деятельности по привлечению читателей. Публичные отчеты на сайтах (в виде презентационных роликов, цифровых вариантов бумажных информационных отчетов), деятельность виртуальных справочных служб, публикации библиотекарей в местных периодических изданиях, выпуск рекламно-издательской продукции – эти разные виды «открытости» библиотек местному сообществу способствуют привлечению читателей, спонсоров и социальных партнеров. Список партнеров и благотворителей публичной библиотеки Новоуральского городского округа поражает не только количеством и разнообразием, но и представляет весь спектр возможностей спонсорской помощи для привлечения читателей и продвижения чтения, которые в той или иной мере используют библиотекари в области.

Эффективным инструментом повышения престижа чтения и статуса «человека читающего» является реклама. Центральная библиотека Таборинского сельского поселения, во многом благодаря своей активной рекламной деятельности (СМИ, уличные рекламы-афиши, буклеты, флаеры, листовки и т. п.), вовлекла в свои акции и мероприятия по продвижению чтения 56,7% жителей района. В своей деятельности таборинские библиотекари не только практикуют личные приглашения на мероприятия, публикацию о книжных поступлениях, новинках на страницах

местной газеты, но и раздают флаеры-приглашения в «Читальный зал под открытым небом», «Библиотечный дворик» и листовки акции «Вы еще не читаете? Тогда мы идем к вам!».

Активная работа на нестационарных пунктах выдачи литературы (в 2011 г. открыты 6 пунктов, в 2012 г. – 7; их услугами пользуются более 200 читателей) позволили Центральной библиотеке Таборинского сельского поселения стать первыми в рейтинге «Количество посещений на 1000 жителей» и войти в десятку рейтинга по проценту охвата населения библиотечным обслуживанием. Заметим, что почти во всех библиотеках стало традицией организовывать летние читальные залы и площадки («С книжкой на скамейке» – Среднеуральск; летний читальный зал Богдановичской ЦБС; «Путешествие по Читайгороду» – Колчеданская библиотека и Библио-пикник «Мой край родной» – Рыбниковская библиотека Каменского городского округа; летний читальный зал на площади у фонтана – ЦБС Краснотурьинска, «Книжная аллея» – поселок Лобва Новолялинского городского округа; «Книга на скамейке», «Оранжевое лето» – ЦБС Красноуфимска и др.). В названных библиотеках ведется работа по специальным программам, рассчитанным на оздоровительные школьные лагеря в дни летних каникул. Летние акции, связанные с организацией временных пунктов выдачи литературы для читателей и не-читателей, способствуют продвижению чтения; подобные «выходы» стали традиционными как для библиотекарей, так и для жителей области. Кроме того, эта деятельность не только влияет на имидж библиотеки, делает их «видимыми» местному сообществу, но и способствует привлечению потенциальных пользователей, которые затем становятся постоянными читателями.

К современным библиотекарям постепенно приходит понимание своей социальной ответственности, и они прилагают немало усилий для составления публичной отчетности. «Видимая» деятельность библиотеки способствует привлечению спонсорской помощи, поэтому так важно в русле современных социальных технологий демонстрировать значимые для общества и привлекательные для потенциальных спонсоров направ-

ления, цели и задачи деятельности [6, с. 63]. Положительный опыт работы с партнерами показывает, что библиотечное сообщество не только осознало значимость партнерских отношений, но и научилось их использовать на благо развития чтения. Один из примеров – работа Центральной городской библиотеки им. П. П. Бажова городского округа «Город Лесной», закрытого административно-территориального образования. Во многом благодаря взаимодействию с партнерами здесь удалось достичь высокой степени охвата населения библиотечным обслуживанием. Духовным центром города библиотеку считают администрация, ее читатели и партнеры; вокруг библиотеки объединены творческие и интеллектуальные силы города. Так, с 1990 года в Бажовке действует клуб «Любители изящной словесности» – единственное поэтическое объединение города, известное далеко за его пределами; с 2004-го – исторический клуб «Мы и время», заседания которого обязательно сопровождают тематические выставки литературы (в 2012 году члены клуба обсуждали, например, такие острые темы как: «Россия без Путина?», «П. А. Столыпин: меж двух огней», «Ушел ли тоталитаризм вместе с XX веком?»); с 2005 года действует «Школа здоровья». В честь 65-летия города библиотека провела многочисленные встречи-презентации, конкурсы (творческие и интеллектуальные), организовала проведение Вторых Краеведческих чтений, инициировала выпуск юбилейных сборников и устроила их публичное представление. Все это привлекло большое количество читателей и партнеров.

Благодаря партнерам были проведены не только традиционные массовые мероприятия («Христианские чтения», «Праздник поэзии», «День Ольги», «День защиты пчелы», «Есть такая профессия»), но и конкурс чтецов для взрослых «Урал поэтический», творческий конкурс «Маршрут моего гостя», фотоконкурсы «Библиотека в моей жизни» и краеведческий в номинация «Ретро фотография». Проведение конкурса чтецов сопровождалось книжной выставкой, посвященной 75-летию уральского поэта А. Решетова, и ее презентацией с показом документальной хроники; все это способствовало повышению внимания читателей к твор-

честву замечательного автора. Подготовка к Краеведческим чтениям, проведение фотоконкурса обратило участников к кафедре выдачи краеведческой литературы; особенно были востребованы тематические папки, подборки различных печатных материалов по истории города и градообразующего предприятия.

Социокультурная деятельность, связанная не только с книгой, но и различными видами искусства (изобразительного, прикладного, музыкального), наращивает ряды читателей. «Виртуальный концертный зал Свердловской области», организованный Свердловской государственной филармонией, – самый удачный из таких проектов. В нем участвуют библиотеки в поселках и деревнях Шаля, Гари, Таборы, Ачит, Арти, Пышма (Камышловский район), Кузнецово (Таборинский район), Тугулым, Байкалово; в городах: Камышлов, Новая Ляля, Невьянск, Туринск, Верхняя Салда, Верхотурье, Красноуфимск, Североуральск, Серов, Кушва, Качканар. Число постоянных участников проекта составляет в зависимости от концертной программы от 300 до 600 человек. Посещая виртуальные концерты в местных библиотеках, жители области обретают уникальное ощущение сопричастности тому, что происходит в Большом концертном зале Свердловской филармонии [1]. Филармоническое собрание деревни Кузнецово Таборинского района, организованное при сельской библиотеке, – активный участник этого проекта. В сезоне 2011–2012 годов любители музыки имели возможность смотреть и слушать филармонические концерты лишь в DVD-формате, а в 2012 году было получено специальное оборудование для развития проекта, благодаря которому и «картинка», и звук воспроизводятся на очень высоком уровне. Жители Кузнецова «посещают» около 20 концертов сезона в режиме on-line – и всё это не покидая своего села, расположенного в одном из наиболее отдаленных районов области, почти полностью оторванного в период весеннего половодья от остального мира. Концерты, как правило, сопровождаются тематическими книжными выставками и выставками новых журналов и книг [4]. Так библиотека предлагает становится культурным центром территории.

Клубная работа библиотек в небольших населенных пунктах и селах – обязательное направление, привлекающее местное интеллектуальное сообщество и являющееся эффективной формой организации досуга для людей старшего возраста. В Централизованной библиотечной системе городского округа Верхотурский с 2008 года по инициативе библиотекарей и в рамках программы «Читающий мир», направленной на продвижение чтения классической литературы для читателей старшего поколения, работает клуб «Читаем вместе». В силу своих особенностей: открытости, доступности и бесплатности, библиотека взяла на себя функции организации досуга читателей старшего возраста.

Свободное, непринужденное общение, создание теплой семейной атмосферы помогает обрести пожилым гражданам оптимистическое настроение, преодолевать отрицательные стереотипы отношения к старости. План встреч и заседаний составляется совместно с членами клуба. Так, по заявкам участников в 2012 году прошло 10 встреч, посвященных творчеству поэтов – юбиляров года: «Я иду и не гнусь» (о Р. Казаковой), «На гребне успеха» (об И. Северяnine), «Благословляю жизнь на свете» (о Б. Ахмадулиной), «Из поколения фронтовиков» (о С. Гудзенко), «Пушкина читать до победного!» и другие.

Заслуживает внимания и деятельность любительского объединения «Читательская инициатива», действующего в Сладковской сельской библиотеке Слободо-Туринского района, которое помогает успешно решать проблемы с недофинансированием на комплектование книжного фонда. Участники объединения, активные читатели, дают библиотеке во временное пользование свои собственные книги, т. е. поступают по правилу: «Прочитал – дай почитать другому!». Библиотекари видят свою миссию в том, чтобы привлечь как можно больше участников в объединение для восполнения пробелов в комплектовании новой популярной литературой. Срок существования «Читательской инициативы» – 13 лет! – свидетельствует об успешном выполнении взятых библиотекарями обязательств.

Современная библиотека в условиях развития информационно-коммуникационных технологий должна осуществлять деятельность по поддержке и развитию чтения и в электронной среде. Посредством официального сайта библиотека осуществляет взаимодействие с социальными партнерами и профессиональным сообществом, обеспечивает доступ удаленных пользователей к информационным ресурсам и услугам, предлагает цифровые коллекции, рекламирует книжные новинки и классические произведения путем создания буктрейлеров. В Свердловской области сайты создают не только крупные, но и сельские библиотеки; как правило, они это делают на бесплатном хостинге uCoz. Другой вариант «присутствия» сельских библиотек в Интернете – создание блогов. В 2011 г. 56 библиотек или 57% от ЦБС и ЦБ имели свои сайты, в 2012 г. их количество увеличилось до 64%, и этот процесс продолжается. Заслуживает внимания то, что библиотеки стремятся к открытию своих виртуальных площадок, проводят опросы среди будущих потенциальных посетителей, активно готовят информационный контент. Многие библиотеки, не имеющие сайта, используют не только городские порталы, но и развивают собственные странички в социальных сетях, которые используют для информирования пользователей о книжных новинках, о предстоящих мероприятиях, для виртуального сотрудничества с другими библиотеками.

Сайты «продвинутых» библиотек могут служить образцом и ориентиром в развитии для всех остальных. Таким образцом, бесспорно, является сайт центральной городской библиотеки Нижнего Тагила. Сайт динамично развивается, почти каждый год внедряются инновации. Так, в феврале 2012 г. на сайте была введена новая услуга «Личный кабинет», создан аккаунт ЦГБ в популярной сети Facebook и рубрика «Новое на сайте», созданная для улучшения навигации по обновленному контенту. Заслуживает внимания опыт тагильчан и по продвижению ресурса за счет расширения круга интернет-партнеров библиотеки. Все библиотеки показывают в своих отчетах рост показателей по посещаемости своих виртуальных представительств. В ре-

зультате в рейтинге посещаемости библиотечных сайтов Свердловская область (3,4 млн.) находится на третьем месте после Москвы (4,3 млн.) и Бурятии (3,6 млн.).

Изменение библиотечного пространства, повышение его комфортности и доступности, несомненно, не только влияет на имидж библиотеки, но и на ее деятельность, направленную на поддержку и продвижение чтения. Так, бывшая библиотека ДК «Металлург» после структурных изменений функционирует как филиал Централизованной библиотечной системы города Красноуральска; интерьерные изменения в помещениях библиотеки, несомненно, повлияли на высокие показатели по информационно-библиотечному обслуживанию в Красноуральске. Если раньше библиотека пустовала, то теперь ее услугами пользуется более 2 тысяч человек. Ежегодно здесь проходит около ста мероприятий и около 60 выставок.

Подводя итог, отметим, что в сфере социальных практик, решении гуманитарных проблем библиотекам нет равных; они центры культурной жизни местного сообщества, особенно в сельской местности. Проектно-программный подход, генерирование проектов на пересечении доминирующих трендов – потребности сообщества и возможности библиотеки в тесном контакте с учредителями и социальными партнерами при условии сочетания гуманистической направленности деятельности с использованием новейших информационных технологий является определяющим в развитии библиотек как институтов организации чтения.

Литература

1. Виртуальный концертный зал [Электронный ресурс] / Свердлов. гос. академ. филармония // Свердловская государственная академическая филармония : [официальный сайт] / Свердлов. гос. академ. филармония. – [Екатеринбург : СОАФ, 2013]. – Режим доступа: ilarmonia.e-burg.ru/vch. – Дата обращения: 20.07.13.

-
2. Гениева, Е. Модернизация и культура [Электронный ресурс] / Е. Гениева // Вестник Европы. – 2011. – № 31 / 32. – Режим доступа: magazines.russ.ru/vestnik/2011/31/ge2.html. – Дата обращения: 12.03.13.
 3. Ефремова, Е. Н. Краеведческая деятельность библиотек области [Текст] / Е. Н. Ефремова // Ежегодный доклад о состоянии библиотечного обслуживания населения Свердловской области. 2012 / сост. О. В. Морева. – Екатеринбург : Свердл. обл. универс.науч. б-ка, 2013. – С. 12.
 4. Итоги конкурса среди муниципальных учреждений культуры, находящихся на территориях сельских поселений [Электронный ресурс] / Свердлов. обл. универс. науч. б-ка // Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского : [офиц. сайт] / Свердлов. обл. универс. науч. б-ка. – Екатеринбург : Свердл. обл. универс.науч. б-ка, 2013. – Режим доступа: book.uraic.ru/oblast/page=subcontent&id=247. – Дата обращения: 09.08.13.
 5. Нора, П. Всемирное торжество памяти [Текст] // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2 / 3. – С. 202 – 208.
 6. Паршукова, Г. Б. Социальная отчетность как форма пиар-технологий в библиотеках [Текст] : лекция для системы повышения квалификации библиотекарей / Г. Б. Паршукова // Библиосфера. – 2006. – № 3. – С. 63. – 69.
 7. Сет, С. Куда идет гуманизм? [Текст] / С. Сет // Курьер ЮНЕСКО. – 2011. – № 4 (окт.-дек.). – С. 6 – 9.
 8. Современная библиотека [Электронный ресурс] : открытая группа / Фейсбук. – [Б. м. : б. и., 2013]. – Режим доступа: www.facebook.com/groups/169569279812005. – Дата обращения: 12.07.13.

Читать не скучно: результативные технологии поддержки чтения в Челябинской областной юношеской библиотеке

В условиях, когда библиотеки ищут свою нишу в стремительно меняющемся мире, определяются, в каком направлении развиваться дальше, чтобы соответствовать времени и остаться востребованным социальным институтом, несомненно, что поддержка и продвижение чтения сохранятся в ряду приоритетов библиотечной деятельности. В наш век цифровых технологий система работы по поддержке и развитию чтения не может вестись без обращения к Интернет-технологиям и контенту, который формируется в сетевом пространстве; большая часть наших реальных и потенциальных пользователей присутствует в Интернете и здесь развивает свою читательскую деятельность. А библиотека должна быть там, где обитают ее читатели.

Задачу библиотеки мы видим в том, чтобы активно вторгаться в Интернет-среду, наполняя ее социально ценным содержанием, помогая молодым людям сориентироваться в литературном потоке и организовать с ними взаимодействие, которое бы имело продолжение в реальном библиотечном пространстве. Для ее решения мы используем многообразие интернет-ресурсов: сайты, социальные сети, блоги и внесетевые медийные ресурсы. Они предполагают и предусматривают:

- 1) стимулирование читательской активности;
- 2) формирование спроса на лучшую литературу;
- 3) организацию межчитательского общения;
- 4) развитие института профессиональной и сверстнической рекомендации;
- 5) изучение особенностей читательской деятельности молодежи.

Рассмотрим реализацию поставленных задач на примере сетевых ресурсов Челябинской областной юношеской библиотеки.

Новый подход к проектированию сайта позволил нам расширить перечень услуг, предлагаемых юным пользователям: это не только предоставление доступа к электронному каталогу, но и заказ литературы через Интернет; в ближайшее время станет возможным и продление литературы в удаленном режиме. Введено справочное on-line-обслуживание. Библиотекарь-консультант в режиме реального времени готов ответить на запрос виртуального пользователя. Важно, с нашей точки зрения, не только предлагать как можно больше ресурсов и услуг на сайте, но и наполнить его актуальным для конкретных читательских групп содержанием, превратить в ресурс, который можно использовать как площадку для общения на линиях «читатель – библиотека» и «читатель – читатель».

Поэтому наш следующий шаг – создание сетевых проектов совместными усилиями добровольцев, когда соавтором проекта может стать любой желающий. Такое прямое участие пользователей в общем деле, например, создании ресурсов краеведческого характера, позволяет повысить социальную активность участников проекта, положительно сказывается на имидже библиотеки.

Цель электронного проекта «Знай наших!» юношеской библиотеки, в котором предусмотрена возможность сотрудничества с пользователями, – показать, кем может гордиться молодой человек, живущий на Урале. Сегодня такой пример особенно необходим; в условиях смещения ценностных ориентиров сохраняет актуальность высказывание Л. А. Сенеки: «Нам нужен кто-нибудь, по образцу которого складывался бы наш нрав». В качестве идеала, образца для подражания проект предлагает пример жизни знаменитых земляков, которые добились успеха в разных сферах деятельности и прославили Челябинскую область в России и за ее пределами. На данный момент ресурс «Знай наших» содержит порядка 100 статей с рассказами о знаменитых земляках – Сергее Герасимове, Олеге Митяеве и других не менее известных персонах. Пока создают статьи в основном библиотекари, но совсем недавно обеспечена техническая возможность для участия в

проекте читателей. Теперь любой желающий сможет поделиться информацией о достойных людях, которые живут рядом, оставить свой комментарий, выставить оценку выставленным материалам, пообщаться в рамках проекта. Это один из примеров использования сайта в педагогических целях.

Принцип сверстнической рекомендации используется на сайте в авторской колонке «ПредпоЧтения»; вести ее не случайно доверили вести начинающему специалисту, который является виртуальным библиотекарем ЧОЮБ. Молодой человек, который по возрасту, увлечениям, темпоритму жизни близок основной категории пользователей библиотеки, рассказывает о своем читательском опыте, о поразивших или удививших его книгах. Причем делает это профессионально грамотно. Например, рассказывая о романе Михаила Веллера «Приключения майора Звягина», обращает внимание, на то, что «есть место в этой замечательной книге и чтению. Так, для некого Епишко Звягин составил список литературы из 11 произведений, позволяющих поверить в себя и привлечь удачу». И далее перечисляет их: Д. Лондон «Мартин Иден», «Морской волк», рассказы; Э. Войнич «Овод»; Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке»; В. Богомолов «Момент истины»; Е. Тарле «Наполеон», «Талейран»; А. Парасидис «Жизнь и деятельность Балтазара Косы»; Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада»; А. Дюма «Три мушкетера»; С. Цвейг «Звездные часы человечества»; В. Трухановский «Адмирал Нельсон»; Р. Джованьоли «Спартак». На наш взгляд, это удачный прием рекомендации заслуживающих внимания произведений.

Роль литературного ориентира выполняет рубрика сайта «Непыльная полка», где размещаются публикации (с возможностью их комментирования) о новых изданиях, появившихся в библиотеке, о литературных премиях и литературных событиях, ценность или актуальность которых очевидна.

Резонансным оказался и Интернет-проект юношеской библиотеки «**КНИГА, или Совет звездного читателя**». По мнению его

авторов, книга, предложенная библиотекарем или знакомым, – это просто книга, а книга, рекомендованная известным человеком, приобретает двойной вес и становится как бы «книгой в квадрате». Проект раскрывает роль книги и чтения в жизни известных людей. Они отвечают на два вопроса «Какое место чтение занимает в Вашей жизни?» и «Что, на Ваш взгляд, должен прочитать каждый молодой человек?».

Среди «звездных» читателей, приславших ответы на наши вопросы, – люди разного возраста, рода занятий, читательского опыта – футболист Андрей Аршавин, писатель Александр Иличевский и другие, поэтому и ответы – разные. Андрей Аршавин одобрил нашу затею, сказав: «Хорошим делом занимаетесь. Я сам люблю читать». На вопрос же, какую книгу, на Ваш взгляд, должен прочитать каждый молодой человек, отделался шуткой: «Азбуку». Зато лауреат премии «Большая книга» писатель Александр Иличевский дал серьезный и вдумчивый ответ: «Недавно я прочел книгу потрясающего немецкого писателя Зебальда "Аустерлиц". И прочел рассказы Моэма, которые, к сожалению, в юности пропустил. Вы читали рассказ Моэма "Дождь"? А "Человек со шрамом"? А кто из вас читал великий рассказ Фолкнера "Медведь"? Или, знает ли кто-нибудь из вас наизусть хотя бы отрывки из "Записок охотника" Тургенева? Вот только "Войну и мир" непременно надо будет перечитывать еще несколько раз – в 20 и 27–30 лет. Великие книги развивают и углубляют свой смысл вместе с развитием читателя».

Проект привлек внимание молодых людей. Об этом свидетельствуют комментарии. В них – и советы, что почитать, и поддержка проекта. Анонимный автор заметил: «...посоветовать могу почитать Захара Прилепина, это один из моих любимых писателей. Мой ровесник и очень близок мне по своему восприятию жизни. А по поводу проекта... Молодцы, пусть ваши читатели знают, что известные люди не только на тусовки ходят...». Под ником Леха Га оставлено сообщение: «Хоть если сейчас появилось множество всяких ноутбуков, компьютеров, КПК, ничто никогда не заменят книг как в этой библиотеке. Бываю там ча-

сто, хоть и не "ботаник"». Вот еще в качестве примера два отзыва: «Респект автору проекта! Хотелось бы почитать рекомендации людей серьёзных, "непопсовых". Вся наша жизнь похожа на карусель. Однажды раскрутившись, она продолжает это движение до полной остановки. Так и в любом деле. Труднее всего начать, раскрутить, а там уже движение продолжается, где-то даже и по инерции. Желаю вам суметь раскрутить дело, как бы это не казалось трудно в начале. Дальше будет легче!»

Практически готов к размещению на сайте электронный проект «Свидание с книгой» (идею подсказал интернет-проект «No cover»), предполагающий размещение фрагментов книг из фонда библиотеки, информации об этих книгах, возможность их заказа в условиях удаленного доступа. Проект анонсирован в группе юношеской библиотеки «ВКонтакте». Уже сейчас здесь можно найти более 50 фрагментов различных книг. Цель проекта – заинтересовать качественной литературой, имеющейся в библиотечной коллекции, привлечь внимание потенциальных читателей к библиотеке.

В последние годы библиотека стала практиковать работу в социальных медиа. На общение с широким кругом пользователей рассчитана группа «ВКонтакте» (<http://vkontakte.ru/club24597173>), которая на момент написания статьи насчитывала 299 участников. Здесь библиотека размещает новости из мира книг, чтения, образования, науки, искусства; фотоотчеты о наиболее ярких, знаковых библиотечных событиях. Специально для социальной сети сотрудниками библиотеки созданы приложения – «Электронный каталог Челябинской областной юношеской библиотеки» и «Литературное онлайн-радио». Последнее включает несколько интернет-радиостанций, позволяющих слушать записи литературных произведений практически круглосуточно. Это, например, челябинское литературное радио «Звукотек», по которому ежедневно в эфире звучат классические произведения мировой литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Д. Лондона и других авторов.

В нашем приложении есть доступ к «Литературному радио», цель которого – поддержка современной русской литературы.

Его эфир состоит из авторских программ о современной поэзии, прозе, фантастике, записей литературных вечеров, поэтических и прозаических произведений. Обеспечена и точка доступа к Интернет-станции **«Радио Фантастики»**, которая дает возможность услышать произведения грандов жанра фантастики: братьев Стругацких, С. Лема, Р. Бредбери, Г. Гаррисона, А. Беляева, Р. Хайнлайна, А. Азимова.

Обеспечив доступ к Интернет-радиостанциям с помощью приложения «Литературное онлайн-радио», мы приблизили к пользователю книгу. Важно, что три десятка участников группы «ВКонтакте» установили приложение на своих страницах. В молодежной среде это обычная практика: устанавливая понравившиеся приложения на своих страницах и страницах друзей. Следовательно, число слушающих «Литературное онлайн-радио» постоянно растет.

Основная деятельность библиотеки в социальном медиа «ВКонтакте» направлена на организацию межчитательского общения, продвижение качественной литературы, рекламу юношеской библиотеки. С этой целью в сети организованы обсуждения следующих тем: «Чтение современной молодежи», «Книжные приколы», «Вот что у нас есть!!!». Последнее – об интересных или новых изданиях из фонда библиотеки. В рамках обсуждения темы «Чтение современной молодежи» размещаются ссылки на рецензии о вновь вышедших книгах; пользователи могут разместить свои читательские биографии и впечатления о прочитанном. Так, одна участница группы не только перечислила книги, которые читала в разные периоды своей жизни: от детства до юности, но и дала многим из них оценку. Вот фрагмент ее читательской биографии: «Летом перечитала Д. Емца, начала "Анна Каренина" Толстого. Затем "Сумерки" С. Майер. В тексте упоминалось произведение "Грозовой перевал". Тоже прочла его. Сильное. ...Замятин, конечно, бьет все рекорды (он входит в мою десятку лучших книг)».

Свой рекомендательный список литературы предложила студентка из Екатеринбурга. В него вошли: «Элегантность ёжика» М. Барберри, «Когда Ницше плакал», «Шопенгауэр как лекарство» И. Ялома, произведения Д. Толкиена, С. Льюиса, Дж. Роулинг,

а также романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Список, предложенный студенткой, свидетельствует о ее начитанности и хорошем литературном вкусе: помимо названных сюда вошли произведения Д. Фаулза «Волхв», «Любовница французского лейтенанта», «Степной волк», «Внутри и снаружи» Г. Гессе. В конце списка – комментарий-приписка: «На самом деле могу продолжать еще очень долго, но это вот самые-самые, видимо, для меня». Примеры свидетельствуют о разнообразии читательских интересов молодежи: в круге их чтения и серьезная, в том числе классическая литература, и современные молодежные бестселлеры.

Нестандартной формой разговора о книге и чтении может стать аудиоблог. Аудиоблог, или подкастинг – это своеобразное персональное радио, записи в котором сочетают звуковой и видеоформат. На сайте юношеской библиотеки создан аудиоблог «ПРОслушка», содержание которого составляют буктрейлеры, клипы о книгах, видеофайлы, представляющие интервью со специалистами в области библиотечного дела, размышления известных людей о том, как изменится чтение с развитием информационно-коммуникационных технологий. Идея аудиоблога – привлечь знаковых людей нашего края к разговору о книге и чтении. Блог «ПРОслушка» находится в стадии становления, а библиотека – в поиске квалифицированного и заинтересованного ведущего.

Имея опыт создания электронных продуктов, библиотека реализовала свою давнишнюю мечту – разработку оригинальной компьютерной игры, темой которой стало участие уральцев в Отечественной войне 1812 года. Как появилась идея игры? Толчком послужило присутствие в топонимике края нехарактерных для него названий (Париж, Варна, Фершампенуаз). Почему они появились на карте Челябинской области? Каков «уральский след» в войне с Наполеоном? Мы нашли и прочитали много любопытной информации об этом; захотелось найти форму, с помощью которой можно было бы донести найденную нами информацию до юного читателя. Решили, что компьютерная игра – именно то, что нужно. В основе квест-игры с ироничным названием «Как уральцы Бородинскую битву спасали» – подлинные

исторические факты. Уральцы были среди тех, кто сражался на Бородинском поле. Главные герои компьютерной игры – мальчишки-подростки из далекой уральской станицы – становятся участниками знаковых исторических событий.

После представления диска журналистам местных СМИ библиотека обрела фантастическую популярность: не осталось ни одного издания (печатного или электронного), не откликнувшегося на факт создания компьютерной игры библиотекой: «Челябинские библиотекари выпустили компьютерный квест»; «Областная юношеская библиотека создала компьютерную игру по мотивам Бородинской битвы»; «Во сочинили! Как уральцы Бородинскую битву спасали» и т. д. В Интернете можно было найти десятки ссылок-откликов на это событие. Компьютерная игра – составная часть мультимедийного справочника «С любовью и верой в Россию: участие уральцев в Отечественной войне 1812 г.», в который также вошли: электронная база документов «Южный Урал в Отечественной войне 1812 г.», включающая 127 основных источников, более половины из которых представлены полными текстами; интерактивная карта, рассказывающая о заграничном походе русской армии; сценарий вечера «Уральский след в войне с Наполеоном». В планах библиотеки – сделать интернет-вариант игры и разместить на собственном сайте. Создав электронный краеведческий ресурс, мы сделали более доступной и привлекательной для молодежи информацию об истории Южного Урала.

В результате «наведения мостов» с юным читателем посредством вторжения в электронное пространство у библиотекарей появилась уверенность в том, что библиотека и ее специалисты способны генерировать и реализовывать необычные идеи, и, что для нас особенно важно, умеют общаться на одном языке с юным читателем не столько приспосабливаясь к уже сложившимся литературным пристрастиям, сколько расширяя культурное пространство вокруг него. Профессиональное сознание обогатилось выводом: чтобы найти пути к анализу результативности собственных усилий, понять молодежь, нужно научиться с ней разговаривать, стать интересными для нее. И не только в виртуальном, но и в реальном пространстве.

Проекты, реализованные в юношеской библиотеке и за ее пределами, решают эту задачу. Наиболее привлекательными для нашей молодой аудитории оказались следующие формы: «Библиотека open air» (библиотека на открытом воздухе), «Испанская вечеринка в библиотеке», открытый дискуссионный кинозал для любителей «умного» кино (на одном из последних заседаний обсуждался фильм Павла Лунгина «Дирижер»), клуб интеллектуальных настольных игр «Скуки нет», «Библионочь».

Вдохновившись опытом коллег, принявших участие в первой Всероссийской акции «Библионочь», мы присоединились к ней в этом году. Областная юношеская библиотека, превратившись на одну ночь стараниями ее сотрудников в «корабль», отправилась в «большое литературное плавание». Скучно не было никому. На выбор предлагались: эстрадная программа «Книга вслух»; «Охота на литературных китов» – молодых челябинских поэтов и прозаиков, литературный бал, игра-квест «Пираты книжного моря», моноспектакль «Одновременно» по пьесе Е. Гришковца; книжное кафе «Бессонница», в меню которого – «Антоновские яблоки» И. Бунина, «Апельсины из Марокко» В. Аксенова, «Вино из одуванчиков» Р. Бредбери и другие «блюда», и это еще не все. На приглашение принять участие в «Библионочи» с удовольствием откликнулись студенты челябинских колледжей, вузов, учащиеся школ, постоянные читатели библиотеки. Благодаря рекламе многие приходили на конкретные мероприятия. В «Библионочи» приняли участие почти 200 человек (больше библиотека просто не вместит). Акция определенно имела успех у молодых челябинцев: программа завершилась, а расходиться никому не хотелось. Мы слышали слова благодарности и пожелание: «Чтобы чаще была библионочь».

Подобные акции способствуют разрушению стереотипов восприятия библиотеки, которая (цитирую одного из челябинских журналистов) «готова ломать старую идеологию и трансформироваться» [1]. С помощью таких форм работы у подростков, их родителей, преподавателей постепенно формируется убеждение: библиотека – это не скучно, библиотека – это интересно! Здесь

книга и чтение соседствуют с игрой, общением, возможностью приобретения различных полезных навыков. Складывается новая модель библиотеки, в которой происходит соединение виртуального и реального миров чтения.

Происходит это по-разному. Например, участники клуба «Скуки нет» http://vk.com/nastolki_che общаются и в социальных сетях, и в библиотеке. О самых ярких библиотечных событиях создаются и размещаются в Интернете видеоролики. Книжные выставки, оформленные в библиотеке, присутствуют и в социальных сетях. Для чего это делается? Книжная экспозиция в библиотеке действует определенное количество времени, ознакомиться с ней может ограниченное количество читателей. Интернет позволяет многократно увеличить число тех людей, кто ее увидит, и продлить жизнь выставке. Лайки «Мне понравилось» заслужили экспозиции к юбилеям Е. Евтушенко, В. Маяковского, выставка одной книги («Вишневый сад» А. П. Чехова). Зафиксирован постоянный интерес к экспозициям новинок художественной литературы: до 40–50 просмотров в день. Это при том, что 67% пользователей, посещающих нашу группу «ВКонтакте», – молодежь.

Обнадеживающими являются результаты регионального молодежного конкурса сочинений-эссе и видеороликов «Я читаю», организованного юношеской библиотекой два года назад. Контент-анализ конкурсных работ показал, что для молодых людей книга – способ общения («книга для того и создана, чтобы к ней обращаться с разными вопросами»), способ получения косвенного жизненного опыта, самопознания («автор и книга раскрывают нам самих себя»). Или вот еще цитата: «Прислушайтесь к себе: разве после чтения книги не зазвучала в вашей душе какая-то новая струнка, не поселилась в голове какая-то новая дума? Разве не захотелось что-то пересмотреть в своём характере, в своих взаимоотношениях с людьми, с природой?».

Наши молодые авторы понимают, что «не все книги заслуживают прочтения», а для чтения классики нужны усилия, но зато «ты получишь максимальный результат». А еще чтение для них – удовольствие и предмет восторга («настоящее чтение – тонкое, увле-

ченное, вдохновляющее, трогательное, затягивающее, осмысленное, постепенное и в чем-то даже нежное и трепетное»). Один из участников конкурса видеороликов «Я читаю» написал: «Я считаю, что в деле чтения главное – это начать... Начните хоть с чего-нибудь и вам понравится! Но делать это нужно не для других, а для себя, для раскрытия и обогащения своего внутреннего мира, своего Я». Об этом – видеоролик, который стал победителем. Ролик размещен на сайте библиотеки (www.unbi74.ru). Его автор – пятиклассник Александр Иванов из с. Чесма Челябинской области.

Таким образом, соединение виртуального и реального библиотечных пространств позволяет юношеской библиотеке вести диалог с молодым пользователем о книге и чтении более эффективно и результативно. Системное видение этих проблем и путей их решения вызывает в совместном с Центром чтения ЧГАКИ проекте «Пространство чтения: соединение миров». В наших ближайших планах – преодоление в чтении разрыва между различными мирами: людей разных поколений, наций, субкультур, профессиональных литераторов, специалистов в области чтения и сообщества читателей. Представляется необходимым преодоление географических барьеров, разрушение ведомственных перегородок в системе всей работы по стимулированию читательской активности. Представляется очевидным, что необходимо активнее вторгаться в сетевую среду, вовлекая молодых людей в физическое пространство библиотеки. Коммуникационные барьеры в чтении между взрослыми и молодыми людьми, виртуальным и физическим общением, библиотекой и Интернетом должны быть сведены к минимуму. Системные усилия в этом направлении должны привести молодых людей к неизбежному выводу: читать не скучно, скучно – не читать.

Литература

1. Ткачев, Е. Литературная тусовка. «Библионочь» в челябинских библиотеках [Текст] / Е. Ткачев // Южноурал. панорама. – 2013. – 23 апр. – С. 8.

III. Территория образования – территория чтения

Галактионова Т. Г.

«Педагогика текста: опыт семиотического решения» (приглашение к чтению)

В статье предлагается общее описание замысла использования семиотических технологий в педагогической практике с целью приобщения к чтению современных школьников. Этот опыт, который нашел свое отражение в книге с одноименным названием, будет интересен широкой группе читателей, в которую входят студенты, магистранты, учителя гуманитарных и естественно-научных дисциплин, библиотекари, педагоги, психологи, филологи, исследователи чтения, родители, т. е. все люди, заинтересованные в развитии и сохранении культуры чтения как нравственной ценности и базовой компетентности. Кроме того, предлагаемые дидактические решения позволят педагогу успешно организовывать образовательный процесс с учетом особенностей самых разных учащихся.

Педагогика текста – это научная метафора, призванная акцентировать внимание на чтении как общепедагогической и социокультурной проблеме. Это поиск и обоснование педагогических способов приобщения к чтению в контексте содержания разнообразных учебных предметов, дополнительного образования и воспитательной деятельности.

«Педагогика текста: опыт семиотического решения» [2] является первой попыткой системного анализа возможностей реализации семиотического подхода в решении проблем приобщения к чтению современных школьников. Опыт семиотического решения предполагает обращение к текстам разной знаковой природы. Это творческое использование потенциала вербальной, визуальной и аудиокультуры, культуры общения, культуры

движения или любых других способов взаимодействия современных школьников с миром.

Рассматривая феномен многообразия и его роль в приобщении к чтению в логике теории множественного интеллекта, мы попытались представить содержание с девяти разных сторон:

Вербальный текст. Вербальные технологии – основа организации читательской деятельности.

Математический текст. Педагогические способы активизации логико-математического мышления в приобщении к чтению.

Визуальный текст. Педагогический потенциал визуальной культуры в приобщении к чтению.

Акустический текст. Аудиоресурсы как способ формирования читательского интереса подростков.

Текст ощущений. Педагогические способы приобщения к чтению посредством активизации телесно-кинестетического восприятия.

Текст исследования. Исследовательская культура как фактор приобщения к чтению.

Текст общения. Коммуникативная культура как фактор приобщения к чтению.

Текст самопознания. Личностный интерес и мотивы приобщения к чтению.

Текст экзистенции. Педагогический потенциал экзистенциального подхода в приобщении к чтению.

«Книги, которые имеет смысл читать, обладают одним общим свойством: они написаны автором для самого себя. Даже если сочинение адресовано определенному кругу людей или вообще человечеству, настоящая книга всегда узнается по отсутствию претензий. Если угодно, по простодушию. Пишущий не боится выглядеть наивным, не пытается показаться умнее или образо-

ваннее, чем он есть, не изображает, будто его волнует то, к чему он на самом деле равнодушен, не предпринимает усилий поправиться. Автору не до этого. Автор болен неким вопросом, поиск ответа на который является курсом лечения. Если хочешь излечиться, нельзя тратить силы на несущественное».

Из Предисловия к роману Акунина-Чхартишвили «Аристонмия», М., 2012 [1].

Эти строки очень точно передают наши мотивы написания книги. Знакомство с теорией множественного интеллекта стало толчком к поиску и обоснованию педагогически целесообразного отклика на очевидный факт многообразия способов восприятия человеком мира и взаимодействия с ним. Этим «педагогическим ответом» стала попытка теоретического обоснования и технологической разработки подхода, которому мы дали название «семиотическая дидактика».

Неоднозначность авторских трактовок самого Г. Гарднера, издержки перевода порой приводят к недооценке самой идеи, сущность которой – в необходимости учета многообразия как факта жизни. Подтверждение данной позиции мы обнаружили, обратившись к истории педагогики. Опыт успешного использования семиотических технологий в современной практике убедил нас в правильности наших суждений и правомерности такого подхода к организации образовательного процесса вообще и в поиске путей приобщения к чтению в частности.

Другая проблема, которую надо было решить, связана с вариативностью употребляемых терминов. Пытаясь представить и описать разнообразие средств и способов восприятия для адекватного педагогического решения, мы были вынуждены заходить на «территорию психологии» и разбираться с такими понятиями, как интеллект, способности, мышление. В наших дальнейших рассуждениях «мышление» понимается как обобщенное отражение объективной действительности в ее закономерных, наиболее существенных связях и отношениях, а «интеллект» (от лат. *intellectus* – познание, понимание, рассудок) – как способность

мышления и познания. Мы обнаружили, что авторы достаточно часто используют их как синонимы. С педагогической точки зрения эти категории для нас актуальны как формы проявления различных аспектов культуры личности: вербальной культуры, визуальной культуры, коммуникативной культуры и пр. Каждый человек в той или иной степени является носителем этих культур. Задача взрослого (учителя или родителя) заключается в том, чтобы создать ситуацию, актуализирующую проявление разных культур и опосредованно формировать потребность в читательской деятельности. Именно с этих позиций мы предлагаем вам познакомиться с содержанием книги.

Многообразие как факт жизни. *Ян Амос Коменский: «Как у трав, деревьев, животных есть различные природные особенности – с одними нужно обращаться так, с другими иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково, так существуют подобные же природные способности и у людей. Встречаются счастливицы, которые всё постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определённых предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной – в спекулятивных науках – орёл, а в практической мудрости – осёл с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой или поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Борьба с натурой – напрасное дело...» [7, с. 300–301].*

Будем исходить из простого и очевидного утверждения: разные люди по-разному воспринимают окружающую действительность. Для одних принципиально важны слова и описания, других убеждают только цифры и факты. Третьи считают, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, ну а четвертые – как раз наоборот. Одним необходимы тактильные ощущения, другим – умозрительный анализ и исследование. Наверняка вы встречали таких, кому обязательно нужно с кем-нибудь поделиться своими знаниями, а другие все пропускают только через собственный опыт и осмысление. Реже всего встречаются люди, готовые воспринимать мир на уровне смыслов и ценностей. Как правило,

они мыслят глобальными категориями, волнуются о судьбах мироздания. Нетрудно догадаться, что в каждом классе есть представители практически всех перечисленных типов.

Чтобы конкретизировать область нашего педагогического поиска, мы обратились к теории «когнитивных моделей интеллекта». Есть мнение, что когнитивные модели интеллекта имеют косвенное отношение к психологии способностей, так как их авторы и сторонники подразумевают под термином «интеллект» не свойство психики, а некую систему познавательных процессов, обеспечивающих решение задач [3, с. 327–328]. Это направление получило название «обыденного подхода» к интеллекту.

Предметом нашего интереса является обоснование необходимости разнообразить педагогические формы и способы организации образовательного процесса, ориентированного на различные стратегии принятия и освоения информации. Поэтому когнитивное многообразие является для нас аргументом в пользу поиска максимально вариативных способов подачи учебного материала и организации самостоятельной читательской деятельности учащихся.

В 1981 году американский психолог Г. Гарднер инициирует научную дискуссию, предметом которой становится утверждение, что человек по природе обладает не единым общим интеллектом, как это было традиционно признано, а рядом относительно автономных интеллектов [4]. На основании масштабного междисциплинарного исследования ученый пришел к новому пониманию интеллекта и составил свой перечень его видов. В логике данной концепции интеллект понимается как «биопсихологический потенциал для обработки специальных видов информации определенным образом» [4, с. 41]. Различные способности человека по обработке информации (интеллекты) позволяют решать проблемы и создавать некую продукцию. Чтобы считаться «интеллектуальными», эти решения и продукция должны цениться, по крайней мере, в одной культуре или сообществе.

Концепция множественного интеллекта предлагает следующую типологию: Linguistic intelligence (“word smart”), Logical-mathematical intelligence (“number/reasoning smart”), Spatial intelligence (“picture smart”), Bodily-Kinesthetic intelligence (“body smart”), Musical intelligence (“music smart”), Interpersonal intelligence (“people smart”), Intrapersonal intelligence (“self smart”), Naturalist intelligence (“nature smart”).

В данной типологии представлены виды интеллекта, связанные с символами (лингвистический, логико-математический); «неканонические» интеллекты (музыкальный, пространственный, телесно-кинестетический, позднее был добавлен «интеллект натуралиста»); личностные интеллекты (внутриличностный, межличностный); экзистенциальный интеллект.

Последний вид интеллекта был описан несколько позже. По мнению автора, «экзистенциальный» интеллект подразумевает способность человека задавать глобальные вопросы: «Кто мы такие? Почему мы здесь? Что с нами будет? В чем смысл жизни?» и др.

Несмотря на спорность некоторых позиций, данная типология представляется нам весьма продуктивным способом учета когнитивного многообразия. Неслучайно она была встречена во всем мире с большим энтузиазмом среди учителей самых разных предметов. В отношении приобщения школьников к чтению данный подход позволяет создать целую систему различных видов деятельности, содержательную основу которых будут составлять книга и чтение.

Итак, разные люди в силу разных причин отличаются по своим интеллектуальным профилям. Соответственно, принимая во внимание этот факт, было бы разумно учесть данные различия при организации образовательного процесса.

Насколько традиционные способы преподавания учитывают это многообразие? Есть основание считать, что если это и происходит, то является достаточно редким исключением из повседневной практики.

Занималась ли этим наука Педагогика? Надо отдать ей должное: конечно, занималась и наработала много убедительных доводов в поддержку многообразия в организации образовательного процесса.

«Педагогические истины». *«Всё, что только можно представлять для восприятия чувствами, а именно: видимое – для восприятия зрением, слышимое – слухом, запахи – обонянием, подлежащее вкусу – вкусом, доступное осязанию – путём осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами»*, как заметил Я. А. Коменский [7, с. 302–303]. Таким образом, Ян Амос Коменский формулирует «золотое правило дидактики», которое на протяжении веков сохраняет свою значимость и актуальность. Очевидно, что философская трактовка данного подхода в первую очередь ассоциируется с идеями «сенсуализма» (от лат. *sensus* – чувство, ощущение, восприятие, смысл) – философского и психологического направления, близкого к эмпиризму. В сенсуализме чувственность признается исходной и главной формой достоверного познания.

В гармонии с природой бытия. Решая конкретную задачу приобщения ребенка к чтению, будем ориентироваться на главный педагогический принцип – принцип природосообразности. А. Дистервег: *«Насколько природа детей одинакова, а метод соответствует закону их развития и предмету, настолько все дети обучаются одинаковым образом. Но уже в младшем возрасте проявляются различия, отклонения, особенности, отличительные свойства детей, которые должны быть учтены учителем. Одному ребёнку легче даётся отвлечённое мышление, другому доступнее чувственное познание, третий схватывает истину скорее благодаря картине или рассказу; бывают умы теоретические и практические. В этом отношении следует считаться с различиями детской природы и содействовать её своеобразному развитию»* [5, с. 174–175].

Принцип природосообразности – неисчерпаемый ресурс развития психолого-педагогического знания. Хочется остановиться

подробнее на рассмотрении опыта многообразия в организации образовательной деятельности, который представлен в работах выдающегося советского педагога, исследователя Г. И. Щукиной «Роль деятельности в учебном процессе» [8]. Обозначим несколько ключевых позиций, которые являются для нас принципиально значимыми:

- активность и самостоятельность ученика зависят от характера деятельности;
- успешность ученика проявляется при возможности осуществлять разностороннюю деятельность, открывающую простор для проявления индивидуальностей учащихся (их способностей, склонностей, интересов);
- разносторонняя деятельность в учебном процессе часто проявляется в синтезе, сочетании ее видов (познавательно-игровая, познавательно-трудовая, художественно-оформительская и др.);

В процессе деятельности, как утверждает автор, рождаются внутренние побуждения школьников (мотивы), их отношение к учению, к общению в коллективе, к учителю, от чего часто зависят и результаты обучения и учения. Нет никаких сомнений, что тезис будет справедлив и в том случае, когда целью педагогической деятельности является не только обучение в широком смысле, но и решение конкретной задачи – приобщение школьника к книге и чтению.

Деятельность – это основная форма проявления активности человека. Соответственно, если мы ожидаем от ученика активности, то должны предложить ему подходящее поле деятельности. Что должен сделать учитель? Предлагается простой и конкретный ответ: от учителя требуется в ходе урока создать условия, выраженные в специальных ситуациях, направленных на проявление активности, самостоятельности учащихся, развитие их познавательных интересов, творческой мысли. В чем это выражается? В подготовке заданий для разнообразной деятельности; в поиске разных способов, которыми можно решить одну и ту же задачу – в нашем случае привлечение ребенка к книге.

Выясняя роль деятельности в приобщении к чтению, мы хотим показать, что разнообразие ее форм будет способствовать формированию интереса к чтению, развитию положительного отношения к себе как читателю, к читательскому сообществу, чтению в целом. Мы исходили из гипотезы, что для успешного приобщения к чтению современных школьников необходимо создать педагогическую ситуацию, при которой дети будут включаться в различные виды деятельности с учетом разных типов интеллекта. Опора на сильные стороны, возможности и способности учеников (любовь к музыке, рисованию, играм, общению, исследованию и др.) может стать способом приобщения к чтению, если успешность в этих видах деятельности будет опосредована необходимостью обращения к книге и чтению.

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод: в логике теории множественного интеллекта тему, понятие, явление можно рассматривать с разных сторон – можно проводить аналогии и сравнения с разными областями знаний и выражать это с помощью знаков (текстов) разной природы, активизируя при этом все виды интеллекта, тяготеющие к разным символическим системам.

То есть имеющиеся различные виды интеллекта могут функционировать как средство постижения того или иного учебного материала. Полученные результаты становятся убедительным доводом к дальнейшему распространению и использованию теории множественного интеллекта в педагогических целях. В отечественной практике подобные попытки активно реализуются в рамках Всероссийского образовательного проекта «Успешное чтение» в программах «Хорошее время читать», «Реклама книги», «От текста к тексту», «Книга на уроке», «Читательские крестики-нолики», «Read & Art», «Книга на сцене», «Гуманитарная олимпиада», где заданная вариативная форма используется на самом разнообразном содержании и др.

В книге «Педагогика текста: опыт семиотического решения» не предлагается системный анализ развития и становления читателя, однако есть ряд соображений, которые позволят достаточно эффективно выстраивать педагогическое взаимодействие с

учетом когнитивного многообразия субъектов образовательного процесса для успешного приобщения школьников к чтению.

Литература

1. Акунин-Чхартишвили, Б. Аристонмия [Текст] / Б. Акунин-Чхартишвили. – Москва : Изд-во Захаров, 2012. – 544 с.
2. Галактионова, Т. Г. Педагогика текста: опыт семиотического решения [Текст] : коллектив. моногр. / авт.-сост. и науч. ред. Т. Г. Галактионова. – Санкт-Петербург : Лема, 2013. – 379 с.
3. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей [Текст] / В. Н. Дружинин. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 368 с.
4. Гарднер, Г. Структура разума: теория множественного интеллекта [Текст] / Г. Гарднер. – Москва : И. Д. Вильямс, 2007. – 512 с.
5. Дистервег, А. Руководство к образованию немецких учителей [Текст] / А. Дистервег // Избранные педагогические сочинения / А. Дистервег. – Москва : Учпедгиз, 1956. – С. 174, 175.
6. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей [Текст] / В. Н. Дружинин. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 368 с. – (Серия «Мастера психологии»).
7. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения [Текст] / Я. А. Коменский. – Москва : Учпедгиз, 1955. – 652 с.
8. Щукина, Г. И. Роль деятельности в учебном процессе [Текст] : кн. для учителя / Г. И. Щукина. – Москва : Просвещение, 1986. – 144 с.

Проектно-исследовательская деятельность по литературе в аспекте ценностного самоопределения учащихся

Одно из кардинальных противоречий литературного образования в наши дни связано, с одной стороны, с расширением поля рефлексии над деятельностью в постнеклассических научных парадигмах и, с другой стороны, с недостаточным опытом рефлексии, выбора, обращения к субъектной реальности в читательской и литературно-творческой деятельности с целью обретения учащимися не обезличенного, а «живого» знания и жизненных ценностей. Рассмотрим возможности разрешения данного противоречия в проектно-исследовательской деятельности учащихся по литературе.

Гуманитарный, антропологический контекст современного образования обуславливает особую востребованность проектной и исследовательской деятельности в школе, что нашло свое отражение в ФГОС второго поколения. В качестве актуальных определены подходы к образовательному проекту как:

- способу осуществления и результату духовно-преобразовательной деятельности;
- средству становления субъектной позиции его участников;
- средству построения индивидуальной образовательной траектории;
- как условию и средству связи человека со своим образованием – механизму образования самого человека, его компетенций и личностных качеств;
- способу личностного саморазвития, самореализации.

Наше обращение к образовательному проектированию во внеурочной деятельности по литературе, в сфере дополнительного

образования продиктовано тем, что, будучи «зоной свободного поиска» (Б. М. Неменский), внеурочная работа непосредственно откликается на интересы и потребности конкретного ученика, способствует реализации творческого потенциала личности, влияет на формирование ценностных ориентаций и вкусов. На всех этапах выполнения проекта ученик, следуя при поддержке педагога по своей индивидуальной образовательной траектории, выступает как субъект образовательной деятельности и создатель образовательного продукта, его автор. Внеурочная деятельность, в силу своей специфики, – это сфера свободного выбора, рождающейся инициативы, творчества, становления субъектности, что является важным мотивирующим фактором любой деятельности.

Продукт исследовательского проекта по литературе – ученическая интерпретация литературного материала (темы, проблемы), новый взгляд на художественное произведение, обоснованный и подтвержденный средствами научного исследования. Трудно не согласиться с М. Г. Качуриным, автором книги «Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы»: «Если книги живут и меняются в сознании читательских поколений, то и школьники, взгляд которых в условиях хорошего преподавания будет внимателен и пытлив, способны увидеть в давно известном тексте что-то не замеченное прежде. Притом их наблюдения и суждения полезны не только для них самих, но и имеют определенную общественную значимость» [1, с. 10]. Ценность исследования литературы школьниками ученый справедливо объяснял отсутствием регламентации, преодолением отчужденной «школярской» позиции, заинтересованным, ответственным отношением к творческой деятельности.

Двадцатилетний опыт организации проектной деятельности и педагогического сопровождения исследовательских проектов, осуществленных учащимися школ разного профиля (лингво-гуманитарная гимназия № 48, физико-математический лицей № 31, многопрофильный лицей № 11, научное общество учащихся Челябинска), а также работа в качестве ведущего эксперта литературоведческих исследований на Уральских регио-

нальных конференциях юных исследователей «Интеллектуалы XXI века» (1995–2012 гг.) дали нам основание, определив специфику проектно-исследовательской деятельности учащихся по литературе, выделить в качестве актуального аспект ценностного самоопределения учащихся.

Охарактеризуем аксиологическую составляющую проектной деятельности учащихся на разных ее этапах. Ценностный контекст проектной деятельности, проявляя ее личностную значимость для учащихся, способствует их ценностному самоопределению.

На этапе проблематизации осуществляется определение учеником своей индивидуальной образовательной траектории. Соучастие в поиске, выборе темы, интересной для ученика проблемы исследования стимулирует внутреннюю мотивацию осуществления проекта. Важна опора на читательские интересы и литературные пристрастия ученика. Например, в ходе эксперимента Татьяна В., увлеченная творчеством Марины Цветаевой, выразила пожелание, чтобы тема ее проекта была сопряжена с французским языком. Так родилась тема исследования «Франция Марины Цветаевой». Неожиданный факт, что по частотности обращения к образу моря в лирике А. А. Фет превзошел русских поэтов, побудил Лизу Ш. выбрать тему «Фет – маринист» и исследовать цикл «Море».

На этапе целеполагания проблема «преобразуется в личностно значимую цель и приобретает образ ожидаемого результата, который в дальнейшем воплотится в проектном продукте» [2, с. 10]. Ценностью для учащихся становится сам «стимул цели» (Е. Коллингс).

Процессы смыслопрочтения и смыслопорождения, читательской рефлексии определяют содержание работы с литературным материалом на этапе реализации исследования. Литературоведческие проблемы, которые решаются школьниками, можно отнести к «открытым заданиям» (А. В. Хуторской), не имеющим однозначно predetermined решений и ответов, что мотивирует учащихся на самостоятельную интерпретацию литературы. К ученику-исследователю приходит сознание авторства, крайне

значимое для него: открывается свобода интерпретации, личностного толкования проблемы, выражения своего «Я».

Тема проекта напрямую или опосредованно предполагает обращение к ценностным доминантам творчества писателя. Так, Лина Х. в заключении исследования «Рассказ А. П. Платонова "Одухотворенные люди" – реквием в прозе» приходит к выводу, что в понимании Платонова «одухотворенность – это высокая сила духа. Он называет героев рассказа одухотворенными людьми, вкладывая в это понятие преданное служение Родине, способность пожертвовать своей жизнью во имя будущей жизни. Хотя герои и погибли во время сражения, жизнь побеждает смерть. Рождается новый смысл смерти – смерть как преображение. Герои преодолевают смерть и уходят в другую, высшую жизнь. Строка из христианской молитвы "Смертью смерть поправ" характеризует гибель "одухотворенных людей", бессилие смерти перед одухотворенным человеком. Жизнь для них – это жертва во имя будущего Родины».

Исследовательский проект по литературе способствует глубокому постижению жизни, нравственной сущности человека, его духовной природы. В проектах неизменно присутствуют проявления эмоционально-ценностного отношения к героям, свидетельствующего о ценностном самоопределении исследователей. Приведем для примера суждение Марии Г., сравнивающей героев «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и перевода А. Жида: «герой перевода – раб собственной страсти и мелких интриг. Цель его жизни – деньги, поэтому он не считается с чувствами окружающих. Германн А. Жида – источник зла, избравший эгоизм средством своего самоутверждения. Германн Пушкина – душевно более сложная, неоднозначная натура. Если Лизавета Ивановна у Пушкина – скромная девушка, воспитанная в строгости, наивная и доверчивая, то героиня перевода А. Жида скорее напоминает ветреную француженку, отличающуюся при этом благоразумием и знанием жизни. Графиня в переводе – легкомысленная, взбалмошная женщина, избалованная вниманием окружающих. В ней нет той внутренней силы, незаурядности, которая угадывается за образом пушкинской графини». Таким образом, исследовательский проект дает ученикам опыт оценки

явлений литературы, возможность совершить важные, жизненно значимые нравственные открытия.

Этап презентации – публичного предъявления результатов работы одноклассникам, учителям, экспертам – становится личностно значимым итогом исследовательского проекта и дает ученику возможность эмоционально пережить свое авторство как наиболее сущностный аспект творчества, ощутив интерес к проекту других людей. Сознание реализации цели, получения результата, самореализации проявляется в ходе презентации. Акт публичной защиты и оценки ученического проекта тоже аксиологичен по своей сути, так как связан с признанием степени значимости, ценности исследования, личного вклада ученика в работу.

Более пристального внимания заслуживает оценочно-рефлексивный этап исследовательского проекта. С одной стороны, он непосредственно связан с самооценкой личностных результатов проектной деятельности, ценностным самоопределением учащихся. С другой стороны, как показывает опыт, эти стороны проектной деятельности реализуются не в полной мере. Так, рассматривая проектные действия в структуре универсальных учебных действий, З. В. Торопова определяет регулятивные, познавательные, коммуникативные действия, оставляя без внимания личностные [3].

В контексте идей смыслопорождающего образования принцип продуктивности предопределяет, что «главным ориентиром обучения является личное образовательное приращение ученика, складывающееся из его внутренних и внешних образовательных продуктов учебной деятельности» [4, с. 101].

Традиционно итоговая рефлексия направлена на самооценку участниками проекта того, как были реализованы цели и задачи проекта, насколько целесообразны и эффективны использованные методы и приемы исследования, каковы перспективы дальнейшей работы, то есть она направлена на «внешний» образовательный продукт и процесс деятельности:

- содержание проекта (замысел и воплощение, конечный результат),

-
- технология выполнения (способы, алгоритмы деятельности, инструментарий).

Но для самооценки личностных достижений не менее важна личностная рефлексия проектной деятельности: в чем, самоопределяясь в результатах исследовательской деятельности по литературе, сами ученики видят ее смысл ценность, как сами осознают ценность личных «приращений» (что мне дало участие в проекте? В чем его ценность для меня? Что нового я открыл в искусстве, в жизни, в себе?). Таким образом, речь идет о «внутреннем», по А. В. Хуторскому, образовательном продукте, или о личностном результате индивидуальной образовательной траектории.

Известные в педагогике формы образовательной рефлексии (устное обсуждение, письменное анкетирование, графическое изображение происходящих изменений, дневниковые записи в ходе проекта) следует дополнить формами личностной рефлексии, с учетом специфики предметной области проектирования.

Нами были апробированы следующие формы личностной рефлексии, которые использовались для диагностики ценностного самоопределения учащихся в проектно-исследовательской деятельности по литературе:

- ответы на вопросы анкеты,
- эссе «Мой проект: Post scriptum»,
- письмо научному руководителю,
- интервью в школьной газете, на сайте школы,
- выступление перед начинающими исследователями,
- выступление перед студентами – будущими педагогами.

На материале анализа эссе «Мой проект: Post scriptum» и анкетного опроса проанализируем, как сами учащиеся определяют для себя смысл и ценность проектно-исследовательской деятельности по литературе. Форма эссе ориентирует пишущего на размышления о ходе исследования, самых интересных впечат-

лениях, находках. Анкета дает учащимся возможность выразить отношение к разнообразным смысловым аспектам исследовательского проекта и тем самым самоопределиться в его ценности.

1. Что побудило Вас заняться исследованием литературы?

Вопрос обращен в сферу осознания учащимися мотивов проектно-исследовательской деятельности. Обозначим основные позиции:

– интерес к предмету, стремление выйти за рамки программы, глубоко знать литературу, культуру:

«Я всегда любила поэзию, но решающим фактором при выборе темы стал тот факт, что все читают Фета по школьной программе, но мало кто знает, что он писал о море» (Лиза Ш.). «Меня всегда привлекала французская литература, в частности переводы французских произведений на русский язык. Изучая литературу другой страны, начинаешь лучше понимать ее народ, культуру» (Анна К.);

– желание совершенствовать себя как читателя:

«Поступив в физико-математический лицей, я испугалась, что могу лишиться чего-то очень важного. Ведь хотелось развиваться и в литературе. Во-первых, в самостоятельном исследовании. Во-вторых, в анализе художественной литературы. И, как бы это громко ни звучало, проникнуться произведением, увидеть не то, что лежит на поверхности, а то, что открывается только вдумчивому читателю» (Лина Х.);

– сам процесс исследовательского поиска:

«...этот бесконечный поиск, попытка найти крупину истины в огромном количестве материала. Что может быть притягательнее? Однажды погрузившись в мир научных изысканий, уже невозможно остановиться» (Мария Г.).

2. Что было самым интересным, неожиданным для Вас в Вашей работе? Вопрос позволяет зафиксировать значимые для ученика события работы над проектом. Как показали ответы, к ним отнесены:

– опыт самопознания:

«Чем глубже я погружаюсь в мир главного героя трилогии "Детство. Отрочество. Юность", тем больше с ясней, почти пугающей откровенностью мне видна вся подоплека моих собственных поступков в аналогичные периоды жизни. Я поняла, что по сути переживания человека в период активного формирования очень схожи, меняются только "декорации" – время и пространство» (Татьяна О.);

– диалог с культурными собеседниками:

«Мне повезло общаться с интереснейшими людьми: сотрудниками музея М. Цветаевой в Москве, профессором Сорбонны Вероникой Николаевной Лосской – автором книги о Цветаевой, Сибелан Форрестер – преподавателем русской литературы в колледже г. Свортмор (США). Руководителями моей работы были талантливые специалисты, благодаря которым я приобрела опыт научной работы, анализа литературных переводов» (Татьяна В.);

– оценка явлений жизни через призму литературы:

«Общение на простом, примитивном языке люди оправдывают бешеным ритмом жизни, отсутствием времени, занятостью. На самом деле они просто не хотят утруждать себя быть культурными. ...Красивые чувства нужно красиво выражать. Письма Тургенева и Виардо подтверждают это» (Майя С.);

– понимание о смысловой многозначности явлений литературы:

«Интересно было открыть для себя смысловую многоплановость и неоднозначность толкования концепта «покой» в лирике А. С. Пушкина» (Мария Д.) «Номинации открывают не только отношения между героями, но и отношение автора и переводчика к персонажам. Выяснилось, что строгой однозначности номинаций Бальзака переводчик Достоевский противопоставляет их выразительное разнообразие» (Анна К.);

– личностное отношение к героям произведения:

«Я как будто бы влюбилась в каждого из героев рассказа, узнала их, как самых лучших друзей. Перечитывая рассказ вновь и вновь, была рада встрече, переживала» (Лина Х.);

– движение от замысла к воплощению проекта:

«Что может сравниться с тем удовольствием, когда ты видишь, как вырисовывается целостный образ работы, казавшийся поначалу таким смутным и расплывчатым!» (Мария Г.).

3. Какие идеи проекта для Вас особенно важны?

Вопрос выводит на личностную рефлексию собственно содержания литературного материала и позволяет диагностировать, какие смысловые аспекты литературы значимы для учащихся. Ответы фиксируют своеобразие личностной интерпретации:

– человек в ситуации выбора:

«На примере Макина я имел возможность наблюдать за конфликтом в душе человека двух соперничающих цивилизаций (западной и советской), которые одинаково дороги ему» (Денис Т.);

– человек и мир:

«Мысль о неисчерпаемом запасе жажды новизны в человеке, его стремлении к самосовершенствованию, к осознанному восприятию событий» (Татьяна О.);

– понимание возможностей человека:

«В процессе исследования я пришла к выводу, что люди, обладающие высоким уровнем культуры и интеллигентности, люди с тонкой душевной организацией могут выразить свое отношение друг к другу даже в эпистолярной рамке» (Майя С.);

– новый угол видения явлений:

«Чтение мемуаров Фета позволило осознать, откуда у Фета любовь к морю, сопоставить стихотворения с биографическим контекстом. Настоящим открытием было то, что импрессионизм – это не только направление живописи. Минутные впечатления, настроения, остановленное мгновение – вот то, что

было ценно для Фета. И для меня открывался новый угол зрения на предметы, события» (Лиза Ш.).

4. Чем ценно для Вас участие в исследовательском проекте по литературе?

Вопрос непосредственно обращен к личностной рефлексии проектно-исследовательской деятельности, ценностного самоопределения в ней. Приведем характерные ответы:

«Прежде всего это опыт вдумчивого чтения, которое рождало множество вопросов, требовавших самостоятельных ответов. Важно было понять, как рождаются и развиваются лейтмотивы жизни и смерти» (Лина Х.). «Исследование литературы помогает приобрести новые знания и навыки, которые необходимы в будущем каждому человеку, независимо от сферы его деятельности. Например, умение находить нужную информацию, затем грамотно её обработать, а в конце исследования сделать определённые выводы. Расширению кругозора способствует общение с научным руководителем – мастером своего дела» (Мария Д.). «Незабываем опыт публичных выступлений, на которых я защищала научную работу. Правильно и понятно изложить точку зрения, уметь отстаивать ее перед оппонентами – этому можно научиться только на практике. Это те навыки, которые нужны не только в учебе и работе, но и в жизни» (Лиза Ш.).

Таким образом, учащиеся видят ценность проектно-исследовательской деятельности в расширении познания, культурного кругозора, приобретенных умениях и навыках, опыте творческой деятельности, возможности самовыражения, осознавая универсальный характер действий и понимая их значимость для дальнейшей жизни.

Для уточнения степени востребованности опыта проектной деятельности, с целью ретроспективной рефлексии мы предложили группе респондентов, окончивших школу, повторно ответить на вопросы анкеты. Их ответы подтверждают понимание ценности полученного опыта, собственной компетентности:

«Сейчас, когда я учусь на втором курсе факультета международных экономических отношений МГИМО, невозможно недооценить тот опыт, который я получила, занимаясь школьной научной работой, невзирая на тот факт, что моя будущая специальность никак не связана с литературой. Умение анализировать, логично выстраивать мысли как в устной, так и в письменной речи – неотъемлемые качества специалиста в любой области... Любовь к лирике приобрела осмысленность, появилось желание читать классическую литературу, сформировался собственный вкус. И еще – чтение стало потребностью» (Лиза Ш.). «Тот самый первый опыт стал для меня самым важным, поскольку он лег в основу всей моей последующей научной деятельности» (Анна Ш.). «Занимаемая мною должность предусматривает большую работу по составлению деловых писем, где эпистолярная рамка занимает далеко не последнее место. Постоянно приходится обращаться к различным справочникам по ведению деловой переписки, т.к. неграмотно, некорректно составленные письма могут нанести ущерб развитию и репутации компании» (Майя С.).

Как видим, сами учащиеся соотносят личностную образовательную траекторию и траекторию собственной жизни, и это важнейшее проявление ценностного самоопределения.

5. С каким чувством Вы вспоминаете о своем исследовании?

Вопрос позволяет уточнить эмоциональную реакцию на опыт проектной деятельности. Эмоциональные переживания успеха подерживают понимание ценности деятельности, стимулируют ее:

«Невозможно забыть это чувство гордости, когда была завершена работа над первым стихотворением, пожалуй, самым трудным и поэтому самым дорогим» (Лиза Ш.). «Это исследование помогло мне понять мои возможности, некоторые скрытые способности, научило работать с объемными художественными произведениями. Я вспоминаю об этом опыте с гордостью и чувством удовлетворения» (Анна К.).

6. Ваши пожелания научному руководителю.

Последнее задание обращено к оценке педагогической поддержки проекта. Очевидно осознание ценности сотворчества с педагогом:

«Безусловно, продолжать заниматься наукой и творчеством, искать и находить новые интересные проблемы и не просто талантливых, но и благодарных за ваш колоссальный труд учеников» (Татьяна О.). «Я бы хотела поблагодарить своего научного руководителя за помощь в исследовании, терпение и понимание и пожелать как можно больше способных и талантливых учеников и успешных исследований!» (Мария Д.).

Анализ личностной рефлексии позволяет диагностировать разнообразные проявления ценностного самоопределения учащихся в проектной деятельности, ее воспитательный, точнее, самовоспитательный эффект.

Литература

1. Качурин, М. Г. Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы [Текст] / М. Г. Качурин. – Москва : Просвещение, 1988. – 173 с.
2. Ступницкая, М. А. Что такое учебный проект? [Текст] / М. А. Ступницкая. – Москва : Первое сентября, 2010. – 44 с.
3. Торопова, З. В. Обучение школьников учебному проектированию как общеучебному универсальному умению [Текст] / З. В. Торопова // Человек и образование. – 2012. – № 1. – С. 135 – 138.
4. Хуторской, А. В. Современная дидактика [Текст] : учеб. пособие / А. В. Хуторской. – 2-е изд., перераб. – Москва : Высш. шк., 2007. – 639 с.

Современная литература для детей и о детях в контексте образовательных стратегий нового века

*Важно делиться;
эта привилегия должна сохраняться за чтением.*

Д. Пеннак «Чтение – это ПОДАРОК!»

Написать научно-популярно о контексте образовательных стратегий нового века «ясно и просто», как советовал М. Л. Гаспаров [1, с. 30], можно в следующих координатах: личность (цель обучения), развитие (процесс обучения), метапредметность (содержание обучения), технологии (средства обучения), компетентность (результат обучения).

Чтение как смысл обучения открывает двери в культуру с помощью учителя, библиотекаря, родителя, книжного или реального, но без их помощи цель «чтения как труда и творчества» не достижима. Поэтому перед педагогами стоит задача приобщения к чтению как универсальному увлекательному и полезному учебному умению.

Чтение как процесс сохраняет «человеческое в человеке» – способность к самосознанию и саморазвитию, поэтому и является ведущим видом деятельности в школе под названием жизнь. Поэтому чтение сопровождает самореализацию человека в течение всего жизненного пути.

Чтение как универсальное учебное действие является показателем функциональной компетентности школьника, поэтому в школе это учебное действие формируют, оценивают, корректируют, но чтение – это умение, которое совершенствуется всю жизнь.

Чтение как результат обучения ведет к успеху учения, поэтому тот, кто успешно читает, успешно учится. Учителя начальной школы гордятся, если их выпускники отлично читают, а пе-

дагоги всех предметов постоянно пользуются этим результатом начального образования, без него наука не отдает свои «ключи» познающему человеку.

В центре методического внимания находится термин «стратегия чтения» – «план и программа действий и операций читателя, работающего с текстом, которые способствуют развитию умений чтения и размышлению о читаемом и прочитанном, и включает в себя процедуры анализа информации и степени ее понимания, а также взаимодействие «чтец – текст» [10, с. 261]. Умение читать уже не считается способностью, приобретенной в раннем школьном возрасте. И это не только техника чтения, а постоянно развивающаяся совокупность знаний, навыков и умений, то есть качество человека, которое совершенствуется на протяжении всей его жизни в разных ситуациях деятельности и общения [3; 8; 11; 13]. Можно ли говорить о месте современной литературы в школьном образовании в этом контексте, в ситуации «выживания» литературы как самостоятельной учебной дисциплины? Часто приходится слышать мнение: лучше сохранить классику и не тратить время уроков на чтение текстов, не проверенных временем на качество и эстетическую ценность.

Давайте вслушаемся в слово «современная» литература, то есть литература, у которой есть минимум три свойства:

- она отражает **«дух времени»**, специфику восприятия жизни современными авторами и читателями [9];
- ее создатели являются современниками, обладающими общим социальным и культурным опытом эпохи, их объединяет **чувство времени**;
- наконец, тексты современной литературы понятны читателям без комментариев, потому что ставят **проблемы своего времени**, близкие и актуальные [7].

Нужно помнить и то, что произведения современной детской литературы дают нам представление о «детях цифрового века» и помогают взрослым, педагогам и родителям понимать чувства

подростков и причины их отсутствия. Проблемы детей в эпоху глобализации не менее сложны, чем в прошлом веке. Кроме этого, с точки зрения М. Л. Гаспарова, «человек с ясным умом мог бы просто написать и о сложной современности» – и он первый был бы рад прочитать такую книгу. «Некоторые и пишут, но для взрослых, а школьникам такие книги нужнее: им в этой современности жить и работать» [4, с. 192]. Литература для детей и о детях входит в содержание образования всех дисциплин как актуальный ее компонент, придает «революции в обучении» эффект современности и гуманитарности [6].

У современной литературы, в центре которой оказывается школа с ее укладом, есть огромный педагогический потенциал, потому что она дает возможность почувствовать необходимость перемен (М. Аромштам «Когда отдыхают ангелы»), потребность в гуманном отношении к ребенку (Анна Гавальда «35 кило надежды»), увидеть проблемы школы глазами детей (Е. Мурашова «Класс коррекции»), помочь заглянуть в перспективы (А. Жвалевский и Е. Пастернак «Время всегда хорошее»). Но главное заключается в том, что чтение книг о современниках-детях – путь создания пространства разговора со школьниками на уроке или внеклассном занятии, в библиотеке или дома. Этот разговор обращен к темам детства, взросления, становления самосознания, нравственного выбора в ситуациях реализации стратегии развивающего обучения.

Именно при изучении современной детской литературы открывается «свобода выбора», способ познания индивидуальных особенностей и интересов ребенка. У педагога-библиотекаря, словесника, классного воспитателя формируется умение быть открытым, ищущим, сомневающимся, читающим **новые книги**.

Чтение современной литературы **дает ребенку** ощущение значимости его интересов, внутренних ценностных выборов, приоритетов среди множества книг и авторов. Это чтение открывает педагогу ученика, способного к перевоплощению в «Саламандру и Ундину», способного к чтению «книг в красном переплете» «у горящего камина» (М. Цветаева). Осмелюсь повторить, что литература для детей и о детях является мощным резервом

сохранения отмирающего интереса к чтению у современных школьников, но мы этот резерв используем не в полной мере или игнорируем совсем. Именно подростки и коллеги открыли мне книги Б. Минаева «Детство Левы» (М., 2001), И. Кабыш «Детство. Отрочество. Детство» (Саратов, 2003), О. Роя «Повелитель книг» (М., 2010), М. Ботевой «Световая азбука. Две сестры, два ветра» (М., 2005), Г. Мантурова «Берлога» (М., 2009), Джонатана Сафрана Фоера «Жутко громко и запредельно близко» (М., 2007), Д. Пеннака «Собака Пес» (М., 2008), В. Крупина «Босиком по небу» (М., 2009), А. Хорта «Али-Баба и сорок прогульщиков» (М., 2012) и другие.

Необходима обратная связь, и она активно работает у многих педагогов, когда книги, прочитанные детьми, начинают читать и родители, открывая для себя новое удовольствие – следить за изменением времени своих впечатлений, за законом «связей всего со всем» (Л. Улицкая). Это произведения Н. Абгарян «Манюня» (М., 2012), А. Лиханова «Никто» (М., 2001), Д. Гроссмана «С кем бы побегать» (М., 2011), М. Гончаровой «...Щинят и каникулов...» (М., 2011), Л. Улицкой «Бумажная победа».

Конечно, при организации чтения современной литературы учителю нужна определенная смелость, потому что оценки произведений современной литературы часто противоречивы и неоднозначны, но сам поиск и выбор книг становится для учителя педагогической задачей. Эту роль учителя Л. Улицкая раскрывает так: «...именно Пастернаку я пожизненно благодарна за то, что он, как апостол Петр, открывает своим ключом дверь, за которой хранится лучшее, что создал человек, водя пером по бумаге.

Место входа у каждого человека свое собственное: но я ни разу не встретила человека, который самостоятельно, без учителя – книжного или реального, смог бы найти этот вход. Да не все и находят» [12, с. 59]. Хочется верить, что открыть эту «дверь» учителю литературы, педагогу-библиотекарю по силам.

Какие жанры будут самыми полезными и удобными для включения текстов современной литературы в учебные занятия

в соответствии с новыми ФГОСами? В первую очередь – лирические стихотворения, литературные сказки, рассказы, афоризмы. Этот выбор мотивирован не только экономией учебного времени, но и современными образовательными технологиями, позволяющими прочитать художественное произведение «здесь и теперь», включить его в опыт духовной жизни ученика средствами искусства.

Так рассказ Л. Улицкой «Бумажная победа» мы прочитали с гимназистами, используя четыре методических приема:

1. Придумать название рассказа после его прочтения и затем, сравнив свой вариант с авторским заголовком, объяснить его роль в рассказе. Это задание обусловлено тем, что название является одновременно развязкой действия и требует читательской догадки и творческого воображения.
2. Чтение с остановками, когда школьники опережают своими гипотезами развитие уникального по психологической напряженности сюжета этого рассказа. Не каждый читатель предугадывает решение двух женщин – отчаявшиеся мама и бабушка приглашают на день рождения своего болезненного и обижаемого сверстниками ребенка всех подростков их двора.
3. Работа с художественной деталью как средством создания образа литературного персонажа.
4. Выбор ассоциативного ряда произведений и впечатлений к главной теме – сопротивление личности обстоятельствам жизни, победа над собой. Не были забыты и «Гадкий утенок» Г.-Х. Андерсена, и «Козетта» В. Гюго, и «Чучело» В. Железникова.

А какие читательские отзывы написали подростки – именно отзывы на «взрыв эмоций», на понимание роли своего воображения в художественном замысле автора, на «победность» характера Гени Переплетчикова, завоевавшего уважение сверстников своим умением мастерить из бумаги «свой мир»!

На следующий урок принесли новый рассказ, который просто размножили и подарили каждому в классе. Он назывался «Не пускайте рыжую на озеро» Елены Габовой [2]. Рассказ помогал каждому читателю увидеть мир отношений по-новому с помощью автора, который узнал в оперной диве рыжую одноклассницу Светку Сергееву, которой весь класс объявил бойкот за то, что она пела... всегда. Рассказ «пробивается» к «памяти сердца» и дает понять, какие в классе разные люди, как важно сберечь самое человеческое в человеке – право другого человека быть собой, осуществить свое призвание. И, наконец, мы со всеми педагогами гимназии читали рассказ М. Гончаровой «...Щинят и каникулов», который должен быть прочитан любым учителем обязательно.

Можно сказать, что эти три произведения являются отражением в художественном тексте образовательной стратегии развивающего обучения в трех сообществах – педагогов (М. Гончарова), детей (Е. Габова) и их родителей (Л. Улицкая). С точки зрения Германа Гессе, не существует списка книг, которые непременно нужно прочесть, без которых невозможно спасение и совершенствование! Но у каждого человека есть несколько книг, которые именно ему, именно этому человеку, приносят удовлетворение и наслаждение. Постепенно отыскивать такие книги, поддерживать с ними отношения в течение долгого времени, пожалуй, и обладать ими – и в прямом смысле, и принимая их в свою душу – такова личная задача каждого человека, и он не может пренебречь ею, если не хочет нанести значительного ущерба своей образованности и своим удовольствиям, а стало быть и ценности своего бытия [5, с. 42].

На последнем уроке литературы выпускники оценивали метапредметные лично значимые результаты изучения произведений современной литературы. Приведу несколько примеров из рефлексивных листов портфолио индивидуальных достижений гимназистов:

– Я знаю, что мне сейчас есть чем «аукаться» со своими одноклассниками, когда мы «вернемся пространством и временем полные» снова в родную гимназию. В моей памяти и Юрий Вяземский, и Захар Прилепин, и Юрий Коваль, и Елена Наумова.

– Благодаря этим урокам я собрала поэтический сборник любимых стихотворений, которые помогают мне жить и, надеюсь, преодолеть многие трудности с помощью «Успокоительного совета» Вадима Шефнера:

От унынья в дни напастей
Доброй зоркостью лечись, –
Честному чужому счастью
Радоваться научись.
Дружески о людях думай,
И – чтоб жизнь была милей –
Гирю зависти угрюмой
Сбрось с весов судьбы своей.

– Уроки по современной литературе научили меня ценить яркие книги и мудрые мысли. Я надеюсь, что фразу Аллы Демидовой из книги «Ахматовские зеркала»: «Я думаю, человек живет для того, чтобы встречаться с другим человеком на года, на день, на минуты... Но это самое главное» – мне не забыть.

– Уроки, на которых мы читали книги современных авторов, помогли мне выбирать произведения «по душе», самостоятельно обдумывать прочитанное и собрать свою библиотеку.

- Библиотечный урок, посвященный чтению рассказов М. Гончаровой, подарил мне дивную молитву Томаса Мора: «Господи, даруй мне чувство юмора, дай мне милость понять шутку, чтобы я познал немного счастья в жизни и передал его другим».

– Мне часто вспоминается эпиграф с урока по современной литературе: «Читай сидя за столом и имей при себе карандаш и бумагу. Записывай мысли из книги, а также и свои, мелькнувшие из-за чтения или по другой какой причине» (Даниил Хармс. Дневниковые записи).

– Современная литература помогает понимать время своей жизни как путь самопознания, критического отношения к себе и информации. Я понял, как сложно отстаивать свое мнение, как многообразен спектр суждений.

Конечно, надо потрудиться, чтобы научиться читать, и нужен опыт чтения, чтобы стать творческим читателем. Именно труд, вложенный человеком в самого себя, и формирует в нем культуру человеческих качеств.

Важный воспитательный эффект я увидела на библиотечном уроке в школе № 51 города Кирова, на нем читали книги В. Воскобойникова «Жизнь замечательных детей». И ученик Вадим Колотов сказал: «Из этих книг я понял, что детство – это период жизни, в котором человек становится замечательным». В конце урока учительница спросила, что общего в биографиях всех замечательных детей, и выяснилось, что у истоков жизненных путей каждого персонажа была КНИГА, которая и определила мечту, цель, вектор саморазвития. Еще А. С. Пушкин считал, что цель искусства есть идеал, не нравоучение. Вот эти литературные нравственные идеалы и стояли у истоков жизней замечательных людей.

Завершить свои размышления можно таким заключением Л. Улицкой: **«Гениальный писатель расширяет человеческий мир. Из... закона связи всего со всем вытекает одно не вполне очевидное следствие: богатство отдельной человеческой жизни зависит от того, сколько нитей может удержать человек. И какой же непоправимый урон наносят себе лично, культуре и самой жизни люди, исключаящие из своего умственного обихода науку и искусство, ограничивающие свое существование лишь связями с источниками питания, тепла и партнерами для продолжения рода»** [12, с. 59].

Литература

1. Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова (8 декабря 2005 г.) [Текст]: сб. материалов / отв. ред. И. Ю. Белякова. – Москва : Дом-музей М. Цветаевой, 2007. – 140 с.
2. Габова, Е. Не пускайте рыжую на озеро [Текст] / Е. Габова // Уроки лит. – 2008. – № 9. – С. 5, 6.
3. Галицких, Е. О. Педагогическая технология «Список» в контексте работы с проектом «100 книг по истории, куль-

-
- туре и литературе народов РФ, рекомендованных к самостоятельному прочтению» [Текст] / Е. О. Галицких // Открытое образование. Педагогика текста. Актуальное чтение : сб. науч. ст. и метод. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. / Дом дет. техн. творчества – Санкт-Петербург, 2012. – С. 69 – 72.
4. Гаспаров, М. Л. Филология как нравственность [Текст] / М. Гаспаров. – Москва : Фортунa ЭЛ, 2012. – 288 с.
 5. Гессе, Г. Магия книги [Текст] / Г. Гессе. – Санкт-Петербург: Москва : Лимбус Пресс, 2010. – 336 с.
 6. Драйден, Г. Революция в обучении [Текст] / Г. Драйден, Д. Вое. – Москва : Парвинэ, 2003. – 672 с.
 7. Новые имена в детской литературе [Текст] / сост. Е. Усачева. – Москва : Фонд СЭИП, 2012. – 416 с.
 8. Пранцова, Г. В. Современные стратегии чтения: теория и практика [Текст] / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. – Москва : Форум, 2013. – 368 с.
 9. Прилепин, З. Именины сердца. Разговоры с русской литературой [Текст] / З. Прилепин. – Москва, 2009. – 412 с.
 10. Сметанникова, Н. Н. Стратегия воспитания лидеров чтения [Текст] / Н. Н. Сметанникова. – Москва : РИЦ МДК, 2007. – 75 с.
 11. Сметанникова, Н. Н. Обучение стратегиям чтения в 5-9 классах: как реализовать ФГОС [Текст] / Н. Н. Сметанникова. – Москва : Баласс, 2011. – 128 с.
 12. Улицкая, Л. Е. Священный мусор [Текст] / Л. Е. Улицкая. – Москва, 2012. – 476 с.
 13. Учим успешному чтению [Текст] : рекомендации учителю : пособие для учителей общеобразов. учреждений (Федер. гос. образов. стандарт) / Галактионова Т. Г. [и др.]. – Москва : Просвещение, 2011. – 88 с.

«Не нужно ждать глобальных катастроф»: как преодолеть кризис обучения чтению в высшей школе

Не нужно ждать с поникшей головой новых глобальных катастроф, а нужно попробовать смоделировать другой возможный путь развития мира (С. П. Курдюмов)

Искусство чтения и методика исследования – основные инструменты обучения и открытия нового. Именно поэтому они должны быть основной целью разумной системы образования. (М. Адлер)

Если высшее образование хорошее, – образование средней школы, то в конце концов оно вызывает у человека шок. Потому что из области, где он узнавал истины, он переходит в область, где узнает сомнения. И чем больше человек знает, тем больше он сомневается... И это уже область не только науки, не только искусства, но и область культуры в целом... (Ю. М. Лотман)

Современное российское образование уже несколько лет пребывает в состоянии кризиса, который характеризуется прежде всего тем, что:

- образование перестало выполнять функцию социального лифта, оно начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию;
- механизм единовременного обновления содержания образования через введение новых стандартов не работает;
- система образования не соответствует технологическим, культурным и социальным изменениям, не отвечает запросам обучающихся.

Если к сказанному добавить, что современное общество живет в ситуации разрушения стабильного корпуса фундаментальных знаний, консенсусного корпуса национальных образцов и канонов, которые должны быть освоены и усвоены в процессе образования, то станет совершенно очевидным: один из путей преодоления кризиса – осознание профессиональным педагогическим сообществом того факта, что выход из сложившейся ситуации невозможен без решения круга проблем не только в средней, но и в высшей школе. Поясим высказанную мысль.

Нам уже не раз приходилось говорить и писать, что никакая реформа образования не будет успешной, если будет проходить только в одном «звене» системы образования. На наш взгляд, начинать любую модернизацию образования необходимо с упреждающей подготовки тех, кто ее будет проводить в жизнь, т. е. учителей. Сегодня же мы живем в ситуации образовательного разрыва: профессорско-преподавательский состав вузов (в первую очередь гуманитарных) в массе своей не готов к работе в инновационном формате. И хотя «Концепция развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах» предусматривает:

- реальное включение большинства преподавателей в исследовательскую инновационную деятельность, результаты которой должны быть воплощены в преподавательской работе (разработка и внедрение новых «образовательных продуктов»: дисциплин и сопровождающих их технологий, методик, тренингов и т. д.);
- полидисциплинарность и междисциплинарность исследований и разработок (новые магистерские программы);
- преодоление линейной модели «от фундаментального исследования до прикладной разработки» в пользу сотрудничества с реальным сектором экономики,

реально большинство учебных планов педагогических вузов строятся «от предмета», который будет преподавать будущий выпускник. К сожалению, в академической среде до сих пор

бытует мнение, что в первую очередь студент должен получить основательную академическую подготовку. Эту же позицию разделяет и учительское сообщество. «Закономерно, что люди, искренне любящие свое дело, способные к творческой самореализации в нем, на редкость консервативны во всем, что касается предмета их любви, – пишет главный редактор журнала «Народное образование». – Учителя русского языка и литературы крайне болезненно воспринимают любые попытки подвергнуть их практику ревизии» [5, с. 21]. К сказанному можно добавить, что те же учителя жалуются на перегруженность и непосильность для учеников школьных дисциплин, содержание которых до сих пор выстраивается от изучаемого предмета, а не изучающего его человека, массовую незаинтересованность учеников в чтении и т. д. И это при том, что «чтение сегодня реализует информационную, интеллектуальную, культурную, коммуникативную, познавательную, профессиональную, практическую, развлекательно-досуговую, политико-идеологическую роль в обществе. И это при том, что чтение лежит в основе образования и обучения в русле современной концепции "обучение в течение всей жизни". Чтение, как чисто человеческий вид деятельности, лежит в основе жизнедеятельности человека» [14, с. 24].

Думается, что в сложившейся ситуации учителя не виноваты: их так учили работать, они подготовлены прежде всего как специалисты, хорошо владеющие предметным знанием и умением это знание транслировать. Сегодня ситуация меняется, однако меняется очень тяжело и медленно, об этом напрямую заявляют разработчики стандарта: «Это, наверное, самая острая проблема: система педагогического образования инерционна. Совершенствование системы подготовки педагогических кадров и их переподготовки потребует изменения учебных программ, учебников, методического обеспечения – всего того, что мы меняем, переходя на новое содержание образования» [4, с. 5].

Первый шаг к этому изменению сделан: с 2011 г. обучение в педуниверситетах и университетах по направлению *педагогическое образование* идет по новым ФГОСам, в рамках которых существенно

увеличена доля регионального (вузовского) компонента, а это значит, что вузы теперь сами должны решать, какие дисциплины будут включены в Стандарт. Главное, чтобы наполнение «вузовского» компонента не было простым включением в него привычных дисциплин, без изменения и содержания курса, и технологии его освоения. Этого не произойдет, если на смену концепции «хорошее профессиональное образование на всю жизнь» придет понимание необходимости образования через всю жизнь. Этого не произойдет, если будут тщательно проанализированы образовательные потребности учеников, соответствующие запросы государства и на этой основе будет приведено в соответствие содержание общего среднего и высшего профессионального образования. Это нужно для того, чтобы сформированная в процессе вузовского обучения модель профессиональной образовательной деятельности не вступила в противоречие с новой, культуросообразной, парадигмой образования. Будем помнить: в новых Стандартах акцент сделан не на том, какие знания и в каком объеме будут переданы студенту в процессе обучения, а на том, как полученные им знания помогут ему жить и учиться дальше.

Именно на реализацию этих требований и направлены новые ФГОС ВПО, которые определяют не содержание дисциплин и их перечень, как это было в действующих стандартах, а содержание и перечень компетенций, которыми должен обладать выпускник.

Новые принципы и подходы к обучению в высшей школе «предполагают переход от простого сообщения информации, от “обычного” преподавания к активным формам обучения; они требуют включения в ежедневную практику элементов проблемного обучения, прогнозирования, диагностики, научного поиска (проектные методики), они позволяют полнее использовать резервы самостоятельной работы, то есть сделать шаг к переходу школы от установки на воспроизведение материала к его *пониманию*. Они открывают путь к личностно-комфортным, развивающим, интенсифицирующим, активизирующим, игровым формам организации учебного процесса. Все эти подходы отво-

дят ведущую роль чтению и работе с *текстом* в процессе обучения. Текст становится *центральной единицей обучения студентов*» [9, с. 153]. А это значит, что именно уровень читательской грамотности студента становится важнейшим показателем его готовности к профессиональному обучению и самообучению в условиях информационного общества, а также дальнейшей профессиональной преподавательской деятельности.

Однако переход на новые образовательные стандарты как ответ на вызов информационного общества вызывает у профессионального сообщества массу вопросов. И первый из них: каков он, сегодняшний выпускник средней школы, которому предстоит учиться по-новому? Вопрос далеко не праздный, потому что увеличение доли самостоятельной работы в процессе обучения, использование интерактивных технологий и проч., безусловно, ставит вопрос о том, готов ли к деятельному участию в таком процессе обучения вчерашний школьник? Сформированы ли у него *универсальные учебные действия* в области чтения, такие читательские навыки, которые позволят ему искать информацию и перерабатывать ее большие массивы, интерпретировать и оценивать полученные сведения и применять их в процессе дальнейшей жизни?

К сожалению, ответ на этот вопрос будет отрицательным. Свидетельство тому – мнение вчерашних школьников, сегодняшних первокурсников: «Очень часты случаи, когда, выйдя из школы, студент сталкивается с затруднениями при выполнении университетских заданий. А все потому что в школе крайне редко учат тому, как правильно читать, чтобы суметь выделить основные проблемы, мысли, тезисы, аргументы и проч.» (Екатерина Б., Москва). Свидетельство тому – результаты, которые с завидным постоянством показывают российские школьники в международных исследованиях PISA. Безусловно, на сказанное можно возразить: оценивание по международным стандартам не всегда корректно по отношению к отечественной системе образования. Однако не будем забывать: современное образование реформируется в соответствии с принципиально новой концепцией. И в этом смысле результаты PISA более чем

показательны. Если к сказанному добавить, что еще в 2006 году в Преамбуле к «Национальной программе поддержки и развития чтения» было констатировано: «Современная ситуация в России может характеризоваться как системный кризис читательской культуры. Россия подошла к критическому пределу пренебрежения чтением» [6, с. 4], что стремительно падает не только качество чтения, что наша страна престала быть «самой читающей страной мира» и что самые существенные трансформационные изменения в области чтения происходят в первую очередь в молодежной среде, то вопрос о том, как учить таких студентов, детей «цифровой эры», «цифровых аборигенов», будет далеко не праздным.

Выходов из сложившейся ситуации нам видится, как минимум, два. Первый абсолютно очевиден: «адаптировать» содержание профессионального образования. «Мы привыкли учить тому, что знаем сами. Сначала наука, потом адаптация (с большей или меньшей степенью упрощения) полученных готовых результатов в учебниках и лекциях», – справедливо отмечает коллега из Санкт-Петербурга [2, с. 46] Да и четырехлетний бакалавриат взамен пятилетнего специалитета тоже вроде бы подталкивает нас к этому. Однако приведение в соответствие двух уровней образования нельзя понимать узко и прагматично: «Система профессиональной подготовки должна способствовать фундаментализации образования». Фундаментализация означает овладение не «верхушками» науки (особенно в ведущей специальности), а ее современными основами.

Фундаментализация имеет фактически антипрагматическую направленность. Она призвана внедрить в сознание специалиста мысль о том, что ограничение познания только тем, что в «школе это не потребуется», «для школы этого достаточно» и т. п., и вредно, и безнравственно, ибо «сказывается в конечном счете даже на овладении ограниченным кругом знаний» [7, с. 179]. Эти слова, написанные известным отечественным методистом Е. И. Пассовым, убеждают нас: идти по пути адаптации содержания, упрощения материала нельзя.

А это значит, что мы должны признать: в течение ближайших десяти лет, пока в вуз не придут выпускники, которые учились в средней школе по новым стандартам, нам придется доучивать наших студентов, в первую очередь помогая им в овладении стратегиями и навыками смыслового чтения и понимания текста. Безусловно, можно это делать, внедряя в практику вузовского обучения современные образовательные технологии, но обучение в вузе, как нам представляется, будет более успешным, если на первом курсе (в идеале – в первом семестре) студентам будет предложен курс «Современные стратегии чтения и понимания текста» или: «Основы стратегического и функционального чтения», который будет изучен за счет часов (зачетных единиц), отводимых на освоение вариативной части учебного плана.

Кратко поясним название курса и остановимся на его содержании.

Вслед за Н. Н. Сметанниковой мы понимаем под стратегиями чтения «план и программу действий и операций читателя, работающего с текстом, которые способствуют развитию умений чтения и размышлению о читаемом и прочитанном, и включает в себя процедуры анализа информации и степени ее понимания, а также взаимодействие “чтец – текст”. <...> *Стратегия формируется* при работе с текстом определенного типа и фрейма, а затем сохраняется при чтении текстов данного типа» [12, с. 264]. Использование той или иной стратегии помогает читающему оптимизировать процесс получения информации, а затем извлечения ее из памяти и использования в соответствии со своими целями. К сказанному остается добавить: стратегия представляет собой способ формирования и развития умений понимания текста. Существующая трехуровневая модель понимания, в которой выделяются *фактический, интерпретационный уровни и уровень применения*, чрезвычайно удобна для преподавателей, потому что служит основой как для составления вопросов и заданий к текстам, так и для диагностики грамотности чтения. «Первый, фактический, уровень понимания предполагает, что обучающийся может распознать утверждения, которые ясно и

эксплицитно выражены в тексте. Интерпретационный уровень предполагает понимание *подразумеваемой, контекстной* информации, которую можно *додумать, реконструировать* из текста. Уровень применения — это сочетание того, что есть в тексте, и того, что обучающийся *уже знает*, и то, что он может использовать в послетекстовой деятельности» [11, с. 182].

Освоение дисциплины «Современные стратегии чтения и понимания текста» будет способствовать последовательному освоению этих уровней и формированию читательских умений.

Обозначим кратко содержание разделов курса.

«Раздел 1. Чтение в современном обществе. Информационное общество: основные черты. Современная концепция чтения и грамотности. Читательская культура и ее составляющие. Стратегии читательской деятельности. Источники информации в современном обществе. Особенности каждого из источников информации и способы работы с ними. Технология развития критического мышления через чтение и письмо. Фазы работы с текстом. Стратегии читательской деятельности как составляющие технологии развития критического мышления.

Раздел 2. Стратегии чтения и понимания учебного и научного текстов. Учебный и научный тексты как объекты чтения и понимания. Типы учебной литературы. Композиционно-смысловая структура учебного текста и ее влияние на понимание и усвоение учебных знаний. Способы изложения сведений в учебных текстах. Определение понятий. Разновидности научной литературы. Соотношение текстовой и нетекстовой информации (графической, табличной, знаковой) в научных документах. Логическая и композиционная структура текста научного документа. Виды информации в тексте научного документа. Стратегии текстовой деятельности при работе с учебными и научными текстами. Формализованные методы переработки (свертывания) учебной и научной информации. Формализованные вторичные тексты. Графические приемы, обеспечивающие понимание текста: кластеры, таблицы, граф-схемы и др.

Раздел 3. Стратегии чтения и понимания художественного текста. Чтение художественного текста как "труд и творчество". Виды стратегий предтекстовой, текстовой и послетекстовой деятельности при работе с художественным текстом.

Раздел 4. Стратегии работы с другими видами текстов. Стратегии работы с текстами литературы *non fiction* и несплошными текстами (изотекстами)». (Курс разработан автором статьи совместно с профессором Г. В. Пранцовой (Пенза), он читается в Московском городском педагогическом университете и Пензенском государственном университете на первом курсе для бакалавров *педагогического образования*).

Выделение в содержании дисциплины четырех разделов дает возможность преподавателю определить «уровень» погружения в тему в зависимости от требований к результатам обучения с учетом профилизации. Думается, что изучение первого и второго раздела будет одинаково важным для всех. А вот к изучению двух последних разделов можно подойти дифференцировано, в зависимости от профиля подготовки. Отметим главное: изучение всех разделов для студентов всех профилей и направлений существенно необходимо. Поясним высказанную мысль. Структура компетенции определяется с учетом структуры понятия «компетенция», принятой в общеевропейском проекте «TUNING», имеет следующие составляющие: знаниевую, деятельностьную и ценностную. И как здесь не вспомнить слова О. Уайльда: «Благо, даруемое нам искусством, не в том, чему мы от него научаемся, а в том, какими мы, благодаря ему, становимся!»! Современные философы не раз отмечали, что механизм формирования знаний и механизм формирования ценностей принципиально различны. Именно освоение художественной литературы в первую очередь и способствует становлению ценностной сферы личности. Общение с художественным текстом – это прежде всего диалог с самим собой, и этому диалогу надо учить. Читательская культура – а ее формирование и становится основной целью предлагаемого курса – может быть сформирована на разных текстах, но «реализуется она в поступках читателя как проявление его

сопереживания, сомышления, сотворчества с другими людьми в обществе, с учетом законов природы и общества» [13, с. 57]. Поэтому приобщение к чтению художественной литературы (в данном случае через освоение стратегий чтения художественного текста) – условие формирования читательской культуры.

Освоение дисциплины может идти по пособию «Современные стратегии чтения: теория и практика» [8; см. подробнее: <http://forum-books.ru/product/sovremennye-strategii-chteniya-teoriya-i-praktika-708/>], цель которого не только дать представление о современных стратегиях чтения (сразу отметим, что очень много сделано в этом направлении Н. Н. Сметанниковой [10; 11], но и помочь студенту/слушателю овладеть ими в процессе работы с этой учебной книгой.

Кратко остановимся на основных разделах пособия.

Начиается оно с *Введения*, в рамках которого обосновывается необходимость освоения дисциплины и «задается» интерактивный режим работы с ним. После *Введения* идет теоретический раздел: в нем дана та информация, с которой читатель должен познакомиться до того, как будет слушать лекцию. Нам представляется, что такая предварительная работа избавляет слушателей от записи лекции по принципу «что успел» или «что услышал», заставляет обратить внимание на главное и зафиксировать это в своем конспекте. Структура теоретических занятий представлена в технологии РКМЧП (Развитие критического мышления через чтение и письмо) и направлена на ее освоение. Материал дается в формате развернутого плана и тезисов, он включает скриншоты слайдов, таблицы, графики, цитаты на определенную тему. Нам представляется, что в работе с материалом, структурированным таким образом, формируется умение читать сплошные и несплошные тексты, интегрировать информацию, поданную в разном формате. Собственно осмысление теоретического материала как в процессе подготовки к лекции, так в процессе работы на ней, т. е. ее прослушивания и записи, предполагает последовательное прохождение трех стадий технологии РКМЧП: вызов, осмысление, рефлексия.

Структура каждого *практического занятия* включает следующие подразделы: 1) подготовка к занятию: вопросы и задания теоретического и практического блоков, 2) план занятия и комментариев к нему. И в первый, и во второй подразделы включен необходимый дидактический материал (фрагменты текстов), сопровождаемый вопросами и заданиями по работе с ним.

Начинается каждое *практическое занятие* с кратких методических рекомендаций, которые призваны помочь подготовиться к занятию: изучить соответствующую литературу (она указана после задания или вопроса), оформить свои результаты в формате вторичного текста, подготовиться к тестированию, написанию текста в том или ином жанре.

Основной раздел практического занятия – работа с текстом. Объем текстов и заданий к ним существенно больше, чем может освоить/выполнить обучающийся за полтора часа. Это принципиальная позиция авторов: такое превышение объема позволяет преподавателю организовать фронтальную, парную и индивидуальную работу с текстами, а также работу в малых группах, а обучающемуся выстроить индивидуальный образовательный маршрут. Работа с текстами на занятии, проводимом, как правило, в формате практикума, носит интерактивный характер.

Завершают пособие два раздела: *гlossарий* и *список* для дальнейшего чтения по проблемам...чтения.

Введение такого курса в практику обучения в вузе представляется нам важным, но далеко не единственным ответом на вызов времени. На наш взгляд, в учебный план по направлению подготовки педагогическое образование может быть также включена дисциплина «Методология и технология обучения чтению на уроках... и во внеурочной деятельности». Изучение этого курса возможно на последнем или предпоследнем году обучения, когда бакалавры начинают непосредственную практическую подготовку к будущей профессиональной деятельности. На первом курсе, слушая дисциплину «Современные стратегии чтения», первокурсники отмечают необходимость и важность курса для

своей учебной деятельности: «Благодаря работе, которую мы проделали, научные, информационные и любые сложные тексты перестали отталкивать. Теперь у нас есть способы, позволяющие разбираться в них и создавать собственные тексты» (Алиса Р., Москва), но только лишь единицы из них «транслирует» полученные знания и умения на свою дальнейшую преподавательскую деятельность, хотя и сомневаются в том, что сумеют обучить школьников стратегическому чтению: «...после прослушивания курса вынести для себя как преподавателя можно многое, но вот станет ли это интересно школьникам, у которых мы будем преподавать?» (Даша З., Москва). Показать возможные направления поисков ответов на поставленный вопрос и призван курс «Методология и технология обучения чтению на уроках и во внеурочной деятельности», в рамках которого могут быть изучены следующие модули:

- текст в культуре и образовании,
- читательская, информационная и другие виды грамотности,
- чтение как понимание,
- механизмы чтения и методика обучения технике чтения разных групп учащихся (носителей языка, билингвов; слабочитающих и дислексиков и т. д.),
- стратегии обучению чтению на уроках... (в соответствии с профилем подготовки будущего учителя-предметника),
- школа как читательская среда,
- диагностика и оценивание результатов чтения.

В связи с тем, что в стандарте бакалавра педагогического образования нет деления на направления предметной подготовки (профиль подготовки выбирает вуз), то в соответствии с тем, какого учителя-предметника мы готовим, «набор модулей» может быть разным. Так, будущий словесник должен изучить дисциплину в полном объеме, учитель начальных классов может обой-

тись без первого раздела, но зато в его программе будут усилены другие блоки. Внимание учителя негуманитарных предметов необходимо сосредоточить на освоении стратегий обучения чтению. Это существенно необходимо, потому что работа с текстом происходит на всех уроках. К тому же в процессе освоения физики, биологии, математики и многих других предметов ученик должен читать схемы, таблицы, графики, карты; следовательно, его нужно этому учить. Однако выбор модулей для изучения, их иерархия и содержательное наполнение – это все тактические решения; они могут быть различными и учитывать специфику региона, вуза, конкретный образовательный запрос, контингент обучающихся и т. д. Важно, чтобы все участники образовательного процесса поняли смысл изучаемого курса, его важность и необходимость не только в будущей профессиональной, но и сегодняшней учебно-профессиональной (квазипрофессиональной) деятельности студентов, а преподаватель сумел установить связь с частнопредметными методическими курсами. Тогда цели курса, трактуемые нами как планируемый результат деятельности, будут определены с учетом взаимосвязи культуры, науки, образования и коммуникации.

Безусловно, такие «читателеведческие» курсы не сразу войдут в учебные планы вузов. Подчеркнем еще раз: академическое педагогическое сообщество свято уверено: задача формирования читательской грамотности – «по ведомству» средней школы. И даже опыт ближайших соседей (сошлемся на опыт коллег из Беларуси, который описан в сборниках «Работа с текстом» (2003), «Стратегии академического чтения и письма» (2007), вышедших в серии «Современные технологии образования», издаваемой Белорусским государственным университетом), не говоря уже об опыте европейских и американских университетов, не убеждает их в необходимости чтения подобных курсов. Однако у профессионального сообщества есть рычаги влияния на ситуацию. В новых ФГОСах частнопредметные методики обучения являются базовыми дисциплинами, содержание которых определяется и задается Примерными программами, к разработке

которых привлечены высококвалифицированные ученые-методисты, эксперты. А это значит, что можно сделать первый шаг, включив в Примерную программу по любой частнопредметной методике обязательный раздел «Чтение/текстовая деятельность на уроках...» Его содержание может быть представлено следующим образом: «Современная концепция чтения и грамотности. Грамотность как единство чтения и письма. Чтение в исследованиях PIRLS и PISA. Современные педагогические технологии как способ совершенствованию читательской грамотности. Стратегии читательской деятельности как составляющие технологии развития критического мышления. Стратегии чтения и понимания текста учебного и учебно-научного текста по предмету. Приемы визуализации информации. Приобщение к чтению на уроке и внеурочной деятельности». Прокомментируем последнюю позицию раздела. К сожалению, принято считать, что приобщение к чтению – прерогатива исключительно учителя-словесника. Следствием такого невнимания к вопросам подросткового/юношеского чтения со стороны других предметников становится тот факт, что в круге чтения современного школьника практически отсутствует научно-популярная литература, а научно-художественная представлена очень фрагментарно. Сегодня стало совершенно очевидно: словесник в одиночку не в состоянии решить задачу приобщения детей к чтению. Это задача педагогического коллектива. И решена она может быть только тогда, когда технологиями приобщения к чтению и стратегиями чтения будет владеть любой учитель-предметник. А это произойдет, если произойдут содержательные изменения предметной методической подготовки и в вузовские курсы всех предметных методик и программ подготовки/переподготовки педагогических кадров в обязательном порядке будет включен раздел «Чтение на уроках...».

Все изложенное касается решения проблем чтения на уровне бакалавриата. Однако переход на двухуровневую систему вузовской подготовки позволяет решать проблему и на уровне магистратуры. Последние, как известно, бывают двух типов: академические (исследовательские) и управленческие (почему-то их

больше принято называть прикладными, или профессиональными). К числу управленческих можно отнести магистерские программы «Социально-педагогическая поддержка чтения: теория и технология», (МГПУ, г. Москва), «Социально-педагогические технологии развития культуры чтения» (РГПУ имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург). Так в рамках «московской» магистратуры обучающиеся получают не только фундаментальную подготовку в области чтения (через освоение дисциплин «История и теория чтения», «Чтение в кругу других рецептивных практик», «Герменевтика и рецептивная эстетика» и др.), но и слушают практико-ориентированные курсы («Обучение стратегиям чтения», «Современные технологии приобщения к чтению», «Функциональное чтение в полиэтническом классе», «Практики семейного чтения»), ведут научно-исследовательскую деятельность, а также вместе с преподавателями участвуют в читательских фестивалях типа «Старт-ап» и книжных выставках, например «Non-fiction», международной акции «Библионочь», разрабатывая и проводя на них мероприятия соответствующей направленности: открытые семинары и презентации, тренинги, заседания читательского клуба, круглые столы и проблемные дискуссии и т. д. Иными словами, построение и отбор содержания для программ магистерской подготовки выполнен с учетом ряда принципов, один из которых можно сформулировать как возможность освоения дисциплины или ее части в рамках контекстного подхода. Бесспорно, овладение академическими знаниями – основной вид деятельности обучающихся в вузе. Однако не будем забывать, что «передача студенту массива учебной информации или системы поведенческих навыков <...> отнюдь не гарантирует овладение им целостной профессиональной деятельностью, не делает из него специалиста. <...> В результате, чтобы стать компетентным, выпускнику вуза надо пройти длительную, нередко занимающую несколько лет, адаптацию – профессиональную и социальную. Причем последняя протекает для молодого специалиста труднее и острее, поскольку развитие его социальных качеств (понимания и принятия других людей, распределения должностных функций, согласования интересов,

сотрудничества и взаимопомощи, общения и взаимодействия в процессе труда, принятия совместных решений и т. п.) не входит в содержание образования», – пишет педагог-психолог А. А. Вербицкий [1, с. 40]. Преодоление сложившейся ситуации современная педагогическая наука видит в организации обучения, в рамках которой информация, получаемая на занятии, с самого начала усваивалась бы «студентом в контексте его собственного практического действия и поступка. Действия не чисто академического, а приближенного к предметно-технологическим и социокультурным ситуациям предстоящей профессиональной деятельности» [1, с. 43]. Однако для того, чтобы деятельность магистрантов стала квазипрофессиональной, т. е. сочетающей в себе черты и качества учебной и профессиональной деятельности, учебный процесс не только должен быть обеспечен соответствующими учебными пособиями-практикумами, он должен протекать с использованием инновационных технологий, которые позволяют моделировать предметное и социальное содержание профессиональной управленческой деятельности, усваиваемой магистрантами.

Безусловно, надо сказать еще и о том, что преподаватель начинает проектировать новую методологию своего курса, «то есть задавать себе вопросы о том, зачем нужен преподаваемый курс студентам, что они смогут после этого курса, на каких образовательных и этических ценностях необходимо выстраивать стратегию своего преподавания» [3, с. 102]. Преподаватель, владеющий стратегиями интерактивного чтения, по-иному выстраивает свой курс, по-иному проводит аудиторские занятия, активно используя лекции-брейнсторминги, лекции-визуализации и т. д., практические и семинарские занятия проводит в интерактивном формате, обращаясь к таким формам, как деловая (имитационная) игра, дискуссия и дебаты; к технологиям развития критического мышления через чтение и письмо; технологиям обучения в сотрудничестве; проектным и кейс-технологиям. А главное, он разрабатывает принципиально новые учебные задания, в рамках которых определяет, «что должен "сделать" обучающийся с учебным материалом, чтобы его усвоить» [3, с. 102]. Иными сло-

вами, преподаватель проектирует разные познавательные действия обучающегося и разрабатывает алгоритм их выполнения. Магистрант же, постоянно погружаемый в новую (по сравнению с предыдущей ступенью образования) образовательную среду, на занятии оказывается в ситуации обязательной рефлексии своего знания/незнания. А «рефлексивное знание способно соединить разрыв между знанием как таковым и его применением, поскольку оно получается из анализа опыта как практических, так и мыслительных действий и включает в плоскость видения, понимания, комплексного осмысления проблемы/учебной ситуации и плоскость индивидуального и коллективного действия в ее рамках. Очевидно, что развитие рефлексивного мышления является актуальной задачей современной модели подготовки учителя» [15, с. 8.], который, пребывая в стенах высшего учебного заведения, должен научиться выстраивать свою будущую профессиональную деятельность в новой парадигме.

В заключение скажем еще раз: энергия преодоления кризиса чтения в молодежной среде «пробуждается» и «запускается» тогда, когда вузовский преподаватель осознает задачу формирования читательской грамотности студентов как свою профессиональную задачу, как поле приложения своих профессиональных интересов, поле поисков новых методик и форм обучения: «Значит, надо решиться учить тому, чего мы еще и сами не знаем. Учить, вовлекая учащихся всех уровней в процесс изучения, в процесс формирования еще не сложившихся дискурсов. Можно ли перестроить образовательный процесс таким образом, чтобы главной формой обучения стала не трансляция знаний, а совместное научное творчество? Думается, что дело идет к этому, хотя конкретные формы обучения через практику коллективной научной работы нуждаются в детальном продумывании» [2, с. 46].

Литература

1. Вербицкий, А. А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение [Текст] : монография / А. А. Вербицкий. – Москва : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. – 75 с.

-
2. Жеребин, А. И. Cultural turn в литературоведении: вопросы методики [Текст] / А. И. Жеребин // Университет. науч. журн. – 2012. – № 3. – С. 40 – 47.
 3. Краснова, Т. И. Феномен популярности плагиата в современной высшей школе: кто виноват и что делать [Текст] / Т. И. Краснова // Стратегии академического чтения и письма. – Минск. : ПроPILEI, 2007. – Вып. 5. – С. 98 – 108. – (Серия «Современные технологии университетского образования»).
 4. Кузнецов, А. А. О стандарте второго поколения [Текст] / А. А. Кузнецов, М. В. Рыжаков // Рус. словесность. – 2009. – № 2. – С. 3 – 7.
 5. Кушнир, А. Пушкин выбрал бы любовь [Текст] / А. Кушнир // Народ. образование. – 2009. – № 5. – С. 10 – 23.
 6. Национальная программа поддержки и развития чтения / Межрегион. центр библиотеч. сотрудничества. – Москва : МЦБС, 2007. – 56 с.
 7. Пассов, Е. И. Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея [Текст] / Е. И. Пассов. – Москва : ГЛОССА-ПРЕСС, 2006. – 240 с.
 8. Пранцова, Г. В. Современные стратегии чтения: теория и практика [Текст] / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. – Москва : Форум, 2013. – 368 с.
 9. Сметанникова, Н. Н. Значение чтения для решения задач образования (о роли и месте преподавателя в средней и высшей школе) [Текст] / Н. Н. Сметанникова // Человек читающий. Номо legens-2 / отв. ред.: Б. В. Бирюков, И. А. Бутенко. – Москва, 2000. – С. 150 – 156.
 10. Сметанникова, Н. Н. Обучение стратегиям чтения в 5–9 классах: как реализовать ФГОС [Текст] : пособие для учителя / Н. Н. Сметанникова. – Москва : Балласс, 2011. – 126 с.

-
11. Сметанникова, Н. Н. Стратегиальный подход к обучению чтению [Текст] / Н. Н. Сметанникова. – Москва : Школ. б-ка, 2005. – 512 с.
 12. Сметанникова, Н. Н. Стратегии воспитания читателя в культуросозидающей модели образования [Текст] / Н. Н. Сметанникова // Homo legens-3 : сб. ст. : Памяти Алексея Александровича Леонтьева (1936-2004) / ред. Б. В. Бирюков. – Москва : Школ. б-ка, 2006. – С. 258 – 277.
 13. Сметанникова, Н. Н. Чтение и грамотность. Размышления в контексте «Национальной программы развития и поддержки чтения» [Текст] / Н. Н. Сметанникова // Как разорвать замкнутый круг. Поддержка и развитие чтения / сост.: Е. И. Кузьмин, О. К. Громова ; Межрегион. центр библиотечного сотрудничества. – Москва : МРЦС, 2007. – С. 53 – 61.
 14. Сметанникова, Н. Н. Что актуально в продвижении обучения чтению? [Текст] / Н. Н. Сметанникова // Образование. Книга. Чтение: текст и формирование читательской культуры в современной образовательной среде / Департамент образования г. Москвы ; Метод. центр по профес. образованию. – Москва : Рус. шк., 2010. – С. 24 – 32.
 15. Соловова, Е. Н. Практикум к базовому курсу методики обучения иностранным языкам [Текст] : учеб. пособие для вузов / Е. Н. Соловова. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 2006. – 239 с.

Социальные сети – доступная среда для продвижения чтения

*Моя задача быть там, где находится мой читатель.
А мой читатель сегодня находится в социальных сетях,
и «ВКонтакте» прежде всего.*

Дмитрий Глуховский [7]

В последние 2–3 года социальные сети очень плотно вошли в нашу жизнь: мы делимся с друзьями последними новостями через личные сообщения, статусы, создаем виртуальные фотоальбомы, куда отправляем новые фотографии, читаем новости в многочисленных группах и сообществах, а также сами создаем таковые по интересам.

Аккаунт в социальной сети – это что-то между сайтом и блогом. В отличие от официального сайта библиотеки, стилистические особенности блога должны носить не официальный, а доверительный характер. Аккаунт, как и сайт, это целая система с различными функциями – обсуждения, фотоальбомы, видео, аудиозаписи.

Во всем мире существует огромное количество социальных сетей, в каждой стране – свои популярные сети, а в них группы и сообщества. Мы остановимся на четырех: ВКонтакте, Facebook, Twitter и Instagram.

Самая популярная социальная сеть в России – **ВКонтакте**.

Аудитория ВКонтакте:

- На сайте зарегистрировано более 220 миллионов пользователей.
- Более 47 000 000 посетителей заходят на сайт каждый день.
- Более 2 500 000 000 страниц открываются ежедневно.

-
- Примерно 67% посетителей проживают в России.
 - 25% посетителей из России проживают в Москве, 11% – в Санкт-Петербурге.
 - Более 60% пользователей сайта старше 25 лет [6].

«ВКонтакте» сейчас посещают практически все – школьники, студенты, пенсионеры, работники всех сфер занятости.

Согласно опросу, проведенному среди студентов различных факультетов Южно-Уральского государственного университета в мае 2010 года, большинство респондентов предпочли электронную рекламу о ресурсах библиотеки в виде баннеров в социальных сетях, а именно «ВКонтакте» (19,9%).

Так, самой первой и основной на данный момент площадкой для размещения информации Научной библиотеки ЮУрГУ стала социальная сеть «ВКонтакте». Официальным открытием группы в этой сети можно считать сентябрь 2010 года. Сейчас в группе насчитывается 849 участников (данные на 24.08.2013), основную часть которых составляют студенты и аспиранты, а также преподаватели университета и просто любители книг.

Основными темами наших постов в группе являются, конечно же, книги и библиотеки.

Направлениями публикаций в сообществах библиотеки ЮУрГУ стали:

- новости библиотеки ЮУрГУ (комментарии к официальным публикациям на сайте библиотеки),
- новости всего библиотечного мира,
- представление электронных и печатных новинок,
- исторические справки о библиотеке и ее проектах,
- дискуссионные вопросы,
- интересный опыт других библиотек,
- инновационная деятельность,

-
- информирование об услугах,
 - информирование о деятельности библиотеки (мероприятия и др.),
 - видео-, фоторепортажи,
 - фотоотчеты мероприятий Научной библиотеки ЮУрГУ,
 - виртуальные выставки и т. д.

Подписчики больше любят развлекательно-познавательную информацию, которой они делятся на своих страницах (так называемые «перепосты»), отправляют ее друзьям, сохраняют в личных архивах. Очень часто рекомендация друга оказывает более существенное влияние, чем рекомендация библиотекаря или реклама книжного магазина.

Таким образом, параллельно со справочной и библиографической мы размещаем в сообществе развлекательную информацию. Например, наши читатели очень любят рекламу чтения, различные цитаты и афоризмы о библиотеках и книгах, фотографии мировых библиотек, информацию об именинниках и литературных датах, а также книжные и библиотечные новости.

«ВКонтакте» позволяет размещать на своих страницах и в группах аудио- и видеoinформацию. Поэтому библиотека может легко делиться личными видеоархивами. В частности, мы смогли показать нашим пользователям наш первый буктрейлер по книге Леонардо да Винчи «1452–1519. Полное собрание живописи и графики».

Одной из новых рубрик является рубрика «Новые поступления в библиотеку». «Посты» этой рубрики содержат краткую информацию о книге, библиографические данные, фотографии обложки, титульного листа, содержания и иногда других интересных страниц книги. Таким образом, посетители сообщества (группы) узнают о новых поступлениях в библиотеку и очень часто открывают для себя новые и интересные книги. Нередко обсуждают новинки, задают вопросы. Для удобства «посты» разме-

щаются в сообществе по дням недели. Так, в понедельник наши подписчики узнают о новинках современной гуманитарной литературы, во вторник мы рассказываем о новых поступлениях экономической и естественно-научной литературы, в среду мы знакомим с экономическими дисциплинами, в четверг – с трудами и публикациями ЮУрГУ, а в пятницу размещаем сведения о новых поступлениях художественной литературы.

Однако, как показывает практика, подписчики в библиотечных сообществах и группах очень часто пассивны. Бывает, что редко пишут комментарии, делают «перепосты», делятся чем-то новым. Но это не говорит о том, что создание сообществ и групп в социальных сетях – бесполезное дело. Встроенные функции получения статистических данных позволяют увидеть другую картину.

К развлекательным и познавательным разделам сообщества Научной библиотеки ЮУрГУ можно отнести альбом «Арт-галерея "Человек читающий"», где собрана коллекция картин и фотографий читающих людей, ив галерею «Прогулки по библиотекам». Здесь подписчики могут посмотреть фотографии интерьеров библиотек, архитектуру, читательские билеты библиотек мира. Раздел-фотоальбом «Новинки абонемена художественной литературы» знакомит читателей с новыми книгами; здесь же они могут обсудить представленные книги, высказать свое мнение, посоветовать что-то похожее другим читателям и подписчикам. Многие залы и абонементы библиотеки организуют выставки. Своеобразной рекламой этих экспозиций и одновременно приглашением является альбом «Выставки». Таким образом, подписчики могут посмотреть фотографии прошедших и проходящих в данный момент выставок, задать интересующие вопросы.

Писатели, как и библиотеки, становятся все ближе к читателю через виртуальное пространство. Так, социальная сеть «ВКонтакте» начала легальную публикацию нового романа писателя Дмитрия Глуховского «Будущее». 1 сентября роман появился на прилавках магазинов и в печатном виде [7]. Писатель Д. Глуховский об этом высказался так: «Я не считаю, что я поддерживаю

социальную сеть "ВКонтакте". Я считаю, что я эксплуатирую ее возможности» [4].

В сети достаточно большое количество групп любителей чтения, сообществ книголюбов, групп, посвященных разным писателям, поэтам, направлениям литературы. Очень часто библиотеки и такие сообщества «друзжат», обмениваются информацией.

Другая популярная социальная сеть – Facebook.

Facebook – в настоящее время самая крупная социальная сеть в мире. Была основана в 2004 году Марком Цукербергом и его соседями по комнате во время обучения в Гарвардском университете [5].

На июль 2013 года аудитория Facebook составила 1,2 миллиарда пользователей (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Facebook> – cite_note-2) – это те, кто заходил на сайт хотя бы раз в месяц или за указанный промежуток времени [1]. Около 810 млн. человек в месяц используют мобильное приложение Facebook. Каждый день в социальной сети пользователи оставляют 3,2 миллиарда «лайков» и комментариев, публикуют примерно 300 миллионов фотографий. Количество просмотров страниц сайта в октябре 2011 года составило 1 триллион [5].

Страница Научной библиотеки ЮУрГУ в этой социальной сети была создана 9 сентября 2012 г. Это сообщество пока еще не столь многочисленное, как группа в соц. сети «ВКонтакте», подписано на страницу всего 36 человек (данные на 24.08.2013). Для размещения на этом ресурсе нередко дублируется контент из группы «ВКонтакте». Это различные новости библиотеки, фотоальбомы, видеоролики, реклама чтения.

Считаю, что нельзя работать в одной социальной сети, эффективности можно достичь лишь комплексно. Набор функций и возможностей разных социальных сетей немного различается: кому-то удобно пользоваться социальной сетью Facebook, а у кого-то в сети «ВКонтакте» создан целый виртуальный мир. Очень отличается и контингент пользователей различных сетей.

Например, по количеству подписчиков. В сети «ВКонтакте» 849 подписчиков в основном студенческого возраста, а на Facebook 36 подписчиков, причем большинство из них старше 25 лет. Существуют различия и в инструментах администратора, например, при работе со статистическим данными.

В социальных сетях нельзя усложнять информацию, писать огромные тексты, обязательно нужно прикреплять к «постам» графические тематические файлы. Такая информация привлекает внимание, а главное, лучше усваивается. Естественно, для более эффективного продвижения нужно не реже, чем 1 раз в день добавлять новую информацию. Группа или сообщество должны быть «живыми».

Если ранее рассмотренные социальные сети «ВКонтакте» и Facebook очень похожи, то следующая сеть – Twitter – имеет очень много отличий от них.

Twitter – это информационная сеть, которая работает в режиме реального времени и держит вас в курсе всех последних историй, идей, точек зрения и новостей в той области, которая вам интересна [3]. В основе Twitter лежат короткие информационные сообщения, которые называют твитами. Длина твита – не более 140 символов. Вы можете просматривать фотографии, видео и переписку непосредственно в твитах, что позволяет увидеть всю картину целиком в одном месте [3]. **Необязательно писать самому сообщения.** Неважно, сколько твитов в день вы пишете – ведь даже не отправляя ничего, можно найти то, что интересно [3]. Twitter по SMS – это система мгновенного общения посредством мобильной связи. Существует также возможность оставлять ссылки и хеш-теги.

Страница НБ ЮУрГУ в Twitter имеет 58 подписчиков, 491 сообщение (данные на 24.08.2013). Датой создания страницы можно считать сентябрь 2012 года. Первый «пост» был опубликован 10 сентября 2012 г.

В основном Twitter используется библиотеками для размещения краткой новостной информации, а также развлекательной информации в виде цитат и афоризмов. Здесь друзья и другие

сообщества могут делиться различной информацией, делать «ретвиты», задавать вопросы и просто просматривать новостную ленту, быть в курсе основных событий библиотеки. У Twitter'a более простая система использования и управления, но нет возможности создания огромного количества альбомов, выставок, обсуждений. Но есть, конечно, и свои «плюсы». Это хеш-теги (метки), краткость, наличие узкоспециализированных страниц, где можно получить много новой информации, поделиться ею со своими читателями (фолловерами).

Новинка в мире социальных сетей – социальная фотосеть **Instagram**.

Если «Гугл» всё знает, то «Инстаграм» всё видит.

Социальная фотосеть – удивительное изобретение [8]. Она позволяет размещать фотографии, общаться, делиться событиями и т. д. Реализовано это всё в виде программы для мобильных телефонов, которая имеет доступ к контактам, фотографиям, камере и обычным социальным сетям.

Instagram – это бесплатное приложение обмена фотографиями и видеозаписями, позволяющее пользователям снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей. Instagram делает фотографии в квадратной форме – как камеры Kodak Instamatic и Polaroid [5]. В Instagram снимки можно подписывать, добавляя хеш-теги (метки, как в Twitter, ключевые слова для быстрого поиска, выделяемые значком «#»), и располагать на масштабируемой карте мира (телефоны и планшеты, оборудованные GPS-модулем, сами определяют место, с которого отправляется в сеть фотография, и добавляют к снимку гео-метку). Доступность страницы можно ограничить, она будет видна всем существующим пользователям сети, или ее смогут просматривать только ваши друзья.

Страница Научной библиотеки ЮУрГУ появилась в этой сети весной 2013 года. На данный момент имеет 23 подписчика [2]. В этой социальной сети мы делимся с нашими читателями

(подписчиками, друзьями) фотографиями интересных книг, интервьюерами библиотеки, фотографиями мероприятий и событий, различными объявлениями, а также фотоснимками пожеланий наших читателей. Сеть Instagram носит более развлекательный характер, но она позволяет библиотеке университета находиться на одной «волне» с читателями, которые большую часть своего времени проводят в виртуальном пространстве. Это быстрый способ распространения какой-то интересной информации, новостей. Это еще один способ для читателей быстрой связи с библиотекой (через комментарии). Так как Instagram представляет собой в основном поток фотографий, то здесь практически невозможно «заблудиться» в информации.

Все рассмотренные социальные сети пересекаются между собой. Так, опубликовав фотографию в сети Instagram, можно одновременно поделиться этим снимком в сетях «ВКонтакте», Facebook и Twitter. Возможна также интеграция социальных сетей с сайтом. На сайте можно расположить «кнопки-значки» социальных сетей, а по желанию поделиться публикацией с сайта в какой-либо из них.

Итак, все эти социальные сети используются библиотекой главным образом для рекламы различных услуг, информирования читателей, краткого ознакомления с фондом библиотеки, общения с подписчиками и друзьями.

Для мобильных устройств разрабатываются и используются специальные приложения, через которые осуществляется быстрый доступ к социальным сетям. Так как мобильное устройство почти всегда под рукой у читателя, то это является огромным плюсом. Не нужно искать ту или иную сеть в интернете, достаточно нажать одну кнопку или значок в телефоне. Преимуществами социальных сетей можно считать удобства навигационной системы, возможность двусторонней связи с читателями (в отличие от сайта), полезное и интересное общение. Доступность сетей выражается также в бесплатности сервисов. Сегодня социальные сети – один из новейших, актуальных и эффективных способов продвижения чтения.

Литература

1. Facebook. Социальная сеть [Электронный ресурс] / основатель М. Цукерберг. – [Б. м. : б. и., сор. 2004 – 2013]. – Режим доступа: www.facebook.com. – Дата обращения: 24.08.13.
2. Instagram. Социальная сеть [Электронный ресурс] / Kevin Systrom [et al.]. – [Б. м. : б. и., сор. 2010 – 2013]. – Режим доступа: instagram.com. – Дата обращения: 24.08.13.
3. Twitter. Социальная сеть [Электронный ресурс] / Биз Стоун. – [Б. м. : б. и., сор. 2006 – 2013]. – Режим доступа: twitter.com/about. – Дата обращения: 24.08.13.
4. Будущее. Фантастический бестселлер № 1 [Электронный ресурс] : [материалы форума] / Вконтакте // Официальное сообщество / Вконтакте. – [Б. м. : б. и., сор. 2006 – 2013]. – Режим доступа: vk.com/futurebook – Дата обращения: 24.08.13.
5. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] / Дж. Уэйл. – [Б. м. : б. и., сор. 2001 – 2013]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org. – Дата обращения: 24.08.13.
6. Аудитория «Вконтакте» [Электронный ресурс] / Вконтакте // Вконтакте. Социальная сеть. [Электронный ресурс] – [Б. м. : б. и., сор. 2013]. – Режим доступа: vk.com/about?w=page-47200925_44240810. – Дата обращения: 24.08.13.
7. Конакова А. К. «Будущее» уже «ВКонтакте» // Современная библиотека. – 2013. – № 5. – С. 8.
8. Губерниев В. Что такое Instagram? Социальная фотосеть [Электронный ресурс] / В. Губерниев // ШколаЖизни.ру : ежеднев. познав. онлайн-журн. – Режим доступа: shkolazhizni.ru/archive/0/n-58858. – Дата обращения: 24.08.13.

Зачем сетевые проекты школьному библиотекарю?

Введение новых Федеральных государственных образовательных стандартов общего среднего образования стимулировало внедрение проектного метода в систему обучения. Педагоги стали обращаться к нему, чтобы решать дидактические задачи обучения и воспитания учащихся. Реализация проектного метода предполагает использование совокупности других различных интерактивных методов и приемов, проблематизирующих достижение образовательно-развивающей цели: обучение в малых группах сотрудничества, «мозговая атака», дискуссии, ролевые игры, побуждение к рефлексии. Совокупность этих методов и приемов и составляет дидактическую систему, которая адекватно отражает личностно ориентированный подход, способствует формированию соответствующих компетенций.

Проектный метод ориентирует учителя на развитие у школьников высших форм деятельности: анализ, синтез, оценка полученных знаний, уход от простого их накопления, что требует развития понимания, критического мышления, умения самостоятельно добывать, оценивать информацию и использовать ее в различных видах деятельности [18]. Соответственно он позволяет научить учащихся самостоятельному, критическому мышлению, умению работать с информацией; размышлять, опираясь на знание фактов, закономерностей науки, делать обоснованные выводы; принимать самостоятельные аргументированные решения; научить работать в команде, выполняя разные социальные роли. Все эти интеллектуальные и социально значимые умения относятся к группам компетенций, подготавливающих человека к общественному взаимодействию, действиям в нестандартных условиях [2].

Как это касается школьных библиотекарей? В стандарте есть такое понятие – метапредметные результаты обучения, которое тесно связано с умениями и качествами человека XXI века. В

метапредметных результатах обучения можно выделить 3 группы: познавательные, регулятивные, коммуникативные умения и навыки. Первая группа связана с умением добывать, преобразовывать, представлять информацию; она относится к формированию информационной культуры школьников. Новый ФГОС устанавливает уровни ИКТ-компетенций учеников в зависимости от ступени образования; эти компетенции рассматриваются как совершенно необходимое условие для личностного развития, достижения позитивных результатов в метапредметном и, тем более, предметном обучении. Формирование ИКТ-компетенций школьников и является одной из основных функций школьной библиотеки.

Использование интернета и компьютера стало повседневной реальностью школьной библиотеки: с разной степенью успешности создаются электронные документы, электронные каталоги, используются диски, ведутся блоги и сайты, выполняются различные виды библиографического поиска. В практику работы постепенно входят интернет-семинары, различные сетевые проекты. Современная школьная библиотека превращается в информационно-библиотечный центр, который, помимо прочего, должен способствовать внедрению в учебный процесс и освоению учащимися компьютерных и информационных технологий. Библиотекари, конечно, не могут соперничать с IT-специалистами, но могут научить ориентироваться в потоке информации, владеть средствами и методами поиска, отбора и создания новой информации. Как это можно сделать, чтобы было живо, весело, нестандартно? Практика показала, что наши традиционные библиотечные уроки, проводимые время от времени и большей частью не включенные в расписание, не дают эффективного результата. Уходит масса времени и сил, а эффективность близка к нулю. Как уйти от набивших оскомину библиотечных уроков и традиционных «мероприятий»?

Поиск ответа на эти вопросы побудил нас обратиться к сетевым проектам, в которых задания составляются таким образом, чтобы можно было сформировать умения и качества, необхо-

димые человеку XXI века. А развитие этих качеств и связано с развитием названных умений когнитивной деятельности [19]. В сетевых проектах ребенок самостоятельно ищет информацию, анализирует ее, выполняет и оценивает выполненную работу.

Рассмотрим особенности сетевых проектов, реализованных в школе № 8 г. Златоуста. С 2009 г. в арсенал работы школьной библиотеки внедрились различные формы работы с читателями на основе интернет-технологий: интерактивная игра, дистанционные олимпиады, различные блог-проекты. Во время игр ребята много читали, но вскоре интерес стал угасать. Видимо это произошло потому, что и игра, и олимпиады слишком сильно напоминали им традиционный урок в школе. При создании блог-проекта «Живём и помним», напротив, было много нового, нетрадиционного, но потребовалось много усилий и, хотя были заметные достижения в личностных и метапредметных результатах, интерес участников тоже снизился [5].

В 2010 г. на сайте Nachalka.com появился анонс литературного марафона «В школе, дома, в интернете» по книге Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» [1]. Заинтересовала неизвестная ранее форма работы с читателями, это и побудило подать заявку на участие. Проект, направленный на развитие телекоммуникационной активности, оправдал наши ожидания; это было открытием новых перспектив работы школьной библиотеки и очень привлекательным занятием для участников-детей. Работа с художественным текстом, происходившая на протяжении всего марафона, – поиск крылатых выражений, составление математических задач по содержанию книги, создание фильма по мотивам повести – были не только необычны и интересны, но и давали конкретный результат. Ребята научились поиску информации, обрели опыт совместной работы, получили импульс к развитию смыслового чтения и критического мышления. Из отзыва школьников: *«Мы с девочками увидели, что художественную книгу можно не только с удовольствием читать, а еще многому можно научиться!»*. Кроме того, ребята стали более ответственными, научились прислушиваться к мнению других, уважать

чужой труд. Интерес к сетевым проектам после завершения литературного марафона был настолько велик, что приходилось останавливать желающих поучаствовать во всех проектах, объявленных на сайте.

В том же учебном году наша школьная библиотека инициировала участие ещё в двух проектах Nachalka.com – «Вчера, сегодня, завтра» (об истории изобретений) [2] и «Со скоростью света по Млечному пути», посвященному истории русской космонавтики [17]. Результаты первого опыта были не только углублены, но и расширены: участникам пришлось серьезно заняться оценкой и отбором информации, её визуализацией, систематизацией полученных знаний и представлением их в иной форме. Налицо были и явные успехи по формированию информационной культуры школьников, достижения в метапредметных и личностных результатах обучения.

Разумеется, этот эффект был запрограммирован создателями проектов сайта Nachalka.com – учителями начальных классов из Москвы, Обнинска, Саратова, Краснодарского края и Самарской области. Общими особенностями всех телекоммуникационных (сетевых) проектов является удалённое взаимодействие участников (география – от Калининграда до Камчатки), совместный коллективный продукт, самооценивание и взаимооценивание работ участников и т. д. Проекты Nachalka.com – это уникальный набор процессов, состоящих из скоординированных и управляемых задач, предпринимаемых для достижения цели, с обозначением начальной и конечной дат. Это нацеливает на достижение цели проекта в условиях ограничения таких ресурсов, как время и деньги [14].

Дальнейшие самостоятельные шаги нам позволила сделать Мастерская «Сетевые проекты для начальной школы», созданная «Началкой» в рамках сотрудничества с Программой Intel® «Обучение для будущего» [16]. Обучение в Мастерской позволяет создавать действительно уникальные, интересные проекты (сетевые и локальные) с достижимыми результатами, практической направленностью. Но это требует и перестройки мышления, преодоления себя.

2011/12 учебный год начался для читателей нашей школьной библиотеки с нового проекта – «Гений русской науки: к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова». А следом за ним был запущен еще один проект: «Слон – больше, чем животное». Эти проекты были созданы «выпускниками» Мастерской и в них уже целенаправленно планировались результаты, и я, как координатор команды-участницы, могла соотнести цели проекта с нашими результатами.

Третий проект, в котором мы участвовали – «Путешествия с литературными героями» [15] – отличался от всех предыдущих. Во-первых, это была новая для нас интернет-среда – вики. Во-вторых, проект был создан библиотекарем и не по технологии Intel. Не были четко прописаны ожидаемые результаты, критерии выполнения заданий. Привлекла цель – продвижение чтения и возможность освоить новые формы работы с книгой. Работа с текстом художественного произведения, поиск информации по различным источникам о странах и городах, в которых бывал литературный герой, создание аватарки от имени персонажа книги, создание маршрута путешествия по карте помогли участникам не только освоить поиск информации, но и осмыслить литературное произведение, характер героя, наглядно увидеть, где он побывал. Кроме того, этот проект, помимо встречи с любимыми литературными героями, позволил освоить участникам ранее неведомый им сектор интернет-пространства, а мне, как координатору команды, – новые возможности интернет-технологий в привлечении к чтению.

Участие в проектах Nachalka.com заинтересовало настолько, что захотелось самой разработать и провести свой проект, а Мастерская «Сетевые проекты в начальной школе» позволила эту мечту реализовать.

Мой первый проект «Недаром помнит вся Россия...», посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 г., адресованный ученикам 4-х классов [11], стал международным: участвовали 74 российские команды и одна команда из Таиланда. Особенностью проекта было не только участие зарубежной команды, но и ор-

ганизационные решения проекта. Он чем-то напоминал военный поход: участникам был предложен выбор ролей по интересам, при оценивании и взаимооценивании выставлялись не баллы, а аналог наград. Стилистически проект погружал участников в лексику XIX века, давал возможность провести мини-исследование на тему «Мой край в Отечественной войне 1812 г.». Как результат – огромное число созданных детьми продуктов: 177 работ на первом этапе, 69 лент времени на втором; 66 итоговых работ и 64 эссе на тему главной темы проекта. Несмотря на то, что проект был посвящен истории, уместно говорить и о результатах привлечения к чтению. Первое задание – Поэтический редут – было посвящено работе с текстом. Стихотворение «Бородино» М. Ю. Лермонтова изучили вдоль и поперёк: искали военные термины, историзмы, крылатые выражения, составляли картинный словарь, кроссворд, ментальную карту. Ожидаемый (и достижимый!) результат – развитие смыслового чтения, критического мышления. Второй и третий этапы требовали от участников не только поиска, но и анализа найденной информации, что без чтения сделать было невозможно. На последнем, самом сложном этапе от команд требовалось создание слайд-шоу (презентации, ролика) по теме «Мой край в Отечественной войне 1812 г.». Здесь потребовалось всё, чему ребята уже научились в предыдущих проектах, – поиск, анализ и представление информации, умение осознанно использовать речевые средства в соответствии с поставленной задачей, достаточно высокий уровень ИКТ-компетенций, навыки совместной деятельности в рамках проекта.

Получили мы удивительные результаты еще по одному направлению работы – формированию информационной культуры учащихся. Координаторам команд-участниц было предложено понаблюдать за участниками во время проекта и отмечать их достижения в «Дневнике координатора». По окончании проекта получилось следующее. Наиболее отработанными оказались умения делать выводы и выражать их собственными словами, отбирать информацию по теме, искать информацию в сети Интернет и печатных источниках, сравнивать и сопоставлять ин-

формацию из разных источников. На протяжении проекта ребята выполняли только предусмотренные им задания, изучали историю, создавали новое знание, им никто не говорил специально о формировании навыков работы с информацией! Таким образом, технология работы в сетевом проекте с информацией позволяет школьнику отработать навыки поиска, отбора, оценки информации, а библиотекаря (учителю) остается лишь направлять и фиксировать полученный результат.

Составными частями информационной культуры личности, как известно, являются безопасное поведение в Интернете и вопросы авторского права. **Безопасность детей в Интернете** – один из ключевых вопросов при их работе в сетевом проекте. Здесь школьники на практике закрепляют основы безопасного поведения. И отвечает за это, как правило, организатор проекта и координатор команды. Обучение правилам безопасного поведения в Интернете и основам информационной культуры входит в функциональные обязанности школьного библиотекаря, что делает еще более логичным его ведущую роль в организации и развитии соответствующих сетевых проектов.

Вопросы соблюдения авторского права требуют пристального внимания из-за общего нигилизма к данному вопросу. Как организатор нескольких сетевых проектов отмечу, что каждый раз выдерживаем настоящую «войну» и с детьми, и с взрослыми (координаторами команд) по поводу заимствования чужих материалов в рамках проекта. Распространенное мнение о том, что всё опубликованное в интернете можно свободно использовать, совершенно не соответствует законодательным нормам и весьма сомнительно в моральном плане. Правда, в последнее время заметен прогресс: ссылки на источники информации уже ставит большинство участников проекта, хотя с использованием графических изображений еще существует ряд проблем. Так что основам авторского права необходимо обучать и детей, и взрослых. Делать это на основе традиционных технологий малоэффективно и большей частью неинтересно для детской аудитории, но при использовании сетевых технологий эффективность значительно возрастает.

Общественная проблема развития читательской деятельности различных категорий учащейся молодежи в последние годы остро стоит перед всеми деятелями образовательно-воспитательной системы, в том числе, перед библиотекарями и учителями. Среди детей, которые участвовали в телекоммуникационных проектах, большая часть была из категории малочитающих. Не акцентируя внимания на чтении, разработчики проектов старались так построить выполнение заданий, чтобы у ребенка самого возникла потребность найти информацию. Например, давалось задание прочесть какой-либо текст и сделать выводы. Как результат, после проекта дети не «уходили» из библиотеки, а, наоборот, старались как можно чаще бывать в ней. В чём же причина? Думаю, что проблема тут больше психологическая. К сожалению, пока что во многих семьях и учебных заведениях самым распространённым «методом» привития любви к чтению являются принуждение (во всех формах) и даже наказание чтением. У школьника возникает психологический барьер отторжения от книги. Во время же проекта его участники много читают, потому что это нужно лично каждому: ему интересно, он боится подвести команду, хочет лучше выглядеть в глазах учителей и сверстников.

В плане развития читательской активности весьма эффективны литературные проекты. Таким был второй мой проект – «Сокровища Каменного Великана» для учеников 5-х классов [12]. В ходе проекта ребята работали с легендами и сказами Южного Урала, в частности, со сказами Бажова. На первом этапе ребята получали такие задания: работа с текстами легенд (для каждой группы свой список), создание облака слов, поиск в тексте устаревших диалектных слов и выражений, работа в коллективной ментальной карте «Сокровища Каменного Великана». Здесь ставились цели достижения следующих результатов: формирование смыслового чтения, развитие ИКТ-компетенций, умения создавать, применять и преобразовывать модели и схемы для решения учебных и познавательных задач. Кроме того, на первом этапе развивалось умение организовать сотрудничество и совместную деятельность. На втором этапе участники создавали новое зна-

ние, новый продукт, который потребовал от них не только умения находить информацию, но и анализировать ее. Были созданы такие информационные продукты, как гугл-карта, интерактивный плакат, 3D-книга. Последний этап – написание эссе «Что является настоящим сокровищем для человека?» – тоже потребовал от ребят начитанности и умения излагать свои мысли.

Проект «Если по соседству жить...» для учеников 7–9 классов был больше краеведческим, чем литературным [9]. Однако на протяжении всего проекта школьники работали с краеведческой литературой – как познавательной, так и художественной. Посредством определенных заданий (необходимо было составить облако слов, виртуальную книжную выставку о своём родном городе) разработчики проекта старались привлечь участников проекта к чтению. Последнее задание – составить и провести виртуальную экскурсию по своему городу – потребовало не только знания краеведческой литературы, но и умения отбирать информацию, представлять ее в разных форматах. Так что Интернет может стать помощником в привлечении к чтению и маленьких, и взрослых читателей. Надо только взглянуть на его возможности чуть шире и не бояться их использовать в культурно-просветительской деятельности.

Два из трёх моих проектов получили высокую оценку – проект «Недаром помнит вся Россия» занял 1-е место в общероссийском конкурсе проектов Intel в номинации «Внеучебный сетевой проект», а проект «Если по соседству жить...» – 1-е место в конкурсе вики-проектов «Мудрая сова». Участие в сетевых проектах, на мой взгляд, может решить вопрос и об авторитете нашей профессии. Владение современными технологиями позволит сделать работу библиотеки интересной, соответствующей запросам общества и подрастающего поколения, поднимет ее авторитет в глазах всех участников образовательного процесса, сделает школьного библиотекаря необходимым для учителей, родителей и, самое главное, для учеников. Эта работа требует преодоления традиционных подходов, инертности, преодоления себя, но без нее невозможно стать полноценным участником воспитательно-

образовательного процесса. Помимо сугубо делового, функционального выигрыша, школьный библиотекарь обретает и нечто большее – благодарность своих воспитанников, ощущение сопричастности к их личностному росту.

Литература

1. В школе, дома, в интернете [Электронный ресурс] : [информ. сообщение] / авт. проекта М. А. Смирнова // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: www.nachalka.com/lit_marafon_2. – Дата обращения: 04.09.13.
2. Викторова, Т. А. Особенности технологии проектного обучения [Электронный ресурс] / Викторова Т. А. // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок» [сайт] / Издат. дом «Первое сентября» – Москва, 2013. – Режим доступа: festival.1september.ru/articles/556777. – Дата обращения: 23.08.13.
3. Вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] : [информ. сообщение] / авт. проекта М. А. Смирнова // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: www.nachalka.com/nauka. – Дата обращения: 04.09.13.
4. [Евстифеева], Ольга Васильевна. Летнее чтение и Таксономия Блума [Электронный ресурс] / Ольга Васильевна // Пестрый глобус педагогики : [блог] / Пестрый глобус педагогики. – [Б. м. : б. и. и.], 2013. – Режим доступа: pedagogland.ru/letnee-chtenie-i-taksonomiya-bluma.html. – Дата обращения: 02.09.13.
5. Живём и помним [Электронный ресурс] : блог-проект МОУ СОШ № 8 им. Героя Советского Союза А. И. Невзголова г. Златоуста / МОУ СОШ № 8 им. Героя Советского Союза А. И. Невзголова г. Златоуста. – [Б. м. : б. и. и.], 2012. – Режим доступа: ramyat-sch8.blogspot.ru. – Дата обращения: 05.09.13.

-
6. Жукова, Т. Сетевой проект – это интересно [Электронный ресурс] / Жукова Татьяна // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: nachalka.com/node/2309. – Дата обращения: 31.08.13.
 7. [Идрисова, Ж. Ф.] Сетевой проект как средство мотивации учащихся [Электронный ресурс] / Жаниюшка // // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: nachalka.com/node/4560. – Дата обращения: 30.08.13.
 8. Качева, Е. В. Достижение метапредметных результатов обучения через проектную деятельность школьной библиотеки [Электронный ресурс] / Елена Качева // Wiki.SiberiaDA : [свобод. ресурс] / Wiki.SiberiaDA. – [Б. м. : б. и.], 2013. – Режим доступа: goo.gl/H8XZP. – Дата обращения: 28.08.13.
 9. [Качева, Е. В.] Проект «Если по соседству жить...» [Электронный ресурс] / организаторы проекта: Елена Качева, Елена Смутнева // Wiki.SiberiaDA : [свобод. ресурс] / Wiki.SiberiaDA. – [Б. м. : б. и.], 2013. – Режим доступа: goo.gl/1SqEf. – Дата обращения: 02.09.13.
 10. [Качева, Е. В.] Зачем сетевые проекты школьному библиотекарю? [Электронный ресурс] / HelenKa // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: www.nachalka.com/node/4397. – Дата обращения: 28.08.13.
 11. [Качева, Е. В.] Недаром помнит вся Россия... [Электронный ресурс] / HelenKa // // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: www.nachalka.com/borodino. – Дата обращения: 03.09.13.
 12. [Качева, Е. В.] Сетевой проект Сокровища Каменного Велликана [Электронный ресурс] / авт. проекта Елена Качева

-
- // Wiki.SiberiaDA [свобод. ресурс]. – [Б. м. : б. и.], 2012. – Режим доступа: goo.gl/0ovYx. – Дата обращения: 02.09.13.
13. Организация познавательной деятельности на основе смыслового чтения на уроках ИЯ в младшем подростковом возрасте [Электронный ресурс] / Паршикова // II Общероссийская студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15–20 февр. 2010 г. / Рос. акад. естествознания. – [Б. м. : б. и.], 2010. – Режим доступа: www.rae.ru/forum2010/7/437. – Дата обращения: 31.08.13.
 14. Проект [Электронный ресурс] / Wikimedia Foundation, Inc // Википедия. Свободная энциклопедия / Wikimedia Foundation, Inc. – [Б. м. : б. и.], 2012. – Режим доступа: goo.gl/3d4OZ. – Дата обращения: 23.08.13.
 15. Путешествие с литературными героями–2012. Сетевой проект [Электронный ресурс] / авт. и координаторы проекта: Т. А. Рыженко, Е. Н. Ястребцева // КМ Образование: [образоват. портал КМ-Школы] / / авт. и координаторы проекта: Т. А. Рыженко, Е. Н. Ястребцева. – [Б. м. : б. м.], 2013. – Режим доступа: goo.gl/RH0m4C. – Дата обращения: 05.09.13.
 16. Смирнова, М. А. Летняя мастерская для активистов Началки в 2011 году. Разрабатываем сетевые проекты [Электронный ресурс] / М. А. Смирнова // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2013. – Режим доступа: www.nachalka.com/network_projects_workshop. – Дата обращения: 01.02.13.
 17. Со скоростью света по Млечному пути [Электронный ресурс] / Ютеес // Nachalka.com [сайт] / авт. проекта М. А. Смирнова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2013.– Режим доступа: www.nachalka.com/kosmos. – Дата обращения: 04.09.13.
 18. Таксономия Блума [Электронный ресурс] / Wikimedia Foundation, Inc. // Википедия. Свободная энциклопедия

-
- / Wikimedia Foundation, Inc. – [Б. м. : б. и.], 2012. – Режим доступа: goo.gl/gBT4m. – Дата обращения: 28.08.13.
19. Таксономия «Блум 2.0» [Электронный ресурс] / [аноним] // Education Galaxy. Образовательная программа Intel / Intel. – Режим доступа: edugalaxy.intel.ru/index.php?s=&act=attach&type=blogentry&id=3616. – Дата обращения: 02.09.13.
 20. Федеральный государственный стандарт начального общего образования [Текст] / Мин-во образования и науки Рос. Федерации. – Москва : Просвещение, 2011. – 112 с.
 21. Федеральный государственный стандарт основного общего образования [Текст] / Мин-во образования и науки Рос. Федерации. – Москва : Просвещение, 2012. – 131 с.

IV. Маленькому человеку – большое чтение

Ивашина М. В.

Точка бифуркации: к новым читательским практикам через КНИГУРУ

Усилившаяся экспансия электронных изданий в книжное пространство, когда-то безраздельно считавшееся Галактикой Гутенберга, заставляет муниципальные и детско-юношеские библиотеки (вузовские и научные новые смыслы уже нашли, стремительно освоив необходимые функции в электронном пространстве) точнее определить своё место в изменившемся мире. Одни держат оборону, придумывая всё более увлекательные формы для работы с традиционными книжными изданиями, другие, чтобы удержать интерес публики (не обязательно читающей), разрабатывают смежные нивы от обучения танцам, организации рок-концертов до разнообразнейших мастер-классов hand-made по декупажу, квиллингу, бисероплетению и т. д. Именно в этой сфере библиотекари особенно охотно фонтанируют идеями, с энтузиазмом занимаясь «разбиблиотечиванием» (термин, введённый профессором А. В. Соколовым и подхваченный профессиональным сообществом) – процессом ярким и радостным, несравнимо более интересным, по их мнению, чем чтение, неизбежно связанное с интеллектуальными затратами – и читателей, и библиотечарей. Лишь немногие держат марку, не страшась необходимости не только тотального переобучения, но и дальнейшей непрерывной учёбы, смены технологий и моделей обслуживания. Они остаются специалистами, экспертами, экспериментаторами в сфере чтения – традиционного и электронного. Зачастую в массовом сознании инновационное поведение библиотеки ассоциируется именно с дальнейшим отходом её от книги и чтения. Неужели в условиях электронного нашествия библиотеки исчерпали свои возможности лидеров в мире книг

и чтения, утратили способности быть интересными читающей публике и будут черпать вдохновение в рукоделии, зрелищах и дансинге? Неслучайно аудитории читающей молодёжи и посетителей библиотек всё больше не совпадают, напоминая параллельные вселенные.

Электронное нашествие

Бумажные книги сегодня – отнюдь не «уходящая натура», хотя электронные издания и возможность для читателей работы в более комфортном удалённом и мобильном режимах, начинают радикально менять традиционную практику и модели чтения. Мир меняется гораздо быстрее, чем библиотеки осознают своё место в нём. Библиотеки сейчас находятся в «точке бифуркации» (точке перелома, раздвоения – моменте времени, когда малейшее стечение обстоятельств круто меняет жизнь, а небольшое воздействие приводит к глобальным изменениям), напоминая витязя на распутье, делающего судьбоносный выбор. Критическое состояние системы и «эффект бабочки» могут привести к тому, что читатели книг (а не посетители мероприятий) и библиотеки пойдут разными путями, как бы это не выглядело парадоксально.

Расширяется ассортимент книг, представленных в электронном виде и рост их продаж в мобильных каналах. Стоимость электронной книги в 4 раза ниже печатного аналога. Тем не менее, пока что доля сегмента электронных книг в России достигает всего 1% книжного рынка (а в США, например, 25%), а Рунете в силу высокого уровня пиратства их доля составляет 80–90%. Реально е-книги распространены значительно шире, к тому же эксперты ожидают большой скачок их роста в ближайшие годы. Сейчас в легальном доступе (платно и бесплатно) находится около 400 тыс. книг, в бесплатных нелегальных библиотеках (не хочется называть их пиратскими, так как благодаря им множество читателей получают возможность прочесть необходимую книгу) – значительно больше.

По результатам исследования, в целом семь из десяти жителей российских городов (70%) наряду с традиционными читают электронные книги. Чаще всего книги в электронном виде бесплатно скачивают в Интернете. Так поступают 92% россиян. Покупают электронный контент на специализированных сайтах лишь 15% россиян. Аудитория читателей электронных книг стремительно молодеет: сегодня средний возраст людей, читающих электронные книги, – от 18 до 34 лет [2].

Поскольку молодое поколение помешано на гаджетах, и часто лишь через них можно привести молодёжь к более традиционным вещам, наиболее адекватное сегодняшним требованиям рынка предложение – это книга сразу в двух форматах. Складывается новая форма мышления и восприятия книги. Поколение нового читателя видит книгу только в совокупности разных форм. Поэтому книга очень теряет, если живет только в печатной форме. Почему получили распространение литературные проекты, далеко не самые талантливые, такие как, например, «Этногенез»? Потому что они существуют одновременно как отдельный сайт, приложение для iPad, iPhone, коммьюнити в сетях, игры, оригинальные саундтреки, имеют своё радио. В молодёжных кругах завоевывает популярность форма, обогащенная различными мультимедийными сервисами.

Однако у муниципальных библиотек отсутствует выработанная стратегия работы с электронными книгами и электронными библиотеками, несмотря на востребованность услуги и наличия на книжном поле партнёров, которые могут помочь библиотекам сохранить родовые функции. Инициативы компании Литрес и Всероссийского конкурса Книгуру, адресованные библиотекам, наиболее значимы для продвижения новых читательских практик, способных поддержать авторитет книжных учреждений в глазах читающей молодёжной аудитории.

К сожалению, библиотеки с большим трудом принимают новые модели обслуживания и технологии в силу разных причин, в том числе и нежелания перестроить систему работы в целом и отдельные привычные технологические цепочки. Самое главное,

они не готовы изменять себя и собственные привычки. Немногие пока заинтересовались недавно появившимся предложением компании Литрес – агрегатора, дистрибьютера и крупнейшего продавца лицензионных книг в России и странах СНГ (58% книжного рынка) – по организации бесплатной выдачи электронных текстов читателям на их мобильные устройства (смартфоны, ридеры, планшеты) на абонеентах библиотек. В Литрес разработана система «Библиотека», позволяющая библиотекам организовать бесплатную выдачу около 70 тыс. названий книг. Для этого созданы специальные приложения. Книги выдаются на определённый срок (2-3 недели) и после этого (если не продлены) стираются с устройств читателей. Библиотека платит только за те электронные книги, которые выдаются читателям; при средней стоимости книги 80 руб., за 5 тыс. руб. в год можно получить 60 экз. популярных электронных книг и «горячих» новинок, которые особенно привлекают читателей абонементов.

Новые модели обслуживания

Какой видят современную библиотеку молодые читатели? В Свердловской областной библиотеке для детей и юношества в 2011 г. в преддверии Неконференции блогеров был проведён конкурс эссе «Я, социальные сети, библиотека». На конкурс за месяц поступило более 80 работ 15–17-летних подростков из семи территорий Свердловской области. В них ребята высказали своё мнение о том, какой они видят библиотеку в виртуальном пространстве. Получен интересный материал для размышления; подростки помогли понять, как библиотекам строить свою работу в социальных сетях, чтобы стать быть востребованными. Вот несколько принципиальных позиций, которые нельзя не учитывать при разработке стратегии развития библиотеки. Подростки считают, что

- люди, читающие книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит TV (при этом респонденты уточняют, что только читать мало, надо действовать, претворяя в жизнь «правильные» идеи; а вот о том, какие из них «правильные», стоит обсудить в «честных» дискуссиях);

-
- современная библиотека должна иметь развитую медиаструктуру: электронный абонемент (который будет комплектоваться новейшими электронными текстами и где можно закачать в свои мобильные устройства и ридеры любые новинки); фонотеку с известными и новейшими произведениями в исполнении актёров, музыкальными произведениями по классике; блоги на разных платформах; аккаунты в популярных социальных сетях, где можно задать вопросы писателям, получить рекомендации от профессионалов и сверстников, обсудить книги, и где можно совместно делать вики-проекты;
 - переход библиотек в электронный формат необходим лишь частично. Здесь нужны реальные площадки, где будут собираться «братья по разуму» для общения и обмена идеями, где можно получить советы «что читать» и встретиться с писателями и интересными людьми. Должна остаться и часть традиционных книг – художественных эксклюзивных изданий, памятников истории и культуры.

Не стоит недооценивать современных тинейджеров, об интеллектуальной дремучести и эмоциональной неразвитости которых скорбят современные педагоги на страницах профессиональной печати. Во многих смыслах они оказываются мудрее градоначальников и чиновников от культуры, предлагая свою – очень целесообразную – концепцию библиотеки, которую профессионалы также стремятся сформулировать (с эссе победителей конкурса можно познакомиться в одном из блогов Свердловской областной библиотеки для детей и юношества «Книжный микс» (<http://bookmix-2011.blogspot.ru/2012/01/blog-post.html>), где размещаются творческие работы читателей) [1].

Уже не вызывает сомнения, что библиотека, идущая в ногу со временем и ориентирующаяся на интересы и запросы своих читателей, должна перестроить свою деятельность, включившись в работу с электронными текстами. Причем имеет смысл организовать свои интернет-представительства на различных

платформах одновременно. Библиотеки, чей стаж в соцмедиа исчисляется четырьмя-пятью годами (старожилы!), полагают, что нельзя работать в одной социальной сети эффективно, срабатывает лишь комплексный подход к социальному маркетингу. В продвижении собственного имиджа, книги, чтения, в организации общения библиотеки используют одновременно несколько сетей, позволяющих охватить разные пользовательские сегменты. Безусловными лидерами являются сети ВКонтакте (23%), Одноклассники (16,5%), Мой мир (6,0%), Facebook (3,8%), Twitter (1,5%), Google+ (0,3%). Также библиотеки ведут блоги в сетях LiveJornal (2,4%), Blogger (1,1%), LiveInternet (1,0%). Большинство молодых людей имеет очень большую «привязку» к социальным сетям. Так, 84% российских школьников от 12 лет и студентов являются аудиторией ресурса ВКонтакте. Это составляет 95% от школьников и студентов, имеющих доступ в Интернет. Поэтому библиотека, работающая с молодежью, скорее всего найдет свою аудиторию именно в этой сети [4].

Эти выводы подтверждаются и недавно завершённым исследованием «Чтение и новые читательские практики "цифровых аборигенов" в контексте развития новой электронной среды», проведённом Российской государственной детской библиотекой совместно с кафедрой филологического образования Московского института открытого образования в 2011–2012 гг. Результаты исследования заставляют библиотекарей переосмыслить процессы и тенденции в сфере чтения подростков и побуждают как можно скорее перейти на новые модели обслуживания.

92% опрошенных подростков читают в интернете самые различные тексты. 21% читают книги в электронных библиотеках. Новые читательские практики подростков разнообразны: 42% читают книги на экране компьютера, 23% распечатывают книги из интернета, 21% читают на мобильных устройствах (телефоне/коммуникаторе, КПК, букридере, PSP, iPad, iPod), 1% использует аудиокниги. Интернет расширяет возможности для общения подростков, и они активно их используют. 11–14-летние подростки (77%) обсуждают интересные их темы на различ-

ных площадках интернета, только 6% не общаются на сетевых площадках. Самые популярные места общения – это социальные сети (86%). Подростки предпочитают ВКонтакте, Одноклассники, МойМир, Facebook. К блогам на различных платформах обращаются старшие подростки (11%).

Справедливо полагая, что рекомендации по чтению и книгам, получаемые от сверстников, не всегда качественны, потому что молодые люди зачастую не имеют представления о лучших книгах, библиотеки с неизбежностью должны придти к выводу не только о необходимости увеличения количества профессиональных виртуальных рекомендательных площадок, но и способах продвижения уже существующих ресурсов – сайтов, блогов, страниц в сетях библиотек, о которых большинство читателей не имеет ни малейшего представления [3].

КНИГУРУ как образ жизни

Благодаря КНИГУРУ, Всероссийскому конкурсу на лучшее произведение для детей и юношества, появившемуся на свет 3 года назад, на наших глазах рождаются новые читательские практики. Это чтение подростками электронных текстов в легальной библиотеке с компьютера и мобильных устройств, различные приёмы работы с электронными текстами, общение ребят по поводу прочитанного на сайте конкурса и в сетях, а также создание ими собственных творческих работ. КНИГУРУ непрерывно «обрастает» множеством дополнительных творческих элементов – выездными фестивалями в регионы, где живут самые активные участники, различными конкурсами (рецензий, видеороликов и буктрейлеров, методических разработок), мастер-классами, сетевыми литературными дискуссиями на сайте конкурса, в которых выбирают самые активные читатели, причем эта тенденция продолжается. Молодёжная читающая аудитория не только «лайкает, комментит и твитит», что способствует продвижению информации о книгах и чтении силами подростков, но и создаёт серьёзные творческие работы с индивидуальным стилем и авторской позицией, в сравнении с которыми работы взрослых – библиотекарей и педагогов,

явно проигрывают. Создаётся не только целая система работы с электронными текстами в библиотеке, но и новый стиль работы и жизни, в который, к сожалению, вписываются далеко не все библиотеки. Очевидно, что вновь рождающийся опыт требует нового методического обеспечения, и оно разрабатывается думающими и не боящимися экспериментов библиотекарями.

Неизбежно приходится сравнивать КНИГУРУ с другими российскими конкурсами, где мне повезло работать совсем недавно в жюри или экспертных советах. Каждый из них можно рассматривать в качестве «рычага прорыва» на одном из направлений деятельности: это Первый всероссийский конкурс библиотечных блогов (октябрь–декабрь 2012) и Первый всероссийский конкурс библиотечных инноваций (октябрь–апрель 2013). Они стали хорошей школой для всех участников – и для тех, кто хотел представить результаты своей творческой деятельности, и для тех, кто хотел вписать их не только в широкую панораму гуманитарных инициатив, но и в перспективы дальнейшего развития духовной культуры нашего общества. Я сравнивала разработку критериев оценки творческих работ, методы работы экспертов и членов жюри, находящихся не только в разных городах, но и странах, в закрытых группах сети Facebook или многоадресной электронной почте. Было любопытно наблюдать дискуссии и разные методы решения спорных вопросов при составлении рейтингов, проведении on-line конференций с удалёнными участниками. Во всех случаях КНИГУРУ удавалось быть на высоте, интегрировав интеллектуальный авантюризм с современными технологиями.

Закулисье

Несмотря на то, что у КНИГУРУ лёгкий весёлый нрав, принимающий иронию и игру, но не приемлющий звериной серьёзности, он (он или она – КНИГУРА, как шутливо обсуждалось в группе конкурса в сети Facebook) создан солидными учредителями для реализации важных целей. Конкурс учреждён Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям

и Центром поддержки отечественной словесности для поиска новых литературных произведений, которые бы адекватно отражали современный мир, переживания и проблемы современных подростков. Старший родственник КНИГУРУ – Российская национальная литературная премия «Большая книга».

Конкурс приобретает всё большую известность, на него поступило 678 произведений разных жанров из 66 регионов России и 13 зарубежных стран, в том числе из Франции, Испании, Великобритании, Чехии, Португалии. Большинство из них – рукописи, изданных книг всего 6. Выбрать сначала 30 для длинного списка, а затем 15 для короткого из 678 рукописей – задача экспертного совета, куда вошли профессиональные читатели и аналитики, люди с литературным даром и чувством слова.

Координатор конкурса «Книгуру» – известный критик-экстремал и яркий талантливый человек Ксения Молдавская. Эксперты: суровые, но справедливые литературные критики (которых мы увлечённо читаем, хотя не всегда соглашаемся) Мария Порядина и Евгения Шафферт; любимые детские писатели Ая Эн (автор вызвавшего яростные споры романа «Библия в SMS-ках, а до этого «Сказки Синего сумрака» и «Коронный номер тысячелетия»), Дина Сабитова («Цирк в шкатулке», «Где нет зимы»), Николай Назаркин («Изумрудная рыбка», «Мандариновые острова»). Картину дополняют бывалые детские библиотекари Татьяна Рудишина (ЦГДБ им. А. Гайдара), Лариса Четверикова (РГДБ). Смею отнести к таковым и себя.

Время работы в экспертном совете – обсуждение рукописей и читательских работ, споры, составление рецензий и рейтингов, множество предложений по усовершенствованию технологий подведения итогов и работы сайта, собственная страничка в Википедии (<http://ru.wikipedia.org/wiki/книгуру>), а потом ежедневное присутствие на дискуссионных площадках произведений шорт-листа, где рождалось коллективное мнение участников детского жюри – это «маленькая жизнь» в особом интеллектуальном братстве, наделённом энергетической силой пассионариев, идущих вперёд.

Читатели: новые роли и ожидания

С подросткового возраста рекомендации сверстников становятся самыми значимыми. Поэтому рекомендации детских экспертных групп особенно ценны для формирования круга «независимого» чтения подростков. В России уже несколько лет развивалась практика создания детских жюри при вручении премий детским книгам. Но только в КНИГУРУ оно обрело полную, абсолютную власть, правда, действуя в рамках уставовленных правил. Детское жюри имело собственную позицию при недолгой (2005–2008 гг.), но заметной и яркой деятельности Национальной детской литературной премии «Заветная мечта». Был отмечен случай, когда эта позиция – выбор светлой, жизне-радостной книги Д. Сабитовой «Цирк в шкатулке» решительно не совпала с выбором «взрослого» жюри, отдавшего предпочтение мрачной фантазмагии И. Боровикова «Горожане Солнца». Тогда первое место решили не присуждать, а спорные авторы поделили второе место.

Идея самостоятельного выбора читателями-детьми лучших книг была реализована также в деятельности Всероссийского Детского читательского жюри в марте 2007 года. В этом колоссальном эксперименте участвовало 500 детских и школьных библиотек, 25000 читателей, 7 регионов России. В результате обсуждения и голосования были названы лучшие книги для подростков, изданные за последние 2 года. Выбранные ребятами книги выводят их на серьёзный разговор о том, что с ними происходит в жизни. Среди победителей – книги А. Гиваргизова, В. Воскобойникова, А. Тор. А ведь книготорговцы изначально считали их непродаваемыми.

Национальный конкурс книг для подростков КНИГУРУ пошёл дальше. Жюри здесь ТОЛЬКО ДЕТСКОЕ, в работе используется технология интернет-голосования. Пятнадцать произведений, отобранных экспертным советом в шорт-лист, выставляются на сайте «Книгуру.рф», и здесь-то и начинается самое интересное – общение по поводу прочитанного в литературных тусовках, создающихся на площадках комментариев произведе-

дений. Чтобы стать членом жюри, подросток 10–16-ти лет, зарегистрировавшись на сайте, должен прочитать не менее 5 книг и оставить на них развёрнутые отзывы. Можно также остаться просто в литературной тусовке, обсуждая понравившиеся книги.

Достаточен ли жизненный (и литературный) опыт и культурный слой подростков для того, чтобы самостоятельно, без участия взрослых оценить литературные произведения, часто достаточно сложные, требующие глубокой интеллектуальной работы? Расчёт был сделан на то, чтобы помочь разгореться обсуждению произведения, в ходе которого и должны были проясниться многие сложные вопросы и прийти понимание.

С самого начала в фаворитах оказались проблемные реалистические тексты школьной повести о дружбе, любви и предательстве, сложностях взаимоотношений со сверстниками и взрослыми, враждебности мира взрослых и трудностях взросления: И. Лукьянова «Стеклянный шарик», Н. Дашевской «Скрипка неизвестного мастера», Т. Корниенко «Сrazy», Ю. Кузнецова «Где папа?», А. Ремез «12-15». К тому же это половина всех текстов шорт-листа. Ситуация вполне объяснима, так как долгие годы жанр школьной повести напрочь отсутствовал в детской литературе, и проблемы повседневной жизни подростков, часто острые и болезненные, в литературе, где преобладали жанры магического реализма, не отражались, хотя были востребованы. К моим фаворитам, сложным социальным романам с фантастическими элементами, самобытным стилем, трудными для осмысления проблемами – повестям С. Лавровой «Куда скачет петушиная лошадь?» и Владимира Аренева «Душница», ребята подобрались не сразу, им потребовалось время. Судя по глубоким замечаниям, ребята разобрались! Хотя я и передвинула бы В. Аренева на одну позицию вверх – с третьего на второе место, но решение жюри – закон!

Как организовать приключение?

КНИГУРУ – это не только конкурс литературных произведений для подростков. Постепенно он обрывает новыми читатель-

скими конкурсами для детей и взрослых, а в будущем, возможно, возникнут и виртуальные мастер-классы критиков, сценаристов, режиссёров и операторов буктрейлеров. По крайней мере, такая необходимость уже возникла. В пространстве КНИГУРУ создаётся целая система работы с электронной книгой в мультиформатной среде. Именно это помогает подогревать интерес к конкурсу и расширять круг его участников.

Талантливые библиотекари понимают, что КНИГУРУ становится ещё одним рычагом, с помощью которого можно заинтересовать библиотекой. Если, конечно, суметь представить это как авантюру и очередное книжное приключение, а не задание на оценку: проверю, не выполнишь – двойка! Ведь подготовка буктрейлера по книге вполне может объединить творческую группу, где у всех разные способности и владение технологиями, и стать захватывающим приключением. И к написанию рецензии можно подойти без звериной серьёзности и сделать это интересным делом. Именно такой опыт представили нам победители конкурсов видеороликов и рецензий. Как ни горько, надо сознаться, что работы подростков выглядели намного интереснее, чем взрослых – библиотекарей и педагогов, где буктрейлер – это нарезка картинок без оригинальной идеи и авторского замысла, а рецензия – рассказ о том, чему учит книга. Лучшие рецензии подростков написаны легко, свободно, индивидуальным неповторимым стилем людьми, получающими удовольствие от чтения. Их авторы *anua_archer* (Анна Кондратьева, лицей СУНЦ, г. Екатеринбург) и *evgen* (Евгений Журавель, г. Москва).

Нам известно, что читающие подростки и читатели библиотек – величины не совпадающие. Многие читающие ребята не понимают, зачем им библиотеки, а некоторые детские библиотекари не могут взять в толк, зачем им КНИГУРУ. Необходимо помочь встретиться читающим подросткам и КНИГУРУ. Лучше это сделать в библиотеке. И хотя молодые библиотекари одной из екатеринбургских библиотек упрямо считают, что дети не хотят читать электронные издания, им нужны только печатные

книги (см. приведённые выше данные исследований, позволяющие усомниться в этом утверждении), библиотекари минских детских библиотек предлагают интересные решения, чтобы заинтересовать подростков.

Они включили в свой фонд книги КНИГУРУ, сделав это современно, используя технологию QR-код удобную и понятную своим читателям. Они разместили на стенах и стеллажах ссылки на тексты произведений из шорт-листа, а рядом в виде воблеров (рекламные носители в виде подвески на гибкой ножке) короткие аннотации. Подросток читает аннотацию, сканирует QR-код и может читать прямо с телефона. «Или сканирует, а потом разбирается, куда он попал... На гору ведёт множество дорог», – полагают они, подобно мудрецам. Кроме того, они организовали обратную связь с читателями, которую считают необходимой: здесь и табличка «можно лайкнуть», которая указывает на место с кодами, и вопросы по книгам, ответив на которые, можно получить стикер – знак, который используется в сетях для «лайков»; его можно приклеить вниз или вверх в зависимости от оценки произведения. У ребят множество идей, способных увлечь участием в конкурсе. Во всяком случае, стоит заглянуть в раздел «Изва-читальня» блога «Детские библиотеки Минска» (<http://childbibl.blog.tut.by/2013/03/14/kniguru-3-sezon/#more-851>)

Что дальше?

На мой взгляд, КНИГУРУ сегодня может считаться «законодателем мод» в продвижении особого творческого образа жизни, где главное – находиться в движении, меняться, быть актуальным, расширять контакты, осваивать новые практики и форматы.

10 апреля 2013 г. стартовал новый, 4-й сезон Всероссийского конкурса КНИГУРУ. Ворвавшись 3 года назад в нашу жизнь, он заставил многое пересмотреть и изменить в практике работы библиотеки с тинейджерами. Не у всех получилось, как было задумано. Но, может быть, стоит взглянуть более внимательно на то, к чему привыкли, пересмотреть традиционные модели обслужи-

вания и сдуть пыль веков с каких-то устаревших представлений. Именно этот конкурс, живой, интерактивный, поможет библиотеке вписаться в современные тренды – стать «третьим местом» (после дома и школы), где спорят и находят «братьев по разуму», учатся новым технологиям, участвуют в конкурсах творческих работ, а также стать частью мультиформатной среды, где не только можно скачать на своё мобильное устройство литературную новинку из вполне легальной электронной библиотеки, но и создать собственный буктрейлер по мотивам понравившегося произведения. И главное – неутомимый КНИГУРУ постоянно побуждает и взрослых, и детей учиться и обновлять свои знания в области коммуникативных практик – не только читать, но и осваивать социальные медиа для обмена мнениями по поводу прочитанного, изучать новые мультимедийные форматы и сервисы для подготовки творческих работ по понравившимся книгам.

«Эффект бабочки»

КНИГУРУ становится драйвером изменений не только в литературной ситуации, открывая новые имена, темы и проблемы, но и расширяет сферу влияния, побуждая и взрослых, и детей – лидеров чтения, к большей активности и поиску новых организационных и технологических возможностей для этих целей. Не все готовы работать по предлагаемым моделям. В конце концов КНИГУРУ – всего лишь один из нескольких десятков конкурсов. Сотни библиотек и тысячи читателей никогда не слышали о нём. Сработает ли «эффект бабочки» (эффект, при котором незначительное влияние может иметь большие последствия, суть которого можно выразить лаконично: изменишь одно – изменится всё), повлечёт ли взмах крыла переход в другое состояние – современную востребованную читателями библиотеку? КНИГУРУ удачно создаёт активное интеллектуально заряженное поле, в котором постепенно происходят неизбежные изменения. Но существуют ещё сотни проектов, которые могут сыграть ту же роль для библиотек, находящихся в «точке бифуркации». Необходимо лишь сделать свой выбор на распутии.

Литература

1. Ивашина, М. В. Преодолеваем крутые повороты, или Зачем нужны сверхскорости [Текст] // Б-ка в шк. – 2012. – № 9. – С. 20 – 26.
2. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой доклад [Текст] / под общ. ред. В. В. Григорьева ; Федер. агентство по печати и массовым коммуникациям, Упр. период. печати, книгоиздания и полиграфии. – Москва : ФАПМК, 2013. – С. 67 – 77.
3. Чтение московских подростков в реальной и электронной среде. Материалы социологического исследования [Текст] / сост. В. П. Чудинова. – Москва : Межрегион. центр библ. сотрудничества, 2012. – 144 с.
4. Шibaева, Е. А. Книжный маркетинг в социальных медиа [Текст] // Медиатека и мир. – 2013. – № 1. – С. 7 – 13.

**«Как мир меняется, и как я сам меняюсь...»
(к вопросу о переменах в пространстве детских
библиотек)**

Писатель Анатолий Панченко в эпатажном выступлении на Интернет-конференции Свердловской областной библиотеки для детей и юношества «Библиотека для молодого поколения: новые вызовы и новые возможности» (17–18 ноября 2009 г.) с весьма многозначительным заголовком «Про бабушку и патефон» предрек неизбежную скорую гибель библиотекам и заявил: «Детские библиотеки умрут первыми, хотя бы потому, что дети меняются первыми. Первыми осваивают все новое» [3, с. 1]. То есть априори предполагается, что детские библиотеки не способны успевать за переменами, совершающимися в общественном пространстве и, следовательно, не будут востребованы детской аудиторией.

При этом автор (удивительно, что это автор, пишущий для детей!) упускает из виду несколько важных моментов.

Первое и, может быть, главное: при всех переменах в ребенке, опосредованных временем, в нем остается некий базовый стержень, обусловленный природой детства, закономерностями физического и психического развития на каждой возрастной ступени детства. Не случайно Даниэль Пеннак называет детство «изменяющейся постоянной». Именно эти базовые потребности детства в первую очередь стремится обеспечивать детская библиотека, отстаивая глубинные интересы детей, возможность «детству созреть в детях».

С другой стороны, неверие автора в пластичность библиотек также побуждает к серьезным размышлениям.

Конечно, термин «хранилище», привычно употребляемый в отношении библиотек, неизбежно вызывает ассоциации с чем-то консервативно-неповоротливым. Проблема в том, что в обы-

денном сознании существует некий обобщенный образ библиотеки, без углубления в типологию, тогда как есть очень разные библиотеки, с разным набором задач, функций, миссий. Так, для общедоступных библиотек главным ориентиром формирования стратегии деятельности всегда были и остаются читатели, их интересы и потребности. Другое дело, что темп общественных изменений уплотняется столь стремительно, что соответствовать ему становится все труднее. Тем не менее, детские библиотеки готовы жизнь положить «за други своя», своих любимых читателей и меняются даже не год от года, а в течение года!

Очертим некоторые видимые векторы этих перемен. Заранее оговоримся, что выводим за скобки чисто внешние перемены (интерьерно-дизайнерские), хотя они, безусловно, играют весьма существенную роль. Все же обратимся к переменам более глубинного характера.

Начнем со структурных изменений – именно это в библиотеках всегда было самым устойчивым и неповоротливым: ставки, должностные инструкции, сложности передислокации в пространстве и перемен в правилах, путеводителях и т. д., и т. п. Однако и здесь возобладала экономическая целесообразность, заинтересованность в читателе, так как посещение стало основной единицей измерения деятельности общедоступных библиотек.

Какие же структурные изменения стали повсеместными и очевидными в последнее десятилетие?

Отметим расширение игрового сегмента в детских библиотеках: стабильные игровые залы и комнаты, ситуативные и функциональные игровые площадки с расширенным ассортиментом игровых ресурсов и услуг – это стало обыденной реальностью практически всех детских библиотек. А ведь еще двадцать лет назад, когда только начинался поворот детской библиотеки в сторону игровой деятельности, сколько было споров и сомнений по поводу того, не разрушит ли это образ библиотеки как учреждения, служащее интеллектуально-духовной деятельности человека. К счастью, за прошедшие годы утвердилось понимание того, что

игра не блажь ребенка, а сущностная его потребность, важнейшая форма детской интеллектуально-духовной практики.

Показательна и сама смена акцентов сегодня. Если на первых этапах мы настаивали, что наши игры должны быть сугубо библиотечными, в основе которых книга, библиотека и читательская деятельность должны быть представлены во всем их многообразии, то теперь мы уже не так категоричны. Библиотечные игры с каждым годом все более трудно проходят в детской аудитории: неуклонно сужается читательский багаж детей, все более поверхностной и нестойкой становится читательская память, все беднее запас общих языковых ресурсов – «буксуют» наши любимые викторины, ребенка ставит в тупик самая простенькая загадка. Не будем сейчас углубляться в причины этого явления, это отдельная серьезная тема; ограничимся констатацией факта и его следствиями. А одним из следствий становится большая востребованность настольных игр; сегодня мы можем наблюдать невиданный всплеск интереса к ним и в детской, и во взрослой аудитории. Вероятно, человеческая природа берет свое, срабатывает некий охранительный инстинкт противодействия «развоплощению»; ученые бьют тревогу в связи с тем, что постоянный просмотр экранных сообщений способен привести к полной утрате невербальных навыков, да и возможности вербализации несут большие потери. Возможно, интуитивное сознание этой угрозы поворачивает людей к непосредственной контактной игровой деятельности. Библиотеки оперативно прореагировали на эту ситуацию: при детских библиотеках массово стали возникать шахматно-шашечные клубы, проводятся различные турниры, снова вошли в фавору и старые добрые шарады, и лото, и другие настольные и комнатные (салонные) игры.

Расширение игрового сегмента в пространстве библиотеки дает основание говорить о миграции библиотек в сторону клубной деятельности. В спорах о будущем публичных библиотек многие предрекают ей именно такой статус – интеллектуально-досуговых центров. Очевидно, не самое плохое будущее, хотя есть и резонные сомнения. Так, библиотекам явно маловато пространст-

ва для полноценного развертывания деятельности такой направленности, особенно если говорить о подростковом досуге. Кроме того, уже сейчас дает о себе знать очевидный недостаток подготовленности библиотекарей в сфере клубно-массовой деятельности.

Самое серьезное возражение для развития в эту сторону высказал А. В. Соколов, который считает, что движение в этом направлении с неизбежностью вытеснит за скобки сами книги и читательскую деятельность. Сомнения эти не беспочвенны, особенно когда речь идет о детях. Дети – существа абсолютно природные, они «не хотят мучиться», они всегда легкое предпочтут трудному. Уже сейчас во время наших массовых действий типа «Библионочи» ребята с упоением бегают, прыгают, танцуют, участвуют в квестах, проводят опыты, но любые попытки вклинить что-то, связанное с чтением, рождает легкую гримасу раздражения.

Досуговая деятельность в ее клубных форматах начнет перекрывать библиотечно-читательскую и потому, что мы не можем сделать библиотеку, как сказал кто-то из спорщиков о ее будущем, «местом для группки интровертов-книжников»; еще раз вспомним, что единицей измерения эффективности нашей деятельности становится посещение. Борясь за массовость посещения, мы неизбежно будем предлагать то, что интересно большинству, а этого никак нельзя сегодня сказать о чтении. Настоящее, полноценное чтение становится элитарным занятием для элитарной части, в том числе и детского сообщества. Вспомним, такой сценарий развития предрекали многие фантасты, последовательнее и ярче других – Р. Брэдбери.

Библиотеку в этом «коридоре» видит и А. В. Соколов, настаивающий, что самая важная сегодня для библиотеки функция – ценностно-ориентационная, поддерживающая в человеке «желание и волю к самоцивилизации» [5, с. 10]. И это действительно важнейшая миссия – помощь в сохранении и воспроизводстве интеллектуально-духовной элиты общества. Но государство, в котором сегодня доминируют прагматики, явно не готово содержать учреждения с такой программной заданностью – не экономично!

Но вернемся снова к структурным переменам. Еще одна структурная модификация в детских библиотеках – почти повсеместное исчезновение читальных залов в их традиционном виде. Очереди у кафедр читальных залов за комплектами книг для рефератов и докладов остались в прошлом; иссякать они начали уже к середине первого десятилетия XXI века, когда стали широко внедряться ИКТ. С неизбежностью встал вопрос перепрофилирования. Библиотеки пошли здесь разными путями, опять-таки рассматривая разные ресурсы и прогнозируя разные варианты удовлетворения потребностей и интересов своей аудитории. Кто-то преобразил читальные залы в зал научно-познавательной литературы с максимально открытыми фондами, площадками для научной и опытной деятельности, элементами музеев естественного и технического профиля. Кто-то в пространстве читальных залов открыл выставочные площадки и площадки для встреч с интересными людьми, для дискуссий, конкурсов, ток-шоу и т. д. А кто-то сделал здесь зону интерактива с работой разнообразных мастерских, ситуативных мастер-классов, творческих объединений. Идет активный поиск, и вовсе не обязательно свершившиеся перемены воплотятся во что-то стабильное. В том-то и дело, что жизнь все время демонстрирует нам, что сегодня библиотека должна быть легкой, трансформенной.

К структурным трансформациям подвигает детские библиотеки и знаменитый (увы, чаще всего печально знаменитый!) 436-й закон «О защите детей...». Библиотекам пришлось задуматься о некоем разведении в пространстве младших и старших своих пользователей – снова появились пространственно обособленные младшие и старшие отделы обслуживания читателей. В этом есть, конечно, свои преимущества. Но я искренне не понимаю, как это сочетается с законами возрастной психологии, с понятиями «зона ближайшего развития», «ближайший идеал», «социализация», наконец! Но это, конечно, уже другая тема.

Кстати, понятия «младший» и «старший» сегодня тоже имеют тенденцию меняться в обе стороны. Младшие в библиотеке становятся все более младшими – библиотеки фиксируют бум

появления гостей в детских колясках (встает вопрос о колясочных парковках!). Это побуждает библиотеки думать о неких особых структурных подразделениях, обслуживающих столь необычных посетителей. В некоторых библиотеках появляются отделы и залы «матери и ребенка»; во что это выльется, покажет будущее. И, конечно, эта перемена приведет не только к структурным нововведениям, но потребует серьезных изменений в содержании, в технологиях и методиках работы.

Расширяется и сегмент «старших», без преувеличения – буквально до пенсионеров. Детские библиотеки стали активно сотрудничать с ветеранскими организациями и общественными объединениями пенсионеров, практикуя совместные мероприятия и программы. Это вполне логично: если одна из наших главных задач – передача культурного опыта от поколения к поколению, то желательно, чтобы дети видели и общались с носителями этого опыта. Кроме того, дети должны видеть и представлять всю протяженность жизни, что делает их более тонкими в ее восприятии и более ответственными. Здесь главное – сохранить разумный баланс присутствия, твердо и неуклонно отстаивая детскую преимущественность; мы ведь знаем способность и привычку взрослых быстро занимать все пространство. А нам необходимо подчеркивать и на деле осуществлять свою специализированную специфику, ибо именно она – гарант нашей выживаемости в социальной инфраструктуре общества. Об этом недвусмысленно заявлено в одном из последних по времени руководящем документе «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», где в качестве одного из приоритетов действий заявлена «государственная поддержка развития детских библиотек, литературы, кино и телевидения для детей», «развитие системы мер по сохранению и развитию специализированных детских библиотек [1, с. 45 – 47].

Детские библиотеки стали вообще более активны в привлечении разных взрослых на библиотечное пространство. Как когда-то М. Горький и С. Маршак втягивали в детскую литературу «бывалых людей», так детские библиотеки сегодня притягивают

на свое пространство людей, обладающих какими-то эксклюзивными знаниями, умениями, способностями, навыками. Современные дети очевидно предпочитают «кабинетные» знания тем, что получены путем прямого общения, опытного познания, заинтересованного подражания – следствие тотальной информационной усталости. Еще один аргумент в пользу развития такого формата взаимодействия связан с вопиющим «развоплощением» детских рук, (в некоторых школах уроки труда проходят на основе докладов и рефератов!). Добавим к этому изобилие цивилизационных приспособлений и устройств, освобождающих человека от малейших усилий, связанных с мелкой моторикой рук: хлеборезки, овощечистки, электрозубочистки и т. д. А ведь моторика руки напрямую связана с развитием мозга...

Разумеется, зазывая к себе мастеровитых взрослых, библиотека имеет в виду и сверхзадачу: формирование широкого социального фронта поддержки чтения, ведь, как правило, это люди, хорошо понимающие ценность книги, чтения, библиотеки. Расширение контактов – это тоже тенденция перемен, связанная с перераспределением функций общедоступной библиотеки. Информационная функция со все большей очевидностью уходит на второй план, а на первый, особенно для детских библиотек, выходит коммуникативная функция.

Библиотекари повсеместно отмечают, что дети сегодня тянутся в библиотеку не столько читать, сколько общаться: «просто поговорить», «потусоваться», «встретиться» и т. д. Замечательно, что дети воспринимают библиотеку как привлекательную и перспективную для себя коммуникативную площадку. В свою очередь, библиотеки стремятся организовывать свое пространство с учетом этих коммуникативных потребностей, устраивая комфортабельные уголки для частного и группового общения.

Другое дело, что библиотека должна серьезно думать об усилении своего присутствия в этом «просто поговорить», брать на себя смелость и находить формы разговора на интересные и важные для детей и подростков темы. В одном из номеров журнала «Библиотека в школе» за 2012 год был любопытный материал

о темах, на которые хотели бы «просто поговорить» подростки. Дети хотят говорить о боге (не о вере, а именно о боге), о смерти, о педагогах и почему они не оправдывают детских ожиданий, («почему учителя такие дуры?!»), о взрослых, которые «учат нас разумному, доброму, а сами врут, предают, изворачиваются» [2, с. 15]. Многие ли из обозначенных тем мы дерзнем поднимать в общении с юными читателями? Ясно, что развертывание коммуникативной функции потребует от нас системных действий, связанных с изучением читателей, тех проблем и вопросов, которые их волнуют; освоением новых практик и форм общения, привлекательных для подростков. Это могут быть импровизированные беседы, блиц-интервью, открытый микрофон, ток-шоу, подиум-дискуссия и т. д. Здесь, в частности, стоит внимательно присмотреться к опыту радиожурналистики, опыту «говорящих» станций.

Меняясь, обретая новые черты, усиливая и развертывая функции, ранее казавшиеся факультативными, детские библиотеки по-прежнему неустанно радеют о «нашем всем» – детском чтении, видя в его сохранении и стимулировании свою главную миссию в обществе. Конечно, нельзя отрицать того, что чтение, как вид досуговой деятельности детей, стремительно уменьшается в масштабах (в последних опросах чтение в детско-подростковом досуге занимает 4–5 позиции). Оно несет потери в общей весомости читательского багажа, в широте и разнообразии читательского репертуара, глубине восприятия, стойкости читательской памяти и т. д.

Понимая, что прежние подходы к стимулированию чтения не срабатывают сегодня столь эффективно как раньше, библиотека ищет новые, в том числе обходные пути, способные найти отклик в практике жизни современного ребенка. Детские библиотеки прочно внедрились в электронную среду, все больше расширяя свое в ней присутствие: осваивают социальные сети, ЖЖ, блоги, твиттеры, создают каталоги полезных ссылок. Последний пример – «Вебландия» на сайте Российской государственной детской библиотеки. Библиотеки предлагают юным пользователям

интересные сетевые проекты, которые стимулируют обращение к книжным ресурсам, обеспечивают трансляцию детского читательского опыта и творчества, в этой связи можно назвать, например, проект РГДБ «Лето с Вебландией» или всероссийские конкурсы на портале «Чтение – 21 век» – «Малая Родина – центр вселенной», «Продвижение чтения».

Знаменательным видится нарастающее год от года библиотечное движение, связанное с организацией чтецких детских конкурсов. Такой конкурс под названием «Живая классика» уже несколько лет существует в общероссийском, а теперь и в международном формате. Конкурс проходит под патронатом Министерства образования РФ, Министерства культуры РФ, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям; он предполагает школьный, муниципальный (на базе районных библиотек) и региональный (на базе библиотек, книжных магазинов, культурных центров) туры. Как видим, участие библиотек вписано в работу конкурса вполне отчетливо. Цели конкурса связаны не с поиском лучших чтцов-декламаторов, а преимущественно с развитием и поддержкой чтения. Они сформулированы таким образом:

- пропаганда чтения среди детей;
- расширение читательского кругозора;
- развитие навыков адекватного восприятия печатной информации;
- возрождение традиций семейного чтения;
- повышение общественного интереса к библиотекам;
- повышение уровня грамотности населения;
- поиск и поддержка талантливых детей;
- повышение интереса к современной русской литературе.

Характерно, что в условиях конкурса специально оговорено, что участники готовят и читают произведения не из школьной

программы. А основной возрастной группой конкурса были избраны шестиклассники – ребята 11–12 лет, то есть самый проблемный, малочитающий сегмент читательской аудитории. По отношению к этой возрастной группе предложение именно чтецкого конкурса как способа стимулирования чтения видится вполне психологически оправданным. У подростков на этом возрастном этапе существует сильная потребность самоутверждения, причем не камерного, внутреннего (это приходит позже), а именно внешнего, видимого, публичного. Мотивация, связанная с такой возможностью, может оказаться весьма эффективной. Показателен в этом смысле стремительный рост аудитории конкурса: в первый год – 20 тысяч участников, на следующий год количество участников возрастает ровно в сто раз и составляет уже два миллиона участников из 83-х регионов РФ и 10-ти стран зарубежья. Множество детских и школьных библиотек страны уже втянуты в этот общероссийский проект. Однако детские библиотеки, увидев достоинства подобной формы стимулирования чтения, этим проектом не ограничиваются; они предлагают свои, эксклюзивные чтецкие конкурсы локального масштаба.

В чем главные преимущества этого формата работы? Библиотека получает возможность для активного продвижения в массу читателей самых разнообразных книжных ресурсов: ведь нужно выбрать произведение для чтения на конкурсе и сделать это так, чтобы оно нравилось именно тебе, подходило тебе, давало возможность выигрышно показать на конкурсе свои личностные ресурсы, а ведь все дети разные и каждому нужно что-то свое. Какие здесь открываются ресурсы для нашей заветной, любимой и такой нужной юным читателям индивидуальной работы! Сколько импульсов по поводу поиска «своих» книг, «своих» авторов, по поводу диалога с книгой до чтения и во время чтения здесь можно передать! Неистощимы и возможности для развития качества чтения. Ведь чтобы ярко прочесть вслух, нужно хорошо понять произведение, выстроить для себя его смысловую партитуру, расставить смысловые и эмоциональные акценты, определить нужные средства выразительности – вербальные

и невербальные. Это замечательная школа творческого чтения! В то же время это и школа языкового обогащения и развития, так нужного современным детям с их катастрофически истощенной речью. Все время подготовки к конкурсу ребенок живет и дышит текстом книги, он присваивает его себе, текст «записывается» в сознании уже на уровне артикулирования.

Из этого же ряда все шире практикуемые многими библиотеками так называемые «открытые микрофоны», которые проводятся в дни рождения известных поэтов, в международный день поэзии и просто по выходным дням. Детям предлагается в свободном, импровизационном режиме выступить с тем, с чем они пожелают: стихотворением, сказкой, песней, речью на какую-то тему и т. д. Дети никогда не прочь «засветиться» перед публикой; недаром с давних пор и по сей день одной из излюбленных их дворовых затей является игра в концерт.

Используя взлелеянный массовой культурой интерес к публичности, помножив его на возрастное стремление к самопрезентации и самоутверждению, библиотека может осуществлять свои цели, множа ряды талантливых читателей. Здесь ведь важны не только исполнители, но и зрители, для которых выступления сверстников становятся стимулом подумать о собственном читательском багаже и собственных читательских предпочтениях и реакциях: «мне этот автор тоже нравится, но я бы выбрал(а) другое произведение», «я бы это не так прочитал(а), про другое совсем» и т. д. В какой-то степени работа этой направленности восполняет сегодня недостаток аналитических форм работы с книгой: обсуждений, дискуссий, которые становятся редкими в библиотечной практике, почти полностью переместившись на форумы и в блогосферу.

Еще одна перемена нынешнего времени – это перемена в кадровом потенциале. Перемена вынужденная, так как сегодня ни один вуз не готовит в специализированном формате детских библиотекарей. Есть и обусловленные экономическими реалиями проблемы с закреплением молодых специалистов. Но свято место пусто не бывает – в детские библиотеки стали приходить

люди из других сфер: педагоги, музыкальные работники, психологи, юристы и экономисты, по каким-то причинам не востребованные в своих профильных сферах. Оказалось, что и эту ситуацию можно обернуть во благо. Как и венценосным семьям, библиотекам тоже нужна «свежая кровь», предохраняющая от профессионального вырождения. Хорошо, когда появляются люди с другим опытом, другим видением привычных для нас вещей – это открывает возможность на многое взглянуть по-иному. С другой стороны, ситуация благоприятствует и пересмотру собственного профессионального багажа; появляется необходимость объяснить сущностные профессиональные вещи специалистам из других сфер и, соответственно, самому определиться в своих приоритетах и их иерархии, увидеть сильные и слабые места своего специализированного видения, заново определиться с перспективами содержания и форм библиотечной деятельности.

Таким образом, трансформация детских библиотек, происходящие в них изменения совпадают с путем, предначертанным международной библиотечной стратегии развития на ближайшие десятилетия. Здесь выделены четыре отправные точки формирования жизнеспособной библиотеки.

1. Диалог (библиотекари предлагают – читатели обсуждают – библиотека реагирует). Пока это, увы, не правило; все-таки более комфортным и привычным остается инициатива «сверху», но понимание того, что пришло время субъект-субъектных отношений и альтернативы им нет, уже существует и укрепляется в профессиональном сообществе.
2. Сообщество и участие. Это, пожалуй, наиболее принятый и успешно реализуемый постулат. Библиотеки ясно осознают необходимость широкого социального контекста для решения своих профессиональных задач и стремятся преодолеть свою обособленность, заявляться везде и всюду, говорить о себе на всевозможных сайтах и порталах, развивать взаимодействие с коллегами по культурному фронту (театрами, музеями), партиями и общественными организациями, бизнес-структурами и т. д.

-
3. Обретение опыта. Библиотеки из преимущественно просветительского учреждения превращаются в место формирования компетенций, нужных ребенку для жизни в социуме. Многое на этом пути уже делается: создаются опытные площадки, творческие студии, проводятся мастер-классы самой разной направленности. И свою деятельность в традиционных формах библиотечной работы библиотеки сегодня переосмысливают в компетентностном ключе, усиливая и подчеркивая деятельность составляющую. Движение в этом направлении будет нарастать по мере перехода к школьным ФГОС нового поколения, целиком построенных на компетентностной парадигме.
 4. Совместная деятельность. Имеется в виду взаимодействие с читателем на библиотечном пространстве, которое должно привести к осознанию ребенком роли «я-читатель» как социально значимой и ценной. В идеале юный читатель должен превратиться в активного культурегера. Здесь тоже есть обнадеживающие прорывы. Достаточно вспомнить, например, уже многолетний опыт Ленинградской областной детской библиотеки по проведению Школы Детского Чтения в Ленинградской области. Можно назвать также апробированные библиотеками читательские «Дни самоуправления» или опыт совместной волонтерской деятельности библиотеки и ее читателей (организация книжных «неотложек» в детских больницах, например), или конкурсы библиотечного плаката и социальной рекламы в поддержку чтения и книги.

Итак, да здравствует ветер перемен! Главное, чтобы он не был тем ветром, который унесет от детей их «библионяню», как унес восточный ветер волшебную Мэри Поппинс. Уверена, для качества жизни в нашем обществе это будет большая и невосполнимая потеря; значит, наша задача – не только чутко держать «нос по ветру», но осознанно и твердо направлять его в нужную сторону.

Литература

1. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы / Президент Рос. Федерации // Защити меня. – 2012. – № 3. – С. 37 – 60.
2. Иванова, Е. В. Девятнадцатая Крымская конференция: репетиция перед юбилеем (о чем спорили, чему удивлялись, что решали на «детской» секции самой «взрослой» конференции) / Е. В. Иванова // Б-ка в шк. – 2012. – № 8. – С.12 – 17.
3. Панченко, А. Про бабушку и патефон [Электронный ресурс] / А. Панченко // Свердловская областная библиотека для детей и юношества / СОБДиЮ. – Екатеринбург : СОБДиЮ, 2013. – Режим доступа: www.teenbook.ru/vzrosl/biblios/konferentii/1610. – Дата обращения: 05.09.13.
4. Соколов, А. В. Библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия библиотек в информационном обществе / А. В. Соколов // Библ. дело. – 2011. – № 17. – С. 8 – 15.
5. Соколов, А. В. Миссии и мутации библиотек / А. В. Соколов // Библ. дело. – 2009. – № 14. – С. 2 – 10.
6. Соколов, А. В. Информационное общество и библиотеки. Ч.1. Соблазн «разбиблиотечивания» / А. В. Соколов // Библиотековедение. – 2011. – № 3. – С. 15 – 21.

Резервы – близко. В самых близких

Для тревожных оценок ситуации с чтением в России причин более, чем достаточно. И, тем не менее, пока не все потеряно. Еще есть авторитет у книги, чтения как нормы культуры воспитания, особенно – в отношении детей! Несколько социально резонансных ситуаций последнего времени убеждают в этом. Напомню, какому общественному осмеянию подверглась жена известного футболиста, не зная, кто такая Агния Барто (комментарии были такого рода: «Агнию Барто не знает женщина-мать! Она что, и детям своим не читает? И ей в детстве мама не читала?!»). А на программе Андрея Малахова «Пусть говорят» [5.09.2013] психолог в студии задала вопрос отцу восьмилетнего мальчика, участника жестокого убийства пятилетнего ребенка: «Как давно и какую книгу вы читали своему сыну?». Понятны неслучайность вопроса и предсказуемость ответа: «Да не читаю я ему... Я работаю... Некогда...».

Безусловно, авторитет чтения сохранился, но в повседневной жизни большинства семей нет практики использования книги в воспитании и развитии детей, в общении с ними. И это при том, что социальные институты, напрямую связанные с этой проблемой – детские сады, школы, библиотеки – сложно обвинить в пассивности по отношению к ней. Следовательно, что-то делается не так.

Не исключено, что одна из ошибок в организации воспитания, образования ребенка состоит в том, что специалисты рассматривают ее в ракурсе «роль семьи», «роль родителей». Между тем представляется, что значительно больше оснований ставить вопрос точнее: говорить о специфической роли мамы и папы. В полной мере это заключение действует и в отношении участия родителей в читательской жизни ребенка. Как правило, лексика этой темы представлена обобщающими понятиями: «роль семьи в воспитании ребенка-читателя», «роль родителей в организации читательской деятельности ребенка» и т. п. Причем под словами «родители» и «семья» чаще всего подразумевается мама.

Сегодня необходимость ставить вопрос об особом ролевом участии родителей в читательской жизни ребенка продиктована рядом серьезных обстоятельств. Во-первых, очевидно ослабление функций родительства, испытывающего по всем параметрам негативное воздействие социокультурных обстоятельств [6]. Во-вторых, не менее важным представляется изменение статуса книги и чтения во всех возрастных поколениях общества. Это требует акцентирования следующих положений.

Не требует дополнительных аргументов утверждение «Дети читают, как правило, в читающих семьях», т. е. там, где читают сами взрослые – родители, бабушки-дедушки. При этом далеко не первостепенную роль в этих семьях играет собственно объем и частота чтения взрослых непосредственно ребенку; «читающий ребенок» формируется воздействием личного примера авторитетных для него взрослых людей. Ученые подобные ситуации объясняют таким образом: «Наиболее важной для формирования личности ребенка референтной группой, разумеется, является семья. Сложившийся в семье тип отношений между родителями не только фиксируется в идеальных образах, но и реально “опредмечивается” в окружающих ребенка материальных объектах, запечатлевается в них (достаточно вспомнить семейные реликвии). Разумеется, ребенок не только прямо, но и опосредованно через предметы, с которыми взаимодействовал взрослый и в которых запечатлено его “Я”, способен принять личностные “вклады” [19, с. 75].

Следовательно, в сложной задаче участия семьи в формировании читающего ребенка есть особого рода «способ» – читать самим взрослым, родителям, прежде всего. Реально это означает создание для ребенка наиболее легкого для него, ненавязчивого по восприятию, но весьма действенного поведенческого образца – образца человека с книгой, человека читающего. Книга выступает в этом случае тем самым предметом, посредством которого взрослый передает ребенку свой вклад в его воспитание, образование.

Безусловно важным является транслирование читательских поведенческих образцов и матерью, и отцом. Есть предположе-

ние, что для ребенка авторитет чтения как занятия престижного в первую очередь определяется читающим или нечитающим отцом (имеется в виду личное чтение отца) [17]. Если это действительно так, то, к сожалению, придется признать, что шансов изменить ситуацию с детским читательским негативизмом очень мало: во всем мире мужчины в наше время не являются лидерами чтения. Как, впрочем, и по другим параметрам, о чем свидетельствуют немецкие социологи, и что явно характерно и для российского общества: «Наиболее благоприятные условия для чтения дети находят в семье, где этому способствует совместное проведение досуга <...>. В семье отец, как правило, не подает детям соответствующий пример» [15, с. 53]. Подобные факты характерны и для других стран. В частности, «постоянно живущие с семьей отцы в Великобритании, необязательно англичане, – реже читают детям, чем матери. К сожалению, <...> отцы все еще считают чтение “женским делом”. В то же время вселяет надежду, что не менее 50 % отцов, постоянно живущих с семьями, часто регулярно читают детям дома» [23, с. 30].

Созвучно этим высказываниям и мнение руководителя британской общественной организации National Literacy Trust (NLT – независимая благотворительная организация, занимающаяся проблемами грамотности) Дж. Дугласа: «Довольно старомодно считать, что поощрением чтения должны заниматься только матери. У отцов – не менее значимая роль в этом процессе, в частности, она важна для мальчиков, для которых отец должен являться образцом для подражания» [2].

Констатируем, что в современном библиотековедении, остро заинтересованном проблемами чтения, уже предпринимаются как исследовательские, так и практические действия по дифференцированному содействию отцам и матерям, участвующим в воспитании своего ребенка как читателя. Наиболее разработанным выглядит в данном случае материнский аспект, получивший не только существенный резонанс в профессиональной литературе, но и убедительное практическое использование [21]. Примеры обращения к роли отца в читательском

поведении ребенка, к сожалению, единичны: в основном подобная информация носит характер «точечных вкраплений» в более общие материалы [12; 13]. Между тем для серьезного к ней отношения – множество оснований.

Начнем с того, что специалистами признан факт явного уклона в феминизацию в процессе воспитания в семье: преимущественно мама занимается ребенком, социализируя его в соответствии со своими феминными представлениями [1]. Последствия доминирования материнского воспитания, безусловно, наиболее сложны для мальчиков: они многое теряют в коммуникативных, организаторских навыках, социометрическом статусе. Дефицит мужского влияния отрицательно сказывается на психическом и личностном развитии мальчика, на процессах его социализации и полоролевой идентификации [14, с. 241]. Более того, современные исследования вновь и вновь подтверждают: отцы в 1,5 раза реже, чем матери, контролируют учебу в школе детей, в 15,4 раза реже, чем матери, обсуждают с детьми учебные дела, книги, телепередачи [14, с. 238]. Однако известно, что для гармоничного развития ребенка важно влияние обоих родителей: матери – для воспитания эмоциональной сферы, отца – для когнитивного развития ребенка.

Видимо, большинство женщин на генетическом уровне получают способность к материнству как деятельности, отцам же родительская наука дается сложнее. Как писал А. И. Герцен, «талант отцовского воспитания, талант терпеливой любви, полной преданности, преданности хронической, реже встречается, чем все другие. Его не может заменить ни одна страстная любовь матери, ни одна сильная доводами диалектика... Уж не оттого ли люди истязают детей, а иногда и больших, что их так трудно воспитывать, а сечь так легко? Не мстим ли мы наказанием за нашу неспособность?».

Результаты научных исследований подтверждают факт снижения родительского влияния отцов на воспитание детей. Американские психологи в конце XX столетия установили, что половина сформированности личности определяется под воз-

действием матери, 28 % – под воздействием отца... Отечественные психологи не поверили этим результатам, но в 90-е годы провели собственные исследования и пришли... почти к таким же выводам. По их данным, доля матери в личностном формировании ребенка составляет 48 %, отца – 18 % [20, с. 137]. Осознавая всю возможную тяжесть последствий падения роли отца в семье, специалисты предлагают обществу решиться на серьезные действия: «...представляются важными проведение ряда мероприятий, нацеленных на переориентацию массового сознания: всемерно поднимая авторитет матери по воспитанию детей, необходимо перенести акцент на повышение воспитательной деятельности отцов; <...> во всех учреждениях образования создавать советы отцов» [8, с. 70].

Если все сказанное перевести на проблему чтения, то складываются следующие диалектические цепочки: нечитающий отец – нечитающий сын – нечитающий внук и т. д.; нечитающий мужчина – нечитающий руководитель – пренебрежение к библиотеке (чаще всего депутаты, руководители, чиновники – мужчины). Одним словом, равнодушный к своему чтению (читай – интеллектуальному и духовному развитию) мужчина – горе как для своей семьи, так и для общества, потому что как отец он не поддерживает развитие своего ребенка, а как руководитель – повышение интеллектуального уровня своих сотрудников. Были, кстати, в «истории» этого вопроса и курьезные ситуации, когда политические обстоятельства расставляли другие акценты. Так, в 1920-х годах каждый пионер должен был заключить договор с отцом и матерью, в соответствии с которым он должен был «исправлять» отцов и взрослых братьев, в том числе, и при помощи чтения вслух «полезной» литературы [5, с. 137].

Сегодня же самые чуткие библиотекари демонстрирует робкие, единичные, но по-своему смелые и оригинальные действия по вовлечению отцов в процесс читательской деятельности своих детей. Справедливости ради отметим, что подобная чуткость и ранее была характерна для наиболее творческих работников библиотек, но, к сожалению, она не имела большого распростране-

ния. В связи с этим, интересен пример из уже далекой советской библиотечной практики, описанный в журнале «Библиотекарь» в 1971 году. «Как усилить влияние родителей на ребенка, скоординировать их действия со школой, библиотекой, как следить за чтением детей? <...> Такие конференции были проведены во многих школах города <...> что удивительно – всегда подавляющее большинство аудитории составляли женщины-матери. Не значит ли это, что многие родители-отцы сняли с себя хлопоты по воспитанию детей? Решили мы собрать отцов, поговорить с ними. И вот на очередной конференции – одни мужчины. Речь зашла о воспитательной роли книги. Просто, откровенно и прямо ставятся вопросы: “Знаем ли мы, отцы, чем занято любопытство ребенка, с головой окунувшегося в чтение книги? Как поступает читающий папа, когда на него жаждающе устремлены глаза ребенка? Может быть, он посвятит его в те события, о которых читает?” Грозным обвинением для некоторых отцов звучали детские сочинения по теме “Мой папа” <...> Многие после собрания записались в библиотеку» [9, с. 28].

Действительно, при давних традициях работы отечественных библиотек с семьей, родителями, сегодня становится понятным, что в значительной мере она выполнялась шаблонно, без учета «особо тонких обстоятельств», которые, как правило, характерны для всех моментов, связанных с жизнью отдельной семьи. Наиболее остро это осознание пришло, когда нам стал доступен опыт взаимодействия с семьей зарубежных библиотек, для которых вопросы педагогики и психологии всегда были принципиально важны. Как оказалось, для иностранных коллег использование дифференцированного подхода в работе с родителями – давно принятая методика.

В полной мере она используется в имеющей широкое распространение программно-проектной деятельности. Например, в Швеции на государственном уровне поддерживается проект «Почитай мне, папа», стимулирующий чтение мужчин, а в США во многих территориях реализуется популярный проект «Мама читает / Папа читает» (Mother Read / Father Read). В Великоб-

ритании существует программа для родителей детей среднего возраста «Имеешь детей – читай с ними». Взрослым раздаются плакаты, книги, открытки, в которых поясняется важность совместного чтения в семье. Специальная серия разработана для пап. На одной из открыток изображен бреющийся мужчина и написано: «На это требуется всего лишь пять минут – чтобы побриться. Или чтобы обсудить с ребенком прочитанную книгу».

Наиболее впечатляющими выглядят результаты исследований и специфический опыт американских библиотек. Так, установлено, что «отцы используют “тексты из окружающей среды” и развлекательные материалы в общении со своими детьми, такие как дорожные знаки, карты, журналы, комиксы в газетах, инструкции к настольным играм, религиозные материалы, кроссворды и инструкции к домашним заданиям» [23, с. 30]. Кроме того, многие библиотеки дифференциацию применили уже в пределах отцовской группы, в результате чего внимание было обращено на мужчин, находящихся в тюрьме (!), и разработана методика их вовлечения в воспитание и развитие ребенка. «Среди отцов, не живущих постоянно в семье, могут быть отцы, находящиеся в тюрьме, и многие исследователи изучали деятельность, связанную с чтением в семьях, где в данный момент отец находился в тюрьме. Один из таких проектов – “записывание историй”, когда заключенные записывают на пленку и посылают истории своим детям. Библиотеки в Лестершире работали с местной тюрьмой по проекту ОТИЦЫ (по-английски название проекта FATHERS одновременно использовано как аббревиатура – Fathers As Teachers, Helping, Encouraging, Reading, Supporting (Отцы Как Учителя Помогают, Вдохновляют, Читают, Поддерживают). Другая тюрьма – в Дартморе провела успешный проект “Папины сказки”... Проект состоял в том, что заключенные записывали на пленку в определенном формате сказки» [23, с. 30].

Отдельные действия отечественных специалистов в направлении осмысления и практического решения проблемы вовлечения отцов в читательскую жизнь детей предстают несколькими

сегментами. В частности, конкретизацией «отец/мать» в исследованиях детского чтения по аспекту «влияние родителей». Например, в опросе конца 1990-х годов, который был проведен сотрудниками Российской национальной библиотеки, блок вопросов был посвящен внутрисемейным отношениям, роли отца в семье. «Ответы показали, что молодые люди не столь прагматичны, как мы привыкли считать. Доверительные отношения отца и ребенка, совместно проведенный досуг оказались для них важнее, чем способность зарабатывать много денег и высокий престиж отца в глазах окружающих. Респонденты считали, “что ребенку больше пользы от того, что отец много времени проводит в семье, даже в том случае, если дети слышат, что отца часто критикуют окружающие”; 77 % из 474 опрошенных молодых людей считали, что “для ребенка лучше, если отец и ребенок вместе читают и обсуждают прочитанное”; лишь 23 % не согласились с этим утверждением. Данный вариант ответа респонденты предпочли той ситуации, когда “ребенок часто видит отца с книгой, но сам отец не читает ребенку”... предпочтение было отдано тому, кто приучает ребенка к чтению» [5, с. 143].

Таким образом, отечественными специалистами в полной мере осознана важность вовлечения отца в читательскую жизнь ребенка, при этом в некоторых случаях присутствует акцент на ее повышенную значимость для ребенка-мальчика: «надо возродить чтение вслух, чтение пап с сыновьями. Кстати говоря, и одни, и другие, как правило, являются неохотными читателями. Вот они и поддержат друг друга в этом занятии» [11, с. 20].

К сожалению, это признанный факт: женщины чаще посещают библиотеки с детьми; книги для детей, как правило, покупает мама и именно с ней обсуждают прочитанное 40,8% опрошенных, тогда как с отцом – лишь 7,7 % подростков [18, с. 65; 24, с. 72]. Однако имеется определенное продвижение в направлении практической активизации отцов как потенциальных организаторов чтения ребенка усилиями библиотекарей. Примечательно, что большую активность в этом проявляют сельские библиотеки, изначально фактически работающие по принципу библиотек се-

мейного чтения. Кроме того, видимо, именно на селе явственнее утрата традиционной связи между детьми и отцами. Так, сельский библиотекарь из Татарстана рассказывает о встрече в библиотеке с отцами: «Папам... рассказали, что такие известные люди, как Н. Носов, К. Чуковский стали знаменитыми детскими писателями именно благодаря отцовству – их творчество началось с придумывания разных историй своим детям. Принято считать, что воспитанием детей должны заниматься женщины – мамы, бабушки; школьные учителя тоже чаще женщины, а на самом деле детям очень не хватает мужского внимания» [25, с. 10–11].

Библиотека деревни Садки Пермской области взялась поднять авторитет мужчин в семье через вовлечение их в совместную с детьми творческую деятельность. К реализации проекта подключили педагогов, работников ДК. В школе было организовано родительское собрание «Роль отца в семейном воспитании». После анкетирования мальчиков на тему «Хотел бы ты походить на папу?» и их отцов «Кто в доме хозяин?» явно обозначились проблемы во взаимоотношениях обеих групп. Библиотекарь на собрании рассказала об организации семейного досуга, о книгах и журналах для мужчин, отметила активные читательские семьи, пригласила посетить мероприятия. В библиотеке прошла игра «Детки и предки» между мальчиками и их отцами, семейный вечер-конкурс «Папа, мама, я – дружная семья», для семейного досуга (обязательно – с отцами!) библиотека приобрела шахматы, шашки, лото. При том, что в данном случае напрямую нет воздействия на отцов как организаторов чтения ребенка, косвенно оно присутствует в большом объеме: читающий отец, отец, посещающий мероприятия библиотеки, – безусловно, как отмечалось нами ранее, значимый пример для ребенка [16].

В целом все чаще в практике как сельских, так и городских библиотек проводятся мероприятия типа «Здравствуйте, мы ваши папы», «Папин праздник – главный праздник всех мальчишек и мужчин», особый колорит которым придает именно тот факт, что проходят они в интерьере библиотеки, тем самым повышая ее престиж в глазах как детей, так и отцов.

Видимо, специализированные библиотеки семейного чтения наиболее преуспели в подобной деятельности. В «семейной» библиотеке города Мурманска в отделе психологической поддержки чтения выделена специальная зона детско-родительских отношений – «ПАПАМАМАЛОГИЯ» с тем, чтобы сделать общение родителей с ребенком не только полезным, но и приятным [7]. В Мечетинской библиотеке семейного чтения прошла конференция отцов «Роль отца в воспитании детей в семье». Библиотекари подготовили список литературы «Прочитаем с папой обо всем на свете», в который вошли книги различной тематики в соответствии с возрастом детей [4]. В Школе ответственного родительства библиотеки семейного чтения г. Барнаула для укрепления института семьи, повышения значимости отцовства был проведен «День отца» [22].

Надо отметить, что конференции, родительские собрания, конкурсы, библиографические списки становятся наиболее популярными формами библиотечной работы с отцами, причем в отдельных библиотеках она организуется на уровне программы, проекта. Например, в ЦДБ им. Н. Островского г. Кургана разработаны библиографические дайджесты детского чтения – «Мама, папа, занимайтесь со мной», «Мамам и папам о детских книжках», был проведен конкурс читающих семей «Мама, папа, книжка, я – читающая семья»; в Воронеже на родительские собрания библиотеки отправляют именные приглашения родителям, в том числе – отцам; в Орле в филиале № 13 имени А. М. Горького для пап и мам состоялся день открытых дверей, проведены консультации «Как организовать чтение детей»; в библиотеках Челябинска действуют информационные зоны «Для пап, для мам, и для тебя»; Челябинская областная детская библиотека им. В. В. Маяковского издала пособие «Читаем с папой: путеводитель по мужским пристрастиям»; в Нижнем Тагиле осуществляется программа «Книги, которые выбирают настоящие мужчины».

Весьма оригинальный проект – «С папой на рыбалку!» реализован в Жердской сельской библиотеке Архангельской обла-

сти, выигравшей грант главы администрации района. Его цель – привлечь к семейному чтению отцов. Теме рыбалки были посвящены книжные выставки, викторины, конкурсы рисунков. Для того, чтобы ответить на вопросы викторины, нужно было прочитать произведения С. Аксакова, М. Салтыкова-Щедрина, В. Астафьева, М. Пришвина. В рамках проекта был организован поход на рыбалку, в котором участвовали дети вместе с папами [3, с. 144]. Радует, что в библиотеках, например – в Московской ОДБ, где работает клуб «Мамина академия», получает развитие такая перспективная идея, как работа с женщинами-мамами по вовлечению мужчин-отцов в проблемное поле воспитания ребенка, в том числе – и детского чтения [10].

Таким образом, даже первоначальное осмысление проблемы показывает, что преимущественная ориентированность библиотек на матерей, бабушек как соучастников детского чтения имеет право быть в силу особой психолого-педагогической предрасположенности к ним ребенка. Однако для его гармоничного развития как читателя, укрепления и сохранения его читательских устоев, престижа чтения как занятия необходимо укреплять и повышать роль отца в этой деятельности.

Литература

1. Берсенева, В. Феминизация воспитания [Электронный ресурс] / В. Берсенева // Новости медицины и фармации : газета. – [Украина : б. и.], 2008. – Режим доступа: www.mif-ua.com/archive/article/7003. – Дата обращения: 04.02.13.
2. Британские подростки мало читают [Электронный ресурс] / Рос. гос. б-ка для молодежи // ЮНИКОД : новостной блог российской государственной библиотеки для молодежи / Рос. гос. б-ка для молодежи. – М. : РГБМ, 2013. – Режим доступа: blog.rgub.ru/libex/?p=8252. – Дата обращения: 08.02.13.
3. Витязева, О. А. Библиотека и семья: опыт, идеи, творчество. Реализация проекта [Текст] / О. А. Витязева // Чтение

-
- как система трансляции духовного и культурного опыта : материалы Всерос. конф. (Санкт-Петербург, 11–12 нояб. 2008 г.) / Рос. нац. б-ка. – СПб. : РНБ, 2009. – С. 142 – 144.
4. Галисханова, И. Я люблю тебя, моя станица! [Текст] / И. Галисханова // Библиотека. – 1998. – № 11. – С. 25, 26.
 5. Глухова, Л. В. Традиции семейного чтения [Текст] / Л. В. Глухова, О. С. Либова // Номо legens – 3 : сб. ст. : Памяти Алексея Алексеевича Леонтьева (1936–2004) ; ред. Б. В. Бирюков. – М. : Школ. б-ка, 2006. – С. 135 – 146.
 6. Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях [Текст] / Т. А. Гурко // Социолог. исслед : Социс. – 1997. – № 1. – С. 72 – 79.
 7. Девяткина, Т. Заботы мам – и наши заботы [Текст] / Т. Девяткина // Библио. газета. – 2006. – № 35. – С. 3.
 8. Димухаметов, Р. С. Настанет день, когда о прогрессе нации будут судить по отношению к детству [Текст] / Р. С. Димухаметов // Актуальные проблемы формирования культуры и самореализации подрастающего поколения XXI века : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–26 окт. 2005 г.) : в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2005. – Ч. 1. – С. 68 – 72.
 9. Дубовой, В. В содружестве с родителями [Текст] / В. Дубовой // Библиотекарь. – 1971. – № 11. – С. 28, 29.
 10. Жильцова, А. Б. Ключ к взаимопониманию: заседает «мамина академия» [Текст] / А. Б. Жильцова // Библио. дело. – 2012. – № 19. – С. 38, 39.
 11. Иванова, Е. В. Не читают: кто виноват и что делать? [Текст] / Е. В. Иванова // Информ. бюл. РБА. – 2008. – № 49. – С. 18 – 21.
 12. Кашкаров, А. П. Детское чтение: пособие для отцов [Текст] / А. П. Кашкаров. – М. : Либерия-Библинформ, 2010. – 96 с.

-
13. Кашкаров, А. П. Я и дочь: читаем вместе [Текст] / А. П. Кашкаров // Как воспитать талантливого читателя : сб. ст. : в 2 ч. / И. И. Тихомирова. – М. : Рус. школ. библи. ассоц., 2009. – Ч. 2. Растим читателя-творца. – С. 170–186.
 14. Клопова, О. В. Успеваемость и адаптация в образовательной среде мальчиков из феминизированных семей [Текст] / О. В. Клопова // Ярослав. пед. вестник. Т. II, Психологопед. науки. – 2010. – № 3. – С. 238 – 241.
 15. Кюблер, Х. Д. Читающая Германия с точки зрения библиотекаря [Текст] / Х. Д. Кюблер // Библиотековедение. – 1999. – № 1. – С. 50 – 59.
 16. Николаева, Е. Ф. Возрождаем деревенские традиции [Текст] / Е. Ф. Николаева // Библиотека. – 2004. – № 5. – С. 22 – 24.
 17. Олзоева, Г. К. Влияние семьи на чтение старшеклассников [Текст] / Г. К. Олзоева // Библиотековедение. – 1994. – № 1. – С. 80 – 83.
 18. Полищук, М. А. Чтение детей младшего школьного возраста (по результатам социологического исследования) [Текст] / М. А. Полищук // Библиотековедение. – 2010. – № 1. – С. 61 – 65.
 19. Психология развивающейся личности [Текст] / под ред. А. В. Петровского ; Науч.-исслед. ин-т общей и пед. психологии Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1987. – 240 с.
 20. Романов, А. В. Семья как фактор социализации личности [Текст] / А. В. Романов // Актуальные проблемы формирования культуры и самореализации подрастающего поколения XXI века : материалы междунаро. науч.-практ. конф. (24–26 окт. 2005 г.) : в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2005. – Ч. 1. – С. 135–137.

-
21. Сокольская, Л. В. Материнское чтение [Текст] : науч.-практ. пособие / Л. В. Сокольская. – М. : Либерейя-Бибинформ, 2007. – 80 с.
 22. Тимченко, С. Мамы всякие нужны, папы всякие важны [Текст] / С. Тимченко // Библиотека. – 2012 – № 2. – С. 11, 12.
 23. Трейн, Б Исследования в области семейного чтения: международная перспектива [Текст] / Б. Трейн // Школ. б-ка. – 2006. – № 7 . – С. 28 – 31.
 24. Чудинова, В. П. Состояние и роль чтения в современном обществе: социодинамика процесса [Текст] / В. П. Чудинова // Библ. дело – XXI век. – М., 2009. – Вып. 1. – С. 61 – 86.
 25. Эркаева, Г. Д. «Наши дети мечтают стать библиотекарями!» [Текст] / Г. Д. Эркаева // Современ. б-ка. – 2012. – № 4. – С. 10 – 14.

Книга и чтение в современной подростково-юношеской прозе

Воодушевляющей тенденцией современной литературы для подростков и юношества стало укрепление роли книги и чтения в сюжете и личной траектории персонажей. На страницах текущей подростково-юношеской прозы заметно возросло присутствие литературного текста и ситуаций чтения, а значение книги в построении фабулы и в духовно-нравственном движении героев усилилось: авторы нередко изображают их читательскую биографию как увлекательный и характеристичный процесс. Интересно, что речь идет преимущественно о книге традиционной, а не электронной. Книга, чтение продолжают быть полем интенсивного общения персонажей, способом поиска и обретения друзей, определения духовно близкого человека. Читательский опыт литературных героев может стать обогащающим началом для реального читателя, наращивания собственного читательского багажа. Круг упоминаемых имен и состав литературных текстов может сыграть для читателя роль вторичной библиографии, стать для него своеобразной культурной навигацией. Тем самым произведения способствуют преодолению кризисных явлений в чтении современных ребят.

Пространство многих адресованных подросткам и юношам современных книг плотно насыщено литературным «материалом». В поле общения героев фигурируют так называемые культовые, знаковые книги. Так, в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Шекспиру и не снилось» в качестве организующего сюжет текста выступает трагедия «Ромео и Джульетта», ответ которой падает и на отношения современных ровесников шекспировских героев. Произведение с динамично выстроенным сюжетом оправдывает свое название «Шекспиру и не снилось»: на фоне новогоднего праздника предстают детали подросткового бытия – отсутствие взаимопонимания между поколения-

ми, ссоры с родителями и их изрядно надоевшие нравоучения, острое любопытство подростков к запретному – «приобщение» к пиву мальчишек, первая сигарета девчонок, соблазны и опасности чат-общения, вспыхивающие и тут же гаснущие романы. Применение принципа полилога – многоголосия равноправных голосов – помогает столкнуть мнения ребят, их родителей, педагогов, сопоставить восприятие одних и тех же событий разными персонажами.

В повести Аи эН «Библия в SMS-ках» сюжетобразующим центром стали Ветхий и Новый Заветы, провоцирующие духовные усилия юных героев. Нынешние подростки проводят своеобразную ревизию Книги книг, восторгаясь «Песнью Песней» и обсуждая «Нагорную проповедь», сомневаясь в правомерности поступков некоторых библейских персонажей. Однако итог их соприкосновения с сакральным текстом скромнен.

Сами персоны упоминаемых писателей делаются своеобразной шкалой в характеристике человеческих типажей. Например, Сергей Чохов из повести Раина «Отроки до потопа» убежден: «У некрасивых комплексы, они рвутся наверх, грызут удила, преодолевают барьеры – и становятся в итоге Бальзаками, Амундсенами и прочими Пушкиными» [6, с. 24]. Здесь имена писателей и исследователей причислены к разряду выдающихся интеллектуально-духовных величин, безусловных авторитетов, состоявшихся личностей.

Вольное или невольное соотнесение героев Раина, Ковалевой, Мурашовой с их книжными «двойниками» проявляют их прозвища литературного происхождения, что убеждает в определенной начитанности их «авторов» и носителей (Братец Кролик в «Одном чуде на всю жизнь»). Книжный источник имеет и прозвище беспризорника Бени из повести Ковалевой «Зима и лето мальчика Женьки»: он не без иронии прозван учителем литературы в честь Бени Крика из рассказов И. Бабеля, а комментарий самого мальчишки своеобразно интерпретирует известный сюжет: «Был такой бандюк давно, еще до войны. Он все у богатых отбирал и бедным раздавал. Про него даже писатель какой-то писал» [4, с. 224].

Книга в руках героя или, наоборот, ее отсутствие получают право его безусловной аттестации. В современной литературе для подростков и юношества, независимо от описываемой эпохи, действуют герои-книгочеи. Так, детдомовец Бригунец из повести Н. Ковалевой «Зима и лето мальчика Женьки» признается: «Я тоже книги люблю – про приключения» [1, с. 117]. В повседневном общении таких персонажей звучат фамилии писателей-классиков, названия их произведений, имена литературных героев: например, Отелло в книге О. Райна «Отроки до потопа». Сергей по прозвищу Чех выказывает недоужинную начитанность, объясняемую особыми личными обстоятельствами. Он вполне уместно припоминает вычитанные ситуации и книжные образы, которые выступают как параллель к перипетиям его судьбы. Его мечта о подъеме с любимой девочкой Анжеликой на воздушном шаре получает неожиданно-закономерную развязку – аппарат якобы врзается в землю – и иронический комментарий книжного происхождения: «Осовремененный вариант „Ромео и Джульетты”» [6, с. 43].

Чтение помогает Сергею щеголять эрудицией. Его изрядный читательский багаж позволяет эффективно жонглировать звучными книжными мудростями: известный афоризм О. Уайльда «Лучший способ сделать детей хорошими – это сделать их счастливыми» напоминает о нехитром рецепте воспитания и достижения семейной гармонии. Литературное происхождение имеет и такой внушаемый Сергею беспроегрышный жизненный рецепт: «Будем действовать по графу Льву Николаевичу... Он, Сереж, замечательный совет дал: делай что должно и будь, что будет» [6, с. 289].

Увлечение книгами, чтением служит знаком неординарности, избранности, даже превосходства в чужой среде. Так, интерес к книге выделяет Женьку из общей массы детдомовцев, вызывая иронию и недоброжелательность: «профессором хочет стать». Здесь воодушевление чтением – некий императив иной жизни, знак жажды и возможности выхода за уготованные границы. Приобщение Тараса Кареева, героя «Отроков до потопа», к неординарным книгам является признаком его чужеродности в среде

сверстников: он «стихи втихую строчил, книги Блаватской читал, Юнга какого-то мусолил... Короче, строил из себя умного. Ну, а таких строителей мало кто любил» [6, с. 55].

знаком выделенности, исключительности в повести Е. Мурашовой «Одно чудо на всю жизнь» является пристрастие эрудированного подростка Бори Антуфьева к «историческим книжкам»: «Когда все смотрели по телеку какой-нибудь исторический фильм, Борька потом довольно внятно объяснял пацанам, чего хотели красные, чего – белые, и чего – бандиты батьки Махно и всякие другие». Знание книг особого рода добавляет персонажу авторитета.

Отсутствие интереса к книге столь же характерно: так, у домработницы Мезенцевых Лены из «Одного чуда на всю жизнь» – «высшее образование, но Марина никогда не видела в ее руках книгу (а Клавдия Николаевна, между прочим, каждый день на ночь Библию читала или сказки Пушкина из Марининой „Библиотеки школьника“). А у Лены только глянцево-журналы... То ли дело – журнал „НЛО“ – „Невероятное, легендарное, очевидное“. Там про призраков пишут и про инопланетян, и про всякие тайны» [4, с. 110–111].

Сам круг и содержание читаемых книг служат исчерпывающим средством характеристики персонажа, приемом выявления личных предпочтений, духовных запросов. Вид книги – способ идентификации литературных героев, инструмент их типологизации. Так, математический гений Витек из повести Мурашовой «Одно чудо на всю жизнь» «больше любил книжки читать и решать задачки из „Занимательной математики“ Перельмана. А модного Остера совсем не любил, хотя папа и говорил, что это „новое нестандартное мышление“». Любимой книгой детства его любознательного одноклассника, юного сыщика Никиты, было «Путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлёф, произведение, перечитанное не менее 20 раз.

Спасительные «Два капитана» Каверина стали способом самоидентификации героя Ковалевой Женьки: «Больше всего ему

нравилось, что она написана от первого лица. И можно думать, что будто он немного Саня Григорьев, сильный, смелый...» [1, с. 35]. Судьба и образ книжного героя – своего рода альтернатива страшной детдомовской реальности.

Интерес героя к книгам определенного рода – жанра, тематики – подчас выступает средством его профессионального самоопределения. Так, для Никиты из повести Мурашовой, который еще до школы хотел стать частным сыщиком, источником зарождения первоначального интереса к профессии и последующего жизненного выбора стал классический детектив: он «читал книжки про Шерлока Холмса, упражнялся в дедуктивном мышлении» [4, с. 140–141]. Лидер же стаи беспризорников Генка не любил детективы, ибо от них «тошнило так же, как от реального мира»: «Всю жизнь Генка много читал. Сначала Валькины сказки... Последние годы читал много фантастики. Там в конце почти каждого романа случалась грандиозная битва, где на одной стороне собирались все силы Добра, а на другой – силы Зла» [4, с. 324–325]. Изменение репертуара чтения героя – иллюстрация его человеческой трансформации. Его жанровые предпочтения служат отражением личных импульсов. Генкина приязнь к фантастике проявляет его жажду закрыться от реальности, отринуть ее. И отчасти иллюстрирует читательские приоритеты современных ребят.

А увлечение учительницы литературы Маргариты Ивановны «Есениным, Маяковским и прочими Тургеневыми», по мнению ее сверхсовременных учеников, – признак дремучести, отсталости: «ей бы в „сеть” слазить, поглядеть, что пишут нынешние блоггеры. Вот ужаснулась бы старушка» [6, с. 42]. Приязнь к классике становится для школяров знаком архаичности литературных вкусов.

Книга выступает своеобразным вариантом объяснения непонятной, пугающей действительности: способом избавления от страха является ее наивная аналогия с детской книгой – домашнего мальчика Левушки из той же повести: «Вместе с тем все происходящее очень напоминало ему важную сцену из сказки „Золотой ключик”, где куклы как бы сражаются с Карабасом;

Пьеро читает гадкие стихи, Мальвина хохочет, Буратино кривляется. Все это было очень смешно – и совсем не страшно» [4, с. 338]. Ситуация книги помогает обрисовать и прояснить настоящее, соотнести собственное состояние с состоянием книжных героев, проявляя несовпадение внутреннего и внешнего: «Увы! Чернявый, вертлявый, носатый Левушка всегда, во всех детских спектаклях играл Буратино. Но ощущал себя Пьеро... Но ведь Пьеро тоже сражался с Карабасом. Как умел» [4, с. 338].

Герой Ковалевой Женька Бригунец восторженно примеривает на себя роль литературно-киношного героя: он «любую фантастику с ходу рвался превратить в реальность» [1, с. 101]. Сравнение с популярным книжным персонажем помогает передать испытываемое Женькой чувство единения с водной стихией, ощущение полного слияния с природой: «„Алена! А я смогу долго, как ихтиандр?“ Алена уже жалела, что подсунула ему книгу про человека-амфибию» [1, с. 100–101]. Женьку удручает, что книги расходятся с жизнью: «Когда-нибудь так будет, чтоб не били совсем? Как в Аленыных книжках. Как там? – Один за всех и все за одного... Один против всех. И все на одного» [1, с. 172]. Известный романтический книжно-кинематографический лозунг трансформирован в драматическую противоположность. Позаимствованный у Р. Скотта девиз каверинского героя «Бороться и искать, найти и не сдаваться» провоцирует напряженные размышления, самоанализ героя-подростка: «Что искать? Что найти? И как бороться? Кастет ему с одного удара дух вышибет. Оставалось „не сдаваться“». Только это тоже получалось не очень. Женька просто терпел и молчал» [1, с. 35]. Ощущение расхождения между книжными декларациями и реальностью душесозидательно, но неминуемо влечет взрыв.

В центре размышлений его молодой воспитательницы Алены Дмитриевны – знаменитые фразы Ф. М. Достоевского из «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых»: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – всплыло некстати. «Федор Михайлович, что вы там писали о слезе ребенка? Слезы – это очищение» [1, с. 97]. Алена спорит с классиком: «Нет, Федор Ми-

хайлович, это не страшно, если дети плачут. Ведь когда человек плачет, он еще верит, что его спасут, что ему помогут. Когда вера кончается, дети берут в руки нож» [там же, с. 98].

Книжный образ помогает определить, охарактеризовать происходящее и герою О. Раина: Сергей иронически сравнивает неизбежность наступления школьных будней с шекспировской трагедией: «За окном тенью отца Гамлета маячило первое школьное утро» [6, с. 18]. Дружба троих подростков – Сергея, Геры и Антона – получает подкрепление в виде известных книжных образов: эту троицу Серега ассоциирует с «Тремя товарищами» Ремарка и «Тремя мушкетерами» Дюма: «Правда, были еще "Три толстяка" и "Три поросенка", но это уже относилось к области сказочек. Настоящая литература к трио всегда относилась уважительно» [6, с. 38].

Литературный образ содействует построению образа мира, помогает выработать систему ценностей, представление о желаемом. Так, для карлика Генки книжный мир – сказки Г.-Х. Андерсена – стал символом несбыточно-мечтательного, неисполнимого в реальности. Сказочный образ является точкой отсчета в шкале человечности и доброты: «случись невозможное – доживи Генка до старости, стал бы похож на Оле Лукойе из старых Валькиных сказок. Хотя нет – Оле Лукойе добрый. Генка злой. Хуже собаки» [4, с. 121]. Книга предстает поводом к размышлению о вечных вопросах – добре и зле, жизни и смерти. Литературные тексты своим несовпадением с реальностью будируют спящий ум, провоцируя формирование представлений о неоднозначности, амбивалентности понятий добра и зла, справедливости. Герой с горечью констатирует: «Только в книжках добро и зло делятся в пространстве. На самом деле граница проходит внутри. Внутри каждого человека. И каждый из людей сражается сам с собой... Я свою битву уже проиграл. Но есть еще Валька и Ёська...» [4, с. 122]. Книга обостряет самобичевание несчастного изгоя.

Специфические оценки разными героями литературных произведений, используемые при этом неожиданные критерии проявляют их интеллектуально-эмоциональный уровень: «Хорошая

книжка. Очень интересная. Про привидение на болоте, как оно детей жрало. Жуть» [там же, с. 123]. Это пристрастие беспризорных мальчишек в повести Мурашовой к жанру триллера – компенсаторная параллель к жутковатой реальности.

Книги предстают источниками животворных впечатлений юных персонажей. Читательская деятельность становится посылом для рефлексии героев, помогая в их личностном и духовном самоопределении, способствуя самоидентификации. Литературный текст продолжает быть особым источником духоподъемности персонажа-подростка, особенно в трудных жизненных ситуациях. К чтению герои нередко прибегают в драматические моменты их бытия. Книжки служат средством гармонизации отношений героя с самим собой и окружающим миром.

Гармонизирующий эффект книги и материнского чтения проступает в воспоминании Сергея из повести Раина об умиротворяющем семейном занятии: после случайного посещения кладбища и первого столкновения со смертью мальчик «чувствовал себя так, словно заболел ангиной. Мама читала что-то про Незнайку и его друзей, – а он слушал ее голос и почему-то думал о той девушке, которой никто уже и никогда ничего не прочтет» [6, с. 184].

Книга подчас буквально предстает способом спасения – в физическом и психологическом плане. В повести Раина звероподобный Стас, по вине которого Сергей угодил в больницу с переломанным носом, открывается с неожиданной стороны – благодаря книге: «Знаешь, я когда с ребрами маялся, в депрессняк впал... А тут тетка в гости пришла – она у меня библиотекарем работает. В общем, принесла стопку книг. Я, конечно, все брать не стал, но одну заметил, – Стас засмутился. – То есть я с чтением не очень дружу, а тут как что-то нашло. Открыл потом, одолел первые страницы – и прилип. Пока не дочитал до конца, не оторвался. Называется „Тайственный остров“. Это Жюль Верн. То есть книга, может, и детская, не знаю. Но меня царапнуло. Я потом всего Жюль Верна из-за нее перечитал. И другие разные стал брать потихоньку» [6, с. 156]. Точно выбранная книга стано-

вится стимулом приобщения персонажа к чтению, погружения в книжный мир прежде далекого от него героя. По мнению немногословного Стаса, в противостоянии современным «искушениям» – «лучше уж книги».

Любимая книга, подаренная пострадавшему однокласснику, предстает своеобразной исцеляющей эстафетой в борьбе с болезнью и хандрой. Принесенный Стасом в больницу «Таинственный остров» Ж. Верна помогает и Сергею преодолеть неблагоприятные обстоятельства. Для такой книги находится замечательный образ «осенней книги», придуманный Сергеем, – выцветшей, потрепанной, истертой до дыр, читаной-перечитаной (которую «прямо глотать хочется») [6, с. 158]. Благодаря его новому приятелю Стасу, возникает образ книгохранилища – с его особой атмосферой, с шелестящей тишиной – как места «подпитки» души, где можно обрести успокоение, гармонию.

Чтение идентично спасению из сложной жизненной ситуации. В повести А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» одним из способов излечения ребенка от недуга закономерно становится книга – «Библия для детей», врученная обездвиженному мальчику в утешение.

В повести Е. Мурашовой «Одно чудо на всю жизнь» пришедшая на ум Левушке Рахтерштерну расхожая цитата из романа Ф. Достоевского «Красота спасет мир!» преобразуется в иное – «Красота – это наоборот от „стрелять“, – решил он и распахнул футляра», заиграв полонез Огинского, обезоруживший противников, – и спас их! [4, с. 339].

В книге о военном бытии «Страшная сказка. Невыдуманная повесть о детстве и войне» А. Самохлеб убеждает, что в годы фашистской оккупации книга и чтение приобрели особую роль: книга маскирует винтовку, пряча ее от фашистов. Литературные романтические герои предстают в качестве воодушевляющих образцов достойного поведения в военное лихолетье. Экстраполяция героических деяний книжных персонажей на военное детство провоцирует опасные приключения реальных детей.

Главное, книга становится альтернативой войне, средством нормального человеческого общения, компенсацией беды. Строчки лермонтовского «Выхожу один я на дорогу», органично звучащие в устах бабушки во время ночевки семьи в поле, становятся мощным духоподъемным средством. Компенсаторно-спасительно чтение старшими «Евгения Онегина» Пушкина, «Мцыри» и «Паруса» Лермонтова. Мама читала стихи Тараса Шевченко – «самые грустные и только о женщинах, словно доказывая самой себе, что были и есть на свете судьбы пострашнее, чем у нее, что нужно не опускать рук, нужно бороться, не сдаваться» [7, с. 133]. Строки Шевченко о горькой судьбе Катерины точно проецируются на историю молодой харьковчанки военных лет.

Но и книга порой нуждается в защите, а столкновение из-за нее вырастает в жестокую схватку непримиримых врагов. Так, в повести А. Ковалевой «Зима и лето мальчика Женьки» врученная герою повесть В. Каверина «Два капитана» – «о любви... о настоящей» – становится предметом смертельного раздора [1, с. 33]. Дикая, зверская расправа своры Кастета с любимой книгой Женьки провоцирует цепь чудовищных событий. Надругательство над книгой-другом, которую он безуспешно защищает – как человека – побуждает Женьку к яростному бунту, сопротивлению, влечет издевательства над ним, непереносимое унижение, предательское молчание спальни, страх, ненависть, жажду мести, побег и скитания.

Для героев иного типа книги и чтение могут стать источником извлечения пользы, явлением сугубого практицизма. Так, Сэм из «Отроков до потопа» Райна беззастенчиво наставляет одноклассника: «Читать надо, Тарасик, не книжки Лема, а личные дела школьного персонала» [6, с. 73]. Такое чтение для него – эффективный способ манипулирования людьми.

Наиболее литературно насыщен роман М. Нисенбаума «Теплые вещи» – о становлении творческой личности. Оправдан «книгоцентризм» произведения: его сквозным образом стала именно книга – в ряду других «теплых», очеловеченных, вещей. Книга, текст – предмет постоянного интереса героя, его культур-

ный базис, источник удовлетворения духовно-интеллектуальной жажды, толчок к творчеству. Характерно, что своеобразным шифром для «своих» является фраза «ищу книгу» – в качестве опоры для личностного развития, поиска смысла бытия. В этом процессе громадную роль играют духовные и творческие «наставники» – художники, поэты, журналисты, каждый со своими литературными пристрастиями. Чтение для героев Нисенбаума – привычное культурное занятие, наслаждение, смакование, которое «усложняет» коммуникацию, придавая ей интенсивность, насыщенность, многослойность. Обширный круг упоминаемых в диалогах героев произведений свидетельствует о богатстве и многообразии их интересов. Смена круга чтения Михаила – В. Маяковский, А. Блок, С. Черный, Р. Бах, Н. Гумилев, Ф. Петрарка, С. Соколов, Платон – знаменует личностное движение юного художника, его высвобождение из-под власти авторитетов. Круг литературы предстает здесь базой идентификации личности. Знаковой – своей – книгой для Михаила становится томик китайской поэзии, открывшей целый новый мир тонких, неуловимых оттенков. Визиты в книжный магазин сравнимы с ритуалом, священнодействием или с охотой за редкой, драгоценной «дичью» – книгой.

В трилогии М. Чудаковой «Дела и ужасы Жени Осинкиной» книга и чтение становятся инструментом воодушевления читателей на благие дела. Автор рисует популярность, безусловность чтения: здесь читают престарелые эмигранты, столичные барышни и мальчишки из алтайской глубинки. В повестях изображается почти ритуальное чтение в доме бывшего поручика П. Зайончковского ностальгических эмигрантских стихов Туроверова и горьких – А. Тимофеевского. В книгах звучат имена некогда опальных М. Булгакова и А. Солженицына, репрессированного Г. Демидова. В трилогии представлено несколько различных книжных пластов. Федя Репин, как то присуще «будущему президенту» страны, читает и толкует Конституцию РФ (хотя некоторая искусственность этой детали поведения очевидна). Степа Барабанчиков в своем стремлении увековечить память подвиж-

ника, спасителя сотен евреев от фашистской расправы Рауля Валленберга, перечитал множество популярных и научных материалов. Игнат применяет мировой книжный юмористический репертуар (М. Зощенко, Б. Гарт) в целях смехотерапии и добивается успеха. А приведенный юным героем список прочитанного, хоть и транслирует отпечаток детских авторских предпочтений, собственного читательского опыта Чудаковой и ее представлений о желательном детском чтении, все же может поспособствовать привлечению к литературе и адресата книги.

В юмористике литературный материал включается в иронический подтекст. Так, в цикле рассказов Т. Крюковой «Потапов, к доске!» чтение детективных рассказов А. К. Дойла подвигает незадачливых мальчишек на проделки; знакомство с приключениями персонажей Ж. Верна вдохновляет на их продолжение. Книга выступает в качестве источника фантазии героев.

Таким образом, современные прозаики активно применяют ссылки на литературные произведения, изображают увлеченных книгами ребят в качестве симпатичных и обаятельных персонажей, прибегают к характеристике своих героев посредством круга их чтения. Все это подтверждает упрочение книги и чтения в качестве значимого и захватывающего занятия. Безусловна заразительность чтения литературных героев для их сверстников: читательский опыт и впечатления персонажей могут служить стимулом читательской деятельности их ровесников; увлеченность героя той или иной книгой способна спровоцировать интерес к ней, желание соотнести читательские впечатления понравившегося, близкого им литературного персонажа с собственными.

Авторы убеждают в развивающем потенциале чтения для своих персонажей, подчеркивая значимую роль чтения в поиске ценностей и личностных ориентиров, косвенно утверждая важность и ценность читательской деятельности. Своеобразными «пропагандистами» чтения выступают и писатели-юмористы, которые употребляют книжные образы в комических целях, подспудно доказывая практическую полезность чтения, служащего неистощимым источником игр и проделок. Все это может содей-

ствовать ненавязчивому вовлечению в чтение ребят, ориентировать их в массиве литературы, побуждать их к дальнейшим читательским обретениям.

Литература:

1. Ковалева, Н. Зима и лето мальчика Женьки [Текст] / Наталья Ковалева. – М. : АСТ: Астрель : Полиграфиздат, 2011. – 320 с.
2. Крюкова, Т. Потапов, к доске! Рассказы, стихи [Текст] / Тамара Крюкова. – М. : Аквилегия-М, 2008. – 272 с.
3. Лиханов, А. Мальчик, которому не больно. Не сказка не для взрослых [Текст] / Альберт Лиханов. – М. : Издат., образ. и культур центр «Детство. Отрочество. Юность», 2009. – 180 с.
4. Мурашова, Е. Одно чудо на всю жизнь [Текст] / Екатерина Мурашова ; худож. Е. Горева. – М. : Центр Нарния, 2010. – 368 с.
5. Нисенбаум, М. Теплые вещи [Текст] : роман / М. Нисенбаум. – М. : Время, 2011. – 432 с. – (Серия «Самое время!»).
6. Раин, О. Отроки до потопа [Текст] / Олег Раин. – Екатеринбург : Сократ, 2009. – 312 с.
7. Самохлеб, А. Страшная сказка. Невыдуманная повесть о детстве и войне [Текст] / Анатолий Самохлеб. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 283 с.
8. Чудакова, М. О. Дела и ужасы Жени Осинкиной. Книга третья. Завещание поручика Зайончковского [Текст] / М. О. Чудакова. – М. : Время, 2010. – 448 с.

Технологии вовлечения в процесс чтения

(фрагменты библиографической экспертизы)

Традиционно руководство детским чтением закреплено за детской библиотекой. Сохраняет ли она первенство в этом направлении? Кто еще плавает в книжном «море-океане»? Наши конкуренты или партнеры? Что они предлагают, что – мы? Какой должна быть политика взаимоотношений с партнерами-конкурентами? Объект нашего внимания – детское чтение, которое исследуется с разных позиций:

- для издателей детское чтение представляет интерес как объект книжного бизнеса. Создавая книжную продукцию, они заинтересованы в ее продвижении, исследуют «детский» сегмент книжного рынка, изучают информационные потребности детей и подростков как потенциальных читателей, ищут формы активизации чтения;
- в свете Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования чтение предстает как образовательная технология. Специалисты в области педагогики изучают виды и стратегии чтения как способа получения знаний и наилучшего их усвоения. Ими чаще культивируется инструментальная функция чтения: чтение их интересует в основном как средство, помогающее стать умным, развить память, воображение – выработать интеллектуальные свойства и качества, необходимые для развития человеческой личности;
- библиотековеды и библиотекари-практики рассматривают чтение в основном как явление человеческой культуры, отмечают его духовную составляющую (возможность сопереживания, освоения текста на эмоциональном и художественном уровнях), отмечают в современных интеллектуальных практиках детей наличие делового и досугового чтения.

Рассмотрим особенности действий социальных институтов, непосредственно ориентированных на продвижение чтения. «Три кита», на которых стоит планета Чтения, реализуют присутствующие им задачи: образовательные, коммерческие, культурологические и используют для этого соответствующие технологии. Детсады и школы – педагогические. Издательства – издательские. Детские библиотеки (зона свободного чтения) – библиотечные. Дополняя друг друга, они расширяют и обогащают свои возможности, работают на общую цель. Более того, в последние годы наблюдается процесс их взаимопроникновения; проводятся совместные конференции, семинары, симпозиумы, мастер-классы. Рассмотрим своеобразие технологических подходов, присущих различным социальным институтам.

Педагогические технологии обусловлены учебным процессом. Обучение технике чтения начинается в начальной школе и, по сути, там же и заканчивается. С усложнением текстов в школе среднего звена процесс чтения для многих школьников становится тяжелым трудом. Это первый психологический барьер, с которым сталкиваются юные читатели. Педагоги видят в этом причину кризиса чтения в подростковом возрасте, справедливо полагая, что школьников необходимо обучать текстовой деятельности, способам обработки отраслевой информации [3]. Технологии изучения текстов различных видов были рассмотрены на Международной научно-практической конференции «Чтение детей и взрослых: учебный, научный и научно-популярный тексты» (Санкт-Петербург, 25–26.04.2013). Докладчики показали методики изучения художественного, критического, учебного и научного текстов. Е. И. Казакова, в частности, отметила, что для понимания текстов отраслевой тематики важно иметь представление об их особенностях. Ею выделены две основные проблемы: во-первых, ребёнку никто не учит читать научный текст, во-вторых, хороший научный текст надо поискать. Ею были представлены проекты «Квалифицированное чтение или тексты новой эпохи» (разработчики Е. И. Казакова, Т. Г. Галактионова) и «Успешное чтение» (проект разработан исследовательской группой под руководством Т. Г. Галактионовой).

Анализ отечественного и зарубежного опыта, ситуации со школьным чтением подводит педагогов к выводу, что в 5–6 классах необходим урок чтения, урок текстовой деятельности. Для этого нужен специалист в области чтения, который должен вести уроки чтения; оказывать помощь слабо читающим детям; проводить мониторинг качества чтения; обучать учителей грамотной организации работы с текстом, помогать им осваивать педагогические технологии вовлечения в чтение [3]. В этом направлении работает, например, Н. М. Свирина; она практикует знакомство с произведением через микроцитирование и опорные вопросы, стимулирующие размышление и работу мысли [2]. Свои учебно-методические пособия из серии «Скорая педагогическая помощь», «Читающие подростки или развитие литературного слуха», «Свободное чтение с детьми» она адресует педагогам и родителям. Несомненно, они могут быть использованы и детскими библиотеками.

Издательские стратегии и технологии вовлечения в чтение кажутся доскопичны. И в этом есть свой «плюс»: многообразие мнений и идей делает детский книжный рынок разноплановым. В поисках своего читателя издатели экспериментируют с форматом (печатная, аудио-, э-книга + приложения), контентом, программами продвижения книги. Одна из программ – «Брендинг литературных персонажей». Выбирается известный герой книги, и вокруг него выстраивается целый «микрокосмос». Этот герой появляется в виде игрушки, а также в предметах, выражающих его жизнь. Он как бы входит в сознание потребителя и становится более популярным («Смешарики», «Маша и Медведь», «Три богатыря»). Брендинг, как считают специалисты, в ближайшее время будет одним из основных направлений в сегменте детской книги российского рынка [1]. К издательским технологиям отнесём и выпуск серий разной тематики и жанров. Для детей серийность создает «круг чтения», одновременно обозначая границы доступности информации и вывода за них. Наряду с единством тематики, однотипным оформлением, символом серии может служить педагогический прием, гендерный признак или излюбленный жанр подростков. Важную просветительскую роль, расширяющую ряды

читателей, играют издательские проекты. Среди них – Международный День чтения («Розовый жираф»); Фестиваль детской литературы имени Корнея Чуковского («Самокат»); Читательские марафоны, Автопробег «Я живу на Урале» («Издательство Марины Волковой»). Акция «Задай вопрос космонавту!» предвещает грядущий выпуск книги летчика-космонавта Юрия Усачева «Один день из жизни космонавта» «Росмен». Проводником издательских идей в массы всегда выступала издательская библиография. Сегодня она меняет форму своего существования. Печатные каталоги, анонсы, прайс-листы издательств в региональных библиотеках – редкость. Основная информация уходит на сайты издательств и книжных интернет-магазинов. Там же развивается любительская родительская библиография: мамы и папы пишут отзывы-рецензии на купленные книги, участвуют в рейтингах книг и таким образом вносят свой вклад в продвижение чтения.

Библиотечные технологии стимулирования читательской активности обеспечиваются теми условиями и услугами, которые может предложить читателям современная детская библиотека. Это определенный уровень комфорта, наличие новых изданий, «живое» общение (в том числе с авторами), сближение разных носителей информации, ценностный отбор литературы для детей и их родителей через рекомендательную библиографию. Система популяризации чтения строится на выявлении эффективных старых и создании новых способов вовлечения в процесс чтения читателей-детей. Детскими библиотеками выявлены и отобраны наиболее «живучие» формы популяризации чтения. В этой связи можно назвать традиционные Недели детской книги, «Библиосумерки» (детская версия «Библионочи») и их библиографическое сопровождение. Как правило, у участников подобных мероприятий остаются на память библиографические листовки с информацией о творчестве писателей, иллюстрации с их автографами. Текущая работа по подготовке таких мероприятий базируется на библиографических стратегиях, без которых не обходится ни одна детская библиотека. Это тщательный отбор изданий для детей по содержанию и оформлению; мотиви-

рование к чтению, учет гендерных и возрастных предпочтений; продвижение литературы об игровых формах, о детской художественной классике с качественной иллюстрацией; приобщение родителей к совместному чтению с детьми; создание качественной библиографической продукции; представление библиографической информации в социальных сетях.

Среди библиотечных технологий следует также назвать технологии для визуалов и кинестетиков. Они строятся на принципах наглядности и тактильной доступности, реализуются в основном через выставочную, демонстрационную деятельность. Суть этой технологии заключается в преобразовании книжной выставки в визуальную рекомендательную библиографию; именно в такой форме она и должна быть обращена к ребёнку. Есть книги, достойные индивидуальной презентации. Например, поражающие воображение объёмные картинки Роберта Сабуды заставляют снова и снова раскрывать страницы созданных им книжных конструкций, актуализируют внимание к книге как виду издания, произведению полиграфического искусства.

Одна из старейших библиотечных технологий – чтение вслух: громкое, выразительное чтение. Изначально оно использовалась в работе с неграмотными. В настоящее время чтение вслух призвано компенсировать недостаточность межличностного общения, привлекать внимание к живому слову, воспитывать художественный вкус. Оно может быть самостоятельной формой, но в детской библиотеке чаще является начальным этапом для дальнейшей работы по освоению текста. Технология гендерного подхода заключается в выделении литературы с ярко выраженными интересами девочек или мальчиков; в подчеркивании мужского и женского начала при организации книжных выставок, тематических полок, уголков, посиделок. Гендерный признак и возраст конкретизируют читательский адрес, в то же время для библиографа это элементы поискового образа и критерии отбора.

Технология «невмешательства» имеет отношение к жанрам с нехорошей репутацией (триллерам, «ужастикам», мистике...). В чтении детей и подростков они играют определенную роль, в

каждом отдельном случае – свою: терапевтическую, протестную, гедонистическую. Практикуется также технология «замещения». Например, с легкого жанра на сложный. Библиотекарь не рекомендует, но и не мешает знакомству с книгами подобного рода, упрощенную тематику «добра и зла» замещает художественной, научно-популярной, биографической литературой.

В ряде случаев полезна и «заградительная» технология. В потоке современной литературы для подростков есть пласт книг, с которыми взрослые не могут определиться. Книги Беате Терезы Ханика, Мари-Од Мюрай, Перниллы Стальфельт раскрывают темы, непривычные для российских детей и их родителей. В рамках этой технологии происходит разделение понятий «рекомендовать книгу» и «информировать о книге». Родители, предупрежденные детской библиотекой об особенностях авторской позиции, решают: читать ли эти книги их ребенку. Здесь от технологии заградительной мы переходим к технологии «родительской ответственности».

Родительская активность хорошо заметна в социальных сетях, на различных беби-сайтах. Это ресурсы, создаваемые активными молодыми родителями, где наряду с советами как кормить, растить, развивать ребёнка, они делятся добротными текстами, опробованными на собственных детях. В еще большей мере свой «читательский облик» родители проявляют на сайтах книжных магазинов. Именно там попадается любительская библиография детской литературы с мощнейшим рекомендательным потенциалом. Реализуя технологию «библиографической интервенции», детским библиотекам нужно проникать на эти сайты, влиять, а иногда и заимствовать интересные родительские идеи.

С любительской библиографией, только с детской, связана и технология сверстнической рекомендации. Она реализуется посредством выявления читательских интересов детей, представления их рецензий, мнений о книгах в виде списков, стенов, книжных выставок, детских буктрейлеров. Эту технологию успешно использует Ленинградская областная детская библиотека, рекомендательный список книг, отмеченных знаком «Нравится детям Ленинградской области».

Детские библиотекари в постоянном поиске: чем можно удивить читателя? Как из рядовой встречи с книгой сделать Событие? – эти вопросы лежат в основе технологии «провокации книжного потрясения». Потрясение может быть от слова, сюжета, содержания, от ритма подачи, от иллюстративного ряда. Выявлением наиболее привлекательных элементов книги занимаются библиографы, а создаваемая их мастерством рекомендательная библиография служит навигатором в текстах и смыслах детской литературы и одновременно инструментом «провокации книжного потрясения».

Стремление стимулировать читательскую деятельность детей во всем ее многообразии мобилизует детскую библиотеку на изучение всего спектра существующих технологий вовлечения в чтение, побуждает внедрять в свою практику наиболее продуктивные из них. Могут оказаться весьма полезными как заимствование технологий у педагогов и издателей, так и совершенствование своих собственных, полное раскрытие их потенциала.

Литература

1. Детская книга в Германии и России: новые форматы и инновационные решения в книгоиздании: диалог Ренате Райхштайн и Максима Крютченко [Электронный ресурс] / Р. Райхштайн, М. Крютченко // Pro-books.ru : [сайт] / гл. ред. А. Грачёв. – Санкт-Петербург, сор. 2009–2013. – Режим доступа: www.pro-books.ru/news/2244/13005. – Дата обращения: 28.09.13.
2. Свирина, Н. М. Победа над собой, или Как добраться до вершин [Текст] / Н. М. Свирина // Литература. – 2013. – № 5. – С. 16 – 19. – (Беседы по литературе).
3. Сметанникова, Н. Н. [Электронный ресурс] : [беседа] / Н. Н. Сметанникова, И. В. Малолетнева // Центр развития межличностных коммуникаций [сайт]. – [Москва: б. и.], сор. 2001–2013. – Режим доступа: www.ruscenter.ru/1971.html. – Дата обращения: 06.09.13.

Маленькому человеку – большое чтение: поддержка и содействие

Свердловская областная библиотека для детей и юношества, как и многие другие библиотеки, при работе с книгой использует многообразные, давно знакомые читателям формы: конкурсы, викторины, спектакли, кружки литературного творчества, праздники и фестивали, программы читательского развития.

Что может изменить образ традиционной библиотеки и сделать ее «теплым домом», домом, который «отличается от места работы (учебы) неформальным характером общения, возможностью выбирать занятие по душе... В отличие от собственного дома с его обыденностью в такой библиотеке – атмосфера внебудничности, особой эмоциональности, возможности мобильного переключения с одного занятия на другое. Это Дом, где помогут найти нужные сведения, подскажут, в каком направлении действовать, передадут знания, без которых трудно обойтись в сложной ситуации... Это – оптимальный вариант места, ориентированного на многих людей и одновременно на конкретного человека» [3, с. 11].

Известный мультипликатор Александр Татарский, начиная работать над мультфильмом, собирал карикатурные журналы; все вырезалось, обклеивались стены, складировались тома из папок. И когда возникала тема, он говорил: «Подожди, сейчас посмотрим...» На возражения коллег, что «это же уже напечатано», он отвечал: «Ну и что? Все уже было. Семь нот, например». Новый поворот, новый материал рождал фильм с легким дыханием, с тонким колоритом, с пронзительной лиричностью...

Как отойти от традиционности, как сделать так, чтобы взрослый или малыш в библиотеке «в зависимости от установки захотел побыть в уединении, пережить тихие мгновения так называемого "публичного одиночества" или, наоборот, встретить-

ся с друзьями, приобрести новых знакомых» [2], какие найти слова, чтобы разговор о книге, особенно с маленьким человеком, зазвучал по-новому?

В настоящее время библиотека придает особое значение сотрудничеству с семьей, так как именно семья является наиболее активной средой формирования личности ребенка, где каждый приобретает различные умения, в том числе, и навыки читательской культуры. Именно родители выступают первыми и главными посредниками между книгой и маленьким человеком.

Как подсчитали социологи, в 70-х годах прошлого века 70% родителей регулярно читали своим детям книги, а сегодня эта цифра снизилась в 10 раз. Теперь таких родителей – приблизительно 7% [5, с. 110]. В этой связи особенно актуальной становится задача просвещения родителей по вопросам использования книги в воспитании детей, возрождения традиции семейного чтения, осознания чтения как старта личностного развития ребенка и его творческой самореализации.

Один из таких проектов нашей библиотеки – «Детская чайная читальня» – адресованный дошкольникам и их родителям, возрождает старинную традицию семейного чтения. Сотрудники библиотеки выбирают книги из «золотого фонда» детской литературы и произведения современных авторов – Эрик Карл, Свен Нурдквист, Сергей Козлов, Геннадий Цыферов, Андрей Усачев... Вслух их произведения читает актер екатеринбургского ТЮЗа Владимир Поцелуев. Для детей подготовлены викторины и конкурсы рисунков по прочитанным книгам, мастер-классы, игры. На сайте библиотеки можно получить самые достоверные факты о жизни писателей, здесь делятся мудрыми мыслями герои книг, для проверки своих знаний можно выполнить нескучное домашнее задание.

В библиотеке реализуется программа творческого развития читателей на основе театрализованных презентаций новых и классических книг – Театр книги. Занятия проходят в форме театральной игры, нацеленной на развитие речи и пластики движений. Изучается также история театра, его виды и жанры. Каждый

юный актер пробует себя в разных ролях, играет все, что ему хочется. Недаром дети говорят: «Театр – дом чудес и неожиданно-стей, мир развлечений и смеха, а иногда и слез». Организуются различные конкурсы: на лучший сценарий, на лучшую роль, на лучший костюм, на лучшую декорацию. Разыгрываются спектакли кукольного и теневого театра с участием детей и взрослых.

В условиях, когда книгу вытесняют компьютер и видео, библиотека предлагает формы работы, превращающие встречу с книгой в праздник. Развитию воображения и коммуникативных навыков у детей способствует программа «Маленькая страна». В рамках этой программы создан кукольный театр. Он предоставляет новые игровые возможности работы с книгой. Вместе с куклами маленькие читатели становятся участниками игр и кукольных представлений, знакомятся с книгами известных детских писателей. Программа построена преимущественно на сказочном материале. Театр сочетает две функции: воспитательную и развлекающую. Уникальной особенностью театра является то, что ведущая сама изготавливает куклы к каждому мероприятию. Любимец читателей – веселый и добрый гном Библиоша.

Праздником для многих екатеринбуржцев становятся ежегодные книжные фестивали, которые проводятся с 2008 года. В программе – мастер-классы для всей семьи, встречи с книгоиздателями, художниками и детскими писателями, книжное чаепитие, дискуссии по проблемам детской литературы. Встречи с екатеринбургскими детскими писателями – Ольгой Колпаковой, Светланой Лавровой, Еленой Ленковской, Олегом Раином, Александром Папченко и др. стали традиционными. Приезд уникальной финской группы «Рок-грызуны» стал событием для книголюбителей. «Рок-грызуны» во главе с доктором филологических наук, учителем финского языка Лари Котилайненом исполняли панк-рок с текстами, способными любого – даже взрослого – влюбить в книгу и сам процесс чтения. Знакомство с «учителем с ирокезом» Лари Котилайненом окрылило самых молчаливых – дети танцевали под рок-стихотворения, имитировали звуки домашних животных, озвучивая финскую сказку,

сравнивали, как о братьях наших меньших пишут финские писатели и как – российские [1, с. 10].

Библиотекари Свердловской областной библиотеки для детей и юношества сами идут в детские сады, понимая, насколько уникальны возможности детской библиотеки. Именно там формируются читательские интересы, а библиотека наряду с семьей, обществом и школой является местом рождения и формирования нового читателя. Она развивает умение жить в обществе, понимать его, пробуждает желание жить в гармонии, познавать и творить.

Сотрудничество с дошкольными учреждениями осуществляется при реализации программы «Дошколята на книжных островах». Это программа раннего развития, приобщающая детей младшего возраста к миру книг, раскрывающая и развивающая интеллектуальные способности маленьких читателей. Все занятия проходят в игровой форме: это литературно-познавательные игры, театрализованные музыкальные представления, сопровождаемые электронными презентациями. Малыши, играя, знакомятся с русскими народными сказками, потешками, песенками, считалочками, читают произведения любимых детских писателей (А. Барто, С. Михалкова, С. Маршака, Е. Благиной, И. Токмаковой, К. Чуковского). Начав посещать библиотеку с группой детского сада, приходя в библиотеку с родителями на семейный выходной, малыши становятся активными участниками различных библиотечных праздников.

Важнейшей и обязательной частью системы работы библиотеки с родителями является издание рекомендательных библиографических пособий. Они разнообразны по своему содержанию и способствуют развитию личности ребенка и организации семейного чтения. Это буклеты, закладки, памятки, рекомендательные списки, которые рассказывают родителям о книгах для семейного чтения, о новых детских журналах и о новинках по семейному воспитанию.

Изданные в библиотеке рекомендательно-библиографические пособия, как правило, являются личностными, исповедальными.

Для самых маленьких читателей библиотекари предлагают «Витаминки для роста», «Сто лучших книг для детей», «Книги на блюдечке», списки семейного чтения «Читаем вместе».

Свердловская областная библиотека для детей и юношества успешно осваивает виртуальное пространство, приглашает своих читателей на сайт библиотеки – <http://www.teenbook.ru>. Раздел сайта «На книжном-книжном море...» приглашает маленьких читателей в путешествие, где не будет скучно: «Быстрый катерок увезет вас в таинственную страну с остановками в порту Сказок, заливе Приключений, бухте Поэзии. Захочется отдохнуть? Добро пожаловать в уютную кают-компанию и просим обратить внимание на книги, поданные на блюдечке». Рубрика «Знай наших» знакомит с современными писателями Екатеринбурга, пишущими для детей; лучшие сайты для детей представлены в рубрике «Наутилус-Е».

И книжная выставка «переселяется» в виртуальное пространство. Использование флэш-анимации, интерактивных сервисов дает возможность представить события давно минувших дней ярко и необычно. Виртуальные выставки «Победа и Победители», «Космос – Forever!», «1812 год» посвящены великим историческим событиям. А в центре этих событий – «человек, чья жизнь – яркий пример служения своей стране. "Богатыри, не мы" будоражат воображение и вызывают неоднозначные чувства: восхищение, снисходительность, зависть, тоску. Примеряя на себя кафтан великого человека эпохи прошлого, убеждаемся: выбор не в нашу пользу. Великовато, мешковато и волочится по полу, подметая современную пыль. Но общество не может жить и развиваться без положительного героя» [4, с. 18]. Рассказ о великих полководцах, участниках Великой Отечественной войны, космонавтах – это рассказ о жизни «замечательных девчонок и мальчишек», которые когда-то тоже были детьми. Истории детства героев могут стать примером для подражания в смелости, воле, любви к жизни.

Многие современные родители являются активными пользователями Интернета. Библиотека должна быть «видимой» в виртуальном пространстве – участвовать в родительских форумах,

блогах, привлекать родителей и детей к сотворчеству. Для библиотечно-информационных технологий наступает новая эра развития и совершенствования благодаря новым реалиям современного интерактивного Интернета, когда читатели становятся не сторонними наблюдателями происходящих событий в библиотеке, а их активными участниками и творцами.

Библиотека в союзе с родителями, детскими писателями, дошкольными учреждениями, СМИ помогает маленькому читателю осваивать огромное книжное пространство и чувствовать себя в нем легко, уверенно и нескучно.

Литература

1. Клепикова, И. Секрет Муми–мамы : «урок чтения» от финского президента [Текст] / И. Клепикова // Област. газета. – Екатеринбург, 2011. – 26 окт. – С. 10.
2. Матлина, С. Г. Мобильное, реальное и виртуальное. Социо-культурные аспекты модернизации библиотечного пространства [Текст] / С. Г. Матлина // Библ. дело. – 2011. – № 21. – С. 9 – 15.
3. Матлина, С. Г. Библиотечное пространство: в поисках определения [Текст] / С. Г. Матлина // Науч. и техн. б-ки. – 2013. – № 7. – С. 3 – 20. – (Социокультурные аспекты).
4. Московская, М. Личность делает историю. К 300-летию М. В. Ломоносова [Текст] / М. Московская // Семья и шк. – 2012. – № 5. – С. 18, 19. – Рец. на кн.: Помощник царям : жизнь и творения Михаила Ломоносова / Ю. Нечипоренко. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 2011.
5. Тихомирова, И. И. Презентация книги «Добру откроем сердце, или Школа развивающего чтения (читаем, размышляем, выражаем в слове)» [Текст] / И. И. Тихомирова // Школ. б-ка. – 2012. – № 9/10. – С. 107 – 111 : 1 фот.

V Современный литературный процесс: размышления...

Селютина Е. А.

Кризис драмы как рода литературы в читательском сознании: ликвидация «слепых пятен» новейшей литературы в современной критике

Кризис чтения – проблема слишком многогранная, чтобы осветить ее в жанре статьи. Но, на наш взгляд, это еще и проблема, несколько отвлеченно существующая в общественном сознании. Уже закрепились определенные штампы, с помощью которых очень удобно представлять деградацию современного читателя как такового, в том числе и читателя молодого. Мы не раз становились свидетелями наивного восприятия данного вопроса и трансляции этого в публичных дискуссиях. Например, в апреле 2013 г. в Челябинской государственной академии культуры и искусств состоялась дискуссия по проблемам современной культуры с участием главы издательского дома «Новое литературное обозрение» Ирины Прохоровой. Одна из студенток задала Ирине Дмитриевне вопрос: «А почему современная молодежь так мало читает, а если читает, то выбирает не лучшие образцы литературы?». На что Прохорова вполне логично ответила: «Так вы мне и скажите!». Вопрос: почему представительница той самой молодежи однозначно уверена, что и читать стали меньше, и само наполнение условной читательской корзины стало однозначно поверхностным?

Другой пример, более давний, мое участие в 2007 году в одной из вечерних передач челябинского телеканала, где я выступала в качестве эксперта современной литературы. Один из первых вопросов, мне заданных, «Почему в современной литературе нет Чехова и Достоевского?», удивил изначальной установкой, которая предполагала, что в современной литературе совершенно нет авторов,

могущих считаться «вершинами русской литературы». Тогда нелогичной кажется популярность таких ресурсов, как «Флибуста – книжное братство», «Либрусек» и еще ряда подобных им, активность рекомендательных сервисов и статистика зарегистрированных пользователей, которая это отчетливо подтверждает [18].

Не вступая в дискуссию по поводу того, есть кризис или его нет, хотелось бы сказать, что есть области современной литературы, шанс которых вообще быть включенными в обсуждаемый вопрос ничтожно мал.

Среди активного продвижения книжной продукции на рынке есть «слепое пятно», зона, совершенно игнорируемая как основной массой критиков, так и основной массой издателей, а, следовательно, и читателей. И кажется, что известные каждому еще со школы три рода литературы – эпос, лирика и драма – вдруг из триады превратились в диаду, ничего, как будто бы, при этом не потеряв. Драма – «древнейший род литературы», по мнению одних (А. Веселовский), по мнению других – «венец искусства» (Г. Гегель, В. Белинский) с момента зарождения самой науки об изящной словесности, всегда находившаяся в поле зрения всех интересующихся литературными новинками, на сегодняшний день находится на периферии чтения как такового.

Конечно, этому есть объяснение в самой природе этого рода литературы: драма – искусство изначально синтетическое, предназначенное не только для чтения, но и для сцены. Поэтому большинство литературных новинок в области драматургии верифицируется сценой (поставлено) или драматургическими конкурсами (прочитано со сцены). Но главная, на наш взгляд, проблема – это отсутствие веры издателей, редакторов в то, что драматургия способна привлечь читателя, что драматургический текст способен быть самодостаточным и вызывать интерес не только своей сценической интерпретацией.

Так, например, уже не первый год актуальные и популярные журналы предпринимают попытки создать панораму художественной словесности условно взятого периода (сезон, год). Сре-

ди таковых – спецномера журнала «Сноб», «Русский репортер», «Русский пионер». На наш взгляд, об этих проектах можно говорить как о возвращении жанра антологии, ушедшей на периферию литературного развития в последние годы. Об этом говорит и критик Валерия Пустовая [16].

Особенно показательна регулярность такой активности у журнала «Сноб»: выходят специальные литературные «Пляжные номера» журнала «Сноб» – июль-август 2009, 2010 года, его спецномера «Все о моем отце» (декабрь 2010), «Все о Еве» (июль 2011), «Красная стрела» (декабрь 2011 – январь 2012), «Ночь» (июль-август 2012), новогодний номер, посвященный Чарльзу Диккенсу, «Рождественская песня» (декабрь 2012 – январь 2013), литературный номер за июль-август 2013 года – «Все о моем доме». Некоторые из них изданы отдельными книгами (издательство АСТ в 2011 году выпустило «Все о моем отце», а в 2012 – «Все о Еве»; книги вышли тиражом 5000 экземпляров). И ни один из указанных проектов не включил в свои замечательно иллюстрированные издания пьесы современных авторов, многие из которых вполне могли бы претендовать на соответствие теме номера или основной задаче – увлечь отдыхающего на пляже.

Анализируя редакционную политику «толстых» литературных журналов, мы видим примерно ту же картину. Существуют спецпроекты, посвященные, например, региональной литературе (например, «Октябрь», 2008 № 10 посвящен Казани и казанской литературе), есть тематические номера (например, «Иностранная литература», 2013, № 5 – «Круговорот масок: мистификация или фальсификация?»), но нет спецномеров, которые включили бы современную драматургию в контекст обсуждения «портрета современника» или «больных вопросов современности», не выделяя ее в отдельное «родовое гетто», а то и вовсе стирая этот род литературы из сознания человека, следящего за литературными новинками.

Здесь мы не говорим о журналах узкой направленности, таких как «Современная драматургия» или «Театр», которые, безусловно, говорят о драме, но как раз вычлняя ее, за редким исключением, из общего литературного процесса. Высказывани-

ям о драме придается особый статус, т. к. апелляция к авторитету, академичности «толстого» журнала выводит предположение о предмете на уровень его концептуализации и теоретизации.

Между тем драматургических новинок выходит достаточное количество, причем среди них не просто интересные, а, можно сказать, знаковые произведения². Однако их обсуждение в узко-профессиональной научной сфере существенно обедняет само поле читательских возможностей. Между тем если воспринимать драматургию в контексте театрального процесса, окажется, что поле верификации явления достаточно широко, т. к. задействованы практически все каналы медиасреды (ТВ-выступления, интернет-публикации, интервью для «глянцевых» журналов типа «Афиша» или «Русский репортер» и т. п.).

Ситуация тем более странная, что новейшая российская драматургия как особый феномен литературы осмысливается теоретиками явления около десяти лет. Именно период «нулевых годов» считается прорывом в актуализации современной драматургии в среде читателей и зрителей: «драматургия понемногу расстается с ролью золушки, в которой прозябала все постсоветское время» [5]. Одновременно сформировался устойчивый интерес к этому явлению в научной среде, т. к. вопрос о современной драматургии – один из интереснейших для современной науки. До сих пор нет общего мнения, какой методологией мы должны пользоваться при анализе, каким образом типологизировать все

² Назовем лишь некоторые, вышедшие за последние десять лет: Арабески. Пьесы уральских авторов. Ред.-сост. Н. В. Коляда. – Екатеринбург, 2000; Братья Пресняковы. Thebest: Пьесы. – М.: Изд-во Эксмо, 2005; Вырыпаев И. 13 текстов, написанных осенью. – М.: Время, 2005. Вырыпаев И. Июль. – М.: Коровакниги, 2007; Гришковец Е. Как я съел собаку и другие пьесы. – М.: Зебра/Эксмо/Деконт+, 2003; Гришковец Е. Зима. Все пьесы. – М.: Эксмо, 2004; Документальный театр. Пьесы. – М.: «Три квадрата», 2004; Дурненков В. Е., Дурненков М. Е. Культурный слой: Пьесы / Составитель К. Ю. Халатова. – М. Изд-во Эксмо, 2005; Исаева Е. Лифт как место для знакомства: Пьесы / Составитель К. Ю. Халатова. – М.: Эксмо, 2006; Клавдиев Ю. Собирает пуль и др. ордали. – М.: Коровакниги, 2006; Новая драма: [пьесы и статьи]. – СПб.: Сеанс; Амфора, 2008; сборники премии «Дебют», конкурса «Премьера», конкурса «Действующие лица», сборники пьес-финалистов драматургических конкурсов «Евразия», «Любимовка».

то многообразии жанровых, стилистических явлений, которые новую драму представляют. Как пишут критики В. Забалуев и А. Зензинов, «после десятой "Любимовки" репертуар современной российской драмы можно назвать безбрежным. Такого разнообразия – жанрового, тематического, идеологического, формального – русская драма никогда прежде не знавала» [8, с. 128].

Именно поэтому некоторые критики современной драматургии поставили перед собой конкретную задачу не просто анализа произведений различных драматургов, а именно преодоления этого разрыва, который существует в представлении, например, новинок прозаического рода и новинок драмы. И пусть пока разговор идет в основном в среде профессионалов, площадкой для высказывания становятся «толстые» литературные и научные журналы, сама интенсификация изучения в какой-то момент должна спровоцировать расширение сферы познания в данной сфере.

На наш взгляд, можно говорить о формировании особой концептосферы (Д. С. Лихачев) «современная российская драматургия», способах манифестации ее принципов, определении семантических доминант ее репрезентации в научной критике и в более широком поле медиасреды, которая на современном этапе выполняет функцию «трансляции культурных кодов» [13].

На формирование концептосферы «современная драматургия» особое влияние оказывают непосредственные участники театрального процесса, выступающие со статьями, которые фактически можно атрибутировать как манифесты «новой драмы». В результате в научных и популярных высказываниях формируется серия неких культурных констант, концептов, стремящихся к универсализации, позволяющих многократно и многообразно транслировать знание об отечественной драматургии конца XX – начала XXI века. Д. С. Лихачев полагал, что именно многократность употребления концептов позволяет сформироваться особому ассоциативному полю, в пределах создающему «культурную память» нации [14, с. 4]. В нашем случае речь идет и о «вертикали», и о «горизонтали» концептов, составляющих концептосферу «современная драматургия»: такой подход к концепту пред-

лагают Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин [1, с. 57]. Десятилетний период позволяет анализировать не только стабильность понятийного ряда исследуемого явления, но и эволюцию основных и периферийных значений отдельных концептов.

В этом смысле особо действенны усилия критиков Владимира Забалуева и Алексея Зензинова, которые последовательно, в течение последних десяти лет формируют семиосферу новейшей российской драматургии, как раз пытаясь показать, что «человек действующий» может быть репрезентативным в отношении многих вопросов, которые стоят перед современной цивилизацией.

Их критические выступления в «толстых» литературных журналах и в популярных медиа на протяжении длительного срока (в поле нашего внимания статьи, вышедшие с 2003 по 2012 годы в журналах «Современная драматургия», «Новый мир», «Октябрь», «Театр») позволяют сформировать теоретическую модель понятия «новая драма», показать, как наполняется концептосфера «современная драматургия». Статьи имеют, безусловно, программный характер, т. к. призваны обновить ядерное значение понятия «современная драматургия», преобразовать научное поле ее осмысления. В поле зрения авторов – анализ нарративности новой драмы, типы героев, жанровые модификации современных пьес, многочисленные способы ее презентации и возникающий в результате мультимедийной характер современного театра, «школы» российской драмы. Главная цель критических выступлений – канонизация вербальной стратегии и метода. В статьях Забалуева-Зензинова реализуется один из основных научных принципов – системность подхода к явлению «новой драмы».

Взгляд Забалуева-Зензинова особо ценен тем, что они являются «инсайдерами» процесса, который теоретизируют, выступая одновременно и в роли драматургов (см. их проекты «Красавицы.doc», «Человек.doc», «Русские, они такие...» и др.), и в роли критиков, в том числе и собственных драматических текстов. В их статьях происходит институционализация «новой драмы» как особого направления в современной литературе, имеющего свои «школы» и «течения».

Для нас важен тот факт, что любой текст определенной тематики является частным вариантом концептуализации явления, поэтому необходимо рассматривать точку зрения, представленную в их статьях, как частное мнение, интенсифицирующее общие смыслы концептосферы. Эту особенность формирования смысла концепта отмечают европейские теоретики: В. Зусман, исследуя концепт, приводит в пример статью из «Longman Dictionary of Contemporary English», где «концепт» определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано». Возникает неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. При всей абстрактности и обобщенности этого «некто» вместе с ним в «концепт» входит *потенциальная субъективность*» [12].

Забалуева-Зензинова интересуют не только вопросы поэтики «новой драмы», но и ее эстетика, идеология и прагматика: «Для современного театра понятие "конвенции" как нельзя актуально. Способ создания и восприятия "новой драмы" отличается от того, который был предложен предыдущей драматургической практикой, более всего озабоченной не столько художественными, а скорее идеологическими задачами» [6, с. 164].

Драматурги говорят о «своем поколении», о взгляде представителей этого поколения на цели «новой драмы» и их реализацию в конкретных текстах, а также на фестивальных показах: «в области культуры именно субъективная оценка – реальность» [8, с. 130]. По их мнению, явление «новой драмы» гораздо шире, чем просто появившиеся новые тексты и фестивали для их презентации – речь идет о создании особой «культурной среды», следовательно, особой аксиологической парадигмы и новой концептосферы. В их статьях происходит конструирование собственной идентичности новейшей драматургии: «Новая драма окончательно перестала быть механической суммой энного количества имен (драматургов, писателей, актеров, продюсеров), а превратилась в широкое движение, где судьба отдельной персоны ничего принципиально не значит» [8, с. 131].

Отправная точка рассуждений авторов – манифестирование положения современной драмы как важнейшего из родов литературы: «Сегодня главным форматом, квинтэссенцией литературы, как это уже было когда-то, на заре европейской словесности, стала драма, причем в ее первоначальном, до-эсхилевском и до-аристотелевском понимании» [9]; «Новая драма – это универсальная модель существования литературы, территория, а лучше сказать – практика свободы для смежных и не только смежных искусств. На читках, спектаклях, поэтических представлениях и рэперских тусовках заново осознается и выстраивается матрица ценностей» [9].

Исследователь функциональности литературной критики Б. Менцель отмечает, что подобного рода изменения в эстетических парадигмах, «споры о нормах и системе культурных ценностей» всегда отмечаются и конфликтом поколений [15].

Именно поэтому одним из главных приемов манифестации принципов «новой драмы» у авторов является четкое размежевание понятий «новое» – «старое» и «свое» – «чужое», выведение их на уровень концептов. Создание таких рядов бинарных оппозиций – прием, достаточно распространенный в критике, так как позволяет выстроить систему координат с максимально четким размежеванием одобряемых или не одобряемых подходов к созданию драматургического текста, а также внедрения его в театральную среду. Сам тон определения новых ориентиров в противовес старым – максимальная категоричность, императивность, яростная полемика с традиционным способом осуществления театральной практики в репертуарном театре с его разветвленной системой должностей, вроде режиссера, заведующего литературной частью и т. п.

С концептом «старое» соотносятся понятия, обладающие негативными коннотациями: «идеологичность» [11]; «репертуарность», обусловившая сравнение театра с музеем восковых фигур и разветвленной сетью колумбариев для культурного праха советского большого стиля и т. д. [3; 9]. Характерно, что наиболее часто используемый прием в данном случае – ирония.

Иронический пафос, в противовес серьезности постулирования принципов «новой» драмы, является основным для семантического ядра концепта «старое» и используется, в том числе, для организации последующей полемики: «Искусство, погрязшее в пустопорожном переливании интерпретаций из одного сосуда в другой, помочь своему зрителю – увы! – не в силах» [4, с. 205].

Особенно показательна в этом смысле статья «Новая драма как драма нового» для журнала «Театр», которая подводит предварительный итог к тому времени почти пятилетним экспериментам фестиваля «Новая драма», а также более чем десятилетним – фестиваля «Любимовка» [8, с. 128]. Основной прием статьи – свертывание полемики вокруг качественных исследований новейшей драматургии в театральной критике к тезисам, ее стереотипизирующим, и дальнейшее формулирование картины «от противного»: «Современная драматургия чернит действительность»; «Современные пьесы в подметки не годятся классике»; «Пьесы современных авторов несовременны и отдают эпигонством» [там же, с. 128] и т. п. Создается поле актуальной дискуссии, показывающей, что происходит постепенное семантическое наполнение поля современной драматургии: «Подобная реакция – отражение глубокой внутренней ломки общества, а значит, и представлений отдельного человека. Ломки особенно мучительной от осознания, что радикальное обновление культуры – необратимо, и противостоять этому мы не в силах. <...> Через пару десятков лет то, что вызывало столь глубокое и яростное внутреннее сопротивление, станет общепринятым» [там же, с. 129].

Именно поэтому составляющие концепта «новое» – это круг понятий, введенных «вопреки» устоявшемуся мировоззрению представителей театральной среды (например, «вербатим вывел на сцену коллективного героя вопреки общественному мнению и общественному вкусу» [3]). В ядре концепта «новое» оказываются понятия «с нуля» [4; 11]; «катастрофизм [3]»; «открытость» [9]; «маргинальность»; [9]; «революционность» [4; 9]; «правдивость» [3]; «новаторство» [4]. Особую ценность новейшей дра-

матургии авторы видят именно в ее маргинальности, нестабильности, пограничности, т. к. именно такое положение формирует повышенный интерес к ней у современного зрителя.

Этот конфликт «старого» и «нового» подтверждается и вынесением в сильные позиции текста – заголовки и подзаголовки – знаковых для теоретизации «новой драмы» лексем, отражающих не только концептуальный, но и эмоциональный уровень текста. Здесь основное значение часто выражается в категориях предикативности (глаголах, прилагательных, наречиях, а также существительных с предикативной семантикой): «Нашествие», «Нас не догонят», «Ответственность» [8, с. 129, 130, 131], «Потребность в актуальном» [9], «Что-то вроде манифеста» [6, с. 167]. Этот уровень организации текста отражает основную концепцию авторов статей, связывают их с адресатами текста.

Этой же цели служит еще одна особенность критических выступлений авторов – четкая прагматика их текстов, создание перспективы проблемы и возможности «обратной связи». Для этого Забалуев и Зензинов актуализируют идею темпоральности как способа верификации явления: традиционный зачин их статей, как мы уже указали выше, это дистанцирование от предыдущих поколений драматургов и дальнейшее развертывание собственной ценностной системы. В финале же авторы, напротив, излагают мысль о том, что только время способно определить их правоту/неправоту («поживем – увидим»), т. е. постулируют мысль о спорном месте всего происходящего в современной драматургии на условной временной шкале. Этот прием остается константным для их творческого метода, не меняется с течением времени. Сравним, например, финалы статей разных лет: «В этой примечательной фразе есть одна неточность – ничего еще не расписано: ни финал, ни действие, ни роли. И новая российская драма будет точно также творить историю, как история творит новую российскую драму. Гул затих. Новая драматургия выходит на подмости» [8, с. 131]; «Драматургический бум в России совершенно закономерен и неизбежен. Возможно, пройдя полный цикл, театр начала следующего столетия окажется в том же типич-

ке, в котором пребывают сегодня художники. Но это будет уже другая история» [6, с. 167]; «Почва для серьезных размышлений о социальной драме распахана. Дело – за теоретиком-сеятелем» [10, с. 168]; «Возможны открытия, возможны провалы, возможны любые неожиданности. Но это, как мы надеемся, тот случай, когда движение вперед само по себе – часть результата» [3].

Если общей темой статей Забалуева–Зензинова мы можем считать «новую драму»/«современную драму» вообще, то в качестве главной темы в их статьях выступает обоснование вербатима как метода и направления отечественной драматургии новейшего этапа ее развития. Критики разрабатывают положения конвенции о возможных подходах к российскому вербатиму. Здесь основные положения концепта «новое», обоснованные серией критических выступлений, получают конкретное методологическое воплощение: документальность, революционность, социальность, жизненность, в полной мере воплощены именно в этом жанре: «Есть особое пространство, где законы реальности временно не действуют, этакий оффшор воображения – с минимальной налоговой нагрузкой повседневного. Театр. И вдруг в этом, казалось бы, рассаднике иллюзорного зрителям делают прививку документального, давая возможность на час-полтора погрузиться в невыдуманную, но сыгранную по законам искусства жизнь» [3]; «Вербатим, который поначалу рассматривали как драматургический метод, предполагающий, что автор-составитель текста всего лишь дословно фиксирует речь своих будущих героев, стал революционным эстетическим движением. Вербатим взял на себя роль не только свидетеля и очевидца, но и судьи сегодняшнего времени, вынося приговор: "Правда – неправда"» [2].

В данный момент критики начинают фиксировать своеобразный кризис победившей парадигмы, когда некогда маргинальное явление вербатима постепенно заняло место «мейнстрима»: «Вербатим пошел вширь – и начал терять энергетику как авангардный метод. Изменился сам характер споров о новодраматических текстах» [3]; «Вербатим не только описывал реальность –

он разрушал ложные догматические представления о меняющемся мире. Теперь же, когда документальным театром заинтересовались в "театрах с колоннами", возникает желание как-то замедлить эту экспансию, хотя бы потому, что сетевое, коллективное сознание не успевает отреагировать на новые вызовы, а идеология описания-разрушения уже недостаточна» [3]. Подобный механизм литературной эволюции был зафиксирован еще Ю. Тыняновым, который говорил о том, что при утверждении одной художественной стратегии, «системы», в какой-то момент наступает пора ее «автоматизации», и, как следствие, на первый план должна выйти периферийная линия, происходит «смена систем» [17, с. 278]. Критики фиксируют постепенную трансформацию концепта «новое» и эволюцию его наполнения в связи с определенившимися художественными стратегиями в новейшей российской драматургии.

Таким образом, можно говорить о том, что в статьях В. Забалуева и А. Зензинова реализуются основные функции критики – аналитическая, оценочная и прогностическая. Взгляд «изнутри» на «новую драму» и субъективность ее оценки позволила авторам личные «вкусные» предпочтения вывести на уровень теоретизации, выделив базовые концепты современной драматургии как особой сферы смыслов, систематизировать явление, показать, как формируется не просто особый метод в новейшей литературе, но и ее аксиологическая парадигма. За счет особого поля размещения мнения («толстый» журнал), частная оценка интенсифицировала смыслы общего поля концептосферы «современная драматургия». На наш взгляд, критики предприняли системную попытку ликвидировать «слепые» пятна современной литературы. Иногда их заявления категоричны, выводят драматургию на позицию «самого важного рода литературы», но очевидно, что интенсификация самого разговора приводит к осознанию важности этой области литературного творчества.

Несмотря на все вышесказанное, очевидно, что усилий, предпринимаемых критиками, явно недостаточно. И на наш взгляд, ликвидация обособленности драмы как рода литературы явля-

ется одной из важнейших задач исследователей и популяризаторов современного литературного процесса. Кризис чтения, явный в данной родовой сфере, преодолеть необходимо.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] : учебник- практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва : Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
2. Забалуев, В. Былое без дум [Электронный ресурс] / В. Забалуев, А. Зензинов // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2012. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2012/5/z28.html. – Дата обращения: 15.06.13.
3. Забалуев, В. В поисках несуществующей сущности. Возвращение героя в театральное пространство [Электронный ресурс] / В. Забалуев, А. Зензинов // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2011. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2011/3/za7.html. – Дата обращения: 15.01.13.
4. Забалуев, В. Время вербатима [Текст] / В. Забалуев, А. Зензинов // Современ. драматургия. – 2004. – № 1. – С. 202 – 206.
5. Забалуев, В. Информационная традиционалистка [Электронный ресурс] / В. Забалуев, А. Зензинов // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2007. – Режим доступа: magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/2/zz17.html. – Дата обращения: 15.06.13.
6. Забалуев, В. Между медитацией и «ноу хау» [Текст] / В. Забалуев, А. Зензинов // Современ. драматургия. – 2003. – № 4. – С. 163 – 167.

-
7. Забалуев, В. Несть режиссера и драматурга [Текст] / В. Забалуев, А. Зензинов // Современ. драматургия. – 2004. – № 2. – С. 177 – 182.
 8. Забалуев, В. Новая драма как драма нового [Текст] / В. Забалуев, А. Зензинов // Театр. – 2003. – № 4. – С. 128 – 131.
 9. Забалуев В. Новая драма: практика свободы [Электронный ресурс] / В. Забалуев, А. Зензинов // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2008. – Режим доступа: magazines.russ.ru/povuy_mi/2008/4/za14.html. – Дата обращения: 15.06.13.
 10. Забалуев, В. «Новая драма»: российский контекст [Текст] / В. Забалуев, А. Зензинов // Современ. драматургия. – 2003. – № 3. – С. 162 – 168.
 11. Забалуев, В. Verbatim [Электронный ресурс] / В. Забалуев, А. Зензинов // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2005. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2005/10/za7.html. – Дата обращения: 15.06.13.
 12. Зусман, В. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] / В. Зусман // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2003. – Режим доступа: magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html. – Дата обращения: 15.06.13.
 13. Кузьмин, А. М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества [Электронный ресурс] / А. М. Кузьмин // МГИМО Университет : [портал МГИМО] / МГИМО Ун-т МИД России. – [Москва : МГИМО], сор. 2008–2013. – Режим доступа: www.mgimo.ru/publications/?id=215690. – Дата обращения: 29.09.13.
 14. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3 – 10.

-
15. Менцель, Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп [Электронный ресурс] / Б. Менцель // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2003. – Режим доступа: magazines.russ.ru/nz/2003/4/ment.html. – Дата обращения: 15.06.13.
 16. Пустовая, В. Снобы скопом («Сноб»: Все о моем отце; «Русский пионер»: Сказки) [Электронный ресурс] / В. Пустовая // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. куратор С. Костырко. – М. : [б. и.], 2011. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2011/4/ru16.html. – Дата обращения: 06.06.13.
 17. Тынянов, Ю. Н. О литературной эволюции [Текст] / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Тынянов Ю. Н. – Москва : Наука, 1977. – С. 270 – 281.
 18. Флибуста. Книжное братство [Электронный ресурс] : независимый библиотечный ресурс [сайт] / администратор сайта и б-ки Jolly Roger. – [Б. м. : б. и.], сор. 2009-2013. – Режим доступа: flibusta.net. – Дата обращения: 06.06.13.

Агрессивная экспертная критика Виктора Топорова

*В литературе я не доктор Живаго.
И уж подавно не добрый доктор
Айболит. Я доктор Хаус.*

Виктор Топоров

Современная литературная критика находится в ситуации «идентификационного кризиса» [2, с. 6]. Время острейшей журнальной борьбы, когда литературно-критические статьи вызывали не меньший отклик, чем художественные произведения, закончилось. Появились суждения о том, что современное критическое сообщество «аморфно, анархично и живет своей отдельной жизнью» [3]. Все эти процессы во многом обусловлены разложением идеологической составляющей критического мышления. В современном литературно-критическом процессе мы наблюдаем: 1) стилистически выдержанную критику «толстых» журналов, целью которой по-прежнему является интерпретация и эстетическая оценка литературных явлений; 2) прагматически ориентированную критику сетевых и «глянцевых» изданий, рассматривающую читателя как потенциального потребителя «литературного продукта»; 3) субъективную критику, целью которой является не литература, а саморефлексия критики как деятельности. Представителем субъективной критики является Виктор Топоров.

У Виктора Топорова устойчивая репутация «литдебошира». Для питерского критика не существует устойчивых литературных репутаций, он постоянно подчеркивает свою независимость, честность и неангажированность, не стесняя себя рамками речевого приличия. В. Шубинский подчеркивает психологическую основу провокационных публикаций Топорова: «как многие поэты-переводчики, <...> Топоров не находил в рамках профессии выхода своим творческим амбициям и общественному тем-

пераменту» [24]. Р. Арбитман видит в скандальных инвективах питерского «профессионального литбуяна» прагматический расчет. «Бесцеремонность тона, обилие интимных подробностей жизни питерского писательско-переводческого бомонда привели проект "Топоров" к коммерческому успеху» [1, с. 225]. В. Левенталь видит причину в особом состоянии современной литературы как «игры без правил». Топоров «своим безапелляционным хамством лишь напоминает всем присутствующим, что все эти правила и не правила вовсе, что правило – и в жизни, и в литературе – есть только одно <...> кто талантливее, тот и прав» [4]. Все три причины – психологическая, прагматическая и литературная – взаимосвязаны. Критика Топорова являет собой один из способов (само)реализации в современной культурной ситуации и не является чем-то уникальным в истории литературной критики. Вполне уместна параллель: В. Топоров – В. Розанов. В начале XX века критика Василия Розанова вызвала не меньшее негодование. «Литературный пошляк», «инквизиторствующий кликуша», «гнилая душа» – эти и подобные им определения сопровождали каждое выступление Розанова. Корней Чуковский обвинял критика в «короткомыслии». Для читателей же критика Розанова была безусловно интересна своей открытостью, чуткостью к национальным русским проблемам. Благодаря Розанову широкому читателю стали известны Аполлон Григорьев, Николай Страхов, Константин Леонтьев, Николай Данилевский и многие другие, «забытые» реальной критикой имена. Стремясь к обретению максимально широкой аудитории, Розанов говорил, что он пишет «во всех направлениях», и сотрудничал в изданиях противоположной направленности. Подобное стремление мы находим в литературно-критической деятельности Топорова, публиковавшегося и в прохановском «Завтра», и в либеральных изданиях. Однако популярность Топорова всё же несопоставима с популярностью Розанова. В нигилизме Топорова отчетливей видны, скорее, писаревские черты.

Не ставя себе задачей описать всю литературно-критическую деятельность Виктора Топорова, мы ограничимся вопросами о

способах интерпретации, используемых критиком, и основанной на этих способах литературно-критической стратегии. Предметом изучения стали публикации В. Топорова в электронных изданиях «Частный корреспондент» (www.chaskor.ru), «Фонтанка» (www.fontanka.ru), «812`Online» (www.online812.ru). Нами было проанализировано 19 публикаций с 2007 по 2013 г. Отметим жанровую однородность рассматриваемого материала. Это газетная критика, главными особенностями которой является небольшой объем текста (2–4 страницы), использование экспрессивных текстовых средств, тематическая актуальность и злободневность. Адресатом газетной критики является массовый читатель, хотя отдельные фрагменты критических статей Топорова адресованы профессиональному критическому сообществу и конкретным критикам.

Восприятие критики Топорова обычными читателями положительное: «Ясный, точный и полезный анализ» [18]; «топоровская критика часто интереснее текста, о котором идёт речь» [16]; «Топор, не устану повторять, остёр и блестящ» [17]; «славно пишет толстунишка Топоров» [10]. В более развернутых суждениях, высказываемых в комментариях к статьям Топорова, появляются мысли о том, что оценка произведения во многом обусловлена образом, маской агрессивного критика: «Топоров быть как все не может в принципе, а все против Колядиной. Хвалить Колядину не за что. Так что остается обругать всех скопом и гордо удалиться. Жаль, когда человек настолько вырастает в образ» [7]. Раздражают читателей излишне комплементарные эпитеты, используемые Топоровым: «Что касается книг Лорченкова у меня было желание его почитать, но Топоров отбил это желание, его эпитеты "Второй Пелевин" или молдавский Маркес, мне кажутся сомнительными, как скажем криворожский Гессе или тульский Роб-Грийе» [15]. Топоров интересен обычному читателю сетевых изданий тем, что вызывает желание поспорить, высказать свое мнение: «Мне нравится, хотя автор, по-моему, кругом неправ» [14].

Представители критического цеха относятся к Топорову строже: «Когда Топоров пытается действовать в традиционном для критики поле и особенно реализовывать какую-то положительную литературную программу, заметного результата он не достигает <...> как аналитик текста, особенного поэтического, Топоров до комизма беспомощен <...> я совершенно искренне считаю Виктора Топорова блестящим литературным фельетонистом» [3]. Критик Глеб Морев считает, что стратегия Топорова – примитивная провокация: «Середина нулевых в России оказалась отмечена резким огрублением тона общественно-политического разговора. Власть сочла неэффективным дискутировать с оппозицией – и системной, и особенно несистемной – на языке логики и аргументов, внятных смыслов и концепций. Договариваться более не входило в ее задачи <...> В медиа пришли гопники – с гопнической же манерой высказываться <...> получил наконец выход к широкому читателю Виктор Топоров – прежде провинциальный скандалист из Петербурга. Все его незамысловатые приемы – переход на личности, сосредоточенность на литературном быте, а не на литературе, дозированный антисемитизм и, наконец, просто незамысловатый базарный тон – как нельзя лучше соответствовали новому тренду» [5]. Топоров нужен изданиям, считает Г. Морев, как повод для оживления ресурса.

Вероятно, поэтому самой заметной чертой стиля Топорова является повышенная экспрессивность. В статьях встречается эмоционально окрашенная окказиональная лексика (*боллитра* – большая литература, *блохосфера*, *писатели-недополучатели* литературных премий), сниженная разговорная лексика (Пелевин «*втюхивает*» свои романы читателям, «Бодрунова – это, конечно, *атас*»), неоднократны примеры использования обценной лексики (например, в статьях «Бугага за Говняным лугом» или «Запомните это чудовищное имя»). Экспрессивно выразительные заголовки статей отражают представление Топорова об адресате его текстов: «Всем зачот», «Запомните это чудовищное имя», «Ослиные уши фантастики». Оскорбительный характер носят характеристики, даваемые Топоровым современным лите-

раторам. Валерий Попов «про Толстого ничего не знает, да и не читал его, да и вообще никого и ничего не читал, потому что чукча не читатель, написано у него на лице» [18]. Д. Быков — «человек чрезвычайно разнообразных, но, увы, вторичных, имитационных способностей» [13]. Саратовский литератор Р. Арбитман — «плодовитый, как кролик» [21]. Главный редактор журнала «Новый мир» — «курьер, доросший до должности помощника библиотекаря» [11]. Примеры эти можно множить. В каждой публикации Топорова «достаётся» какому-нибудь писателю или критику. В рассмотренных нами публикациях Топоров лишь дважды дал положительную оценку современным литераторам: поэту Всеволоду Емелину («Выйти из гетто», «О феномене тандема — Дмитрий Быков плюс Михаил Ефремов») и прозаику, скрывающемся под псевдонимом Фигль-Мигль («Запомните это чудовищное имя», «Фигль-Мигль, дубль два»). Емелин демонстрирует «процесс упрощения читательских предпочтений»: от чтения стихов Бродского и Кушнера современные интеллектуалы перешли к Пригову, Кибирову и Емелину. Поэт Емелин в трактовке Топорова — это «медиум», устами которого говорит «улица безъязыкая».

Фигль-Мигль — автор «изысканно и виртуозно написанных философских романов в оболочке антиутопии», противостоящих петербургской «(говно)фантастике». Топоров хвалит роман, который «читал в рукописи и всячески ратовал за его издание» в издательстве «Лимбус Пресс». Поэтому ни оскорбительный псевдоним — Фигль-Мигль, ни претенциозно-нелепое заглавие — «Щастье», ни двусмысленный слоган, помещенный на обложке книги, не способны оттолкнуть читателя от этого произведения. Помимо престижного издательства (в котором, кстати, Топоров работал главным редактором), успех книге обеспечат, по мнению критика, «фантазмагорический Петербург» и «кулуарные сетевые восторги».

Рассказывая о романе «Щастье», Топоров выступает в роли литературного эксперта. Отсюда однозначность оценок, подчеркивание особой близости к литературно-издательским делам. Как бы попутно читателю внушается мысль о значимости

издательства («Данная фирма веников не вяжет, а если вяжет – то фирменные»), допустившего лишь один просчет (публикация книг «российского Артура Хейли» – Ильи Штемлера), о вторичности российской фантастики (книги «для младших научных сотрудников советских НИИ» [9]). Грубость (вплоть до использования обценной лексики и намеков на национальность авторов) и бездоказательность критики также подчеркивают особый статус Топорова, статус эксперта. Свою эрудированность эксперт Топоров демонстрирует в провокационно-ироничных замечаниях вроде упоминания «жидов города Питера» (так он именует братьев Стругацких). «Жида города Питера, или Невеселые беседы при свечах» – фантастическая пьеса братьев Стругацких. Фраза, вынесенная в заголовок пьесы, перекликалась с фразой, с которой начинались тексты фашистских листовок («Жида города Киева!»). Такое метафорическое сближение подчеркивало антиутопические мотивы пьесы. Топоров, саркастически упоминая это произведение, устраняет гротескно-драматический подтекст.

В заголовке статьи Топорова («Запомните это чудовищное имя») выражена стратегия эксперта – несуразный псевдоним Фигль-Мигль нужно запомнить потенциальным потребителям продукции издательства «Лимбус Пресс». Эксперт не просто высказывает мнение, своими суждениями он заставляет принимать решения. Этой же цели служит кольцевая композиция статьи: начиная с описания обложки книги, эксперт заканчивает призывом запомнить имя с обложки.

«Экспертный» подход демонстрируют и другие публикации Топорова. Так, в четырех статьях, посвященных «Литературной матрице» (альтернативному учебнику, написанному писателями), оцениваются не сами статьи, а авторы, их написавшие. Роман Сенчин написал главу о творчестве Леонида Андреева. «Вот тебе и рассказ о семи повешенных и одном уволенном с милицейской службы в вытрезвителе!», – завершает свой «разбор» этой главы учебника Топоров [19]. В статьях о «Литературной матрице» Топоров воспроизводит ситуацию воображаемого экзамена, который «сдают» современные писатели.

«Отвечает Людмила Петрушевская. У неё Пушкин. О котором что и сколько ни скажи, всё будет мало и всё неправда. Студентка подседа к столу в шляпке; она волнуется, говорит путано и коряво. Время – день. Даже, строго говоря, утро. Поэтому без колебаний ставлю Людмиле Стефановне отлично и отпускаю её с миром» [18]. (Отметим, что подобные «игровые приемы» встречались в критике «Мефистофеля николаевской эпохи» Осипа Сенковского). В изображенной ситуации позиция «профессора», по определению, выше позиции «студента», что позволяет «профессору» высказывать однозначные (зачастую бездоказательные) суждения. Так, Ольга Славникова (оказавшись на «экзамене» Топорова) продемонстрировала в своем ответе (статья, посвященной творчеству Набокова), что она совсем не понимает Набокова как романиста: «центральным произведением русской прозы В. В. у неё становится "Дар", а отнюдь не "Подвиг", что было бы правильно, и не "Приглашение на казнь", что было бы допустимо» [20].

Однако добрый «профессор» ставит «всем зачет», отмечая лишь один главный недостаток «Литературной матрицы» – «чрезмерное внимание к поэтам», авторам статей. «Современных поэтов самих нужно втаскивать за уши в информационное пространство, а не ввозить на их плечах тех или иных классиков <...> Меж тем сверхзадача двухтомника вроде бы заключается именно в том, чтобы одна dream-team поведала нам о другой» [20]. Это оценка эксперта, а не литературного критика.

Такой же экспертный подход находим в статье, посвященной проекту «Гражданин поэт». Успех проекта Д. Быкова и М. Ефремова Топоров объясняет «удачным» запретом программы на канале «Дождь», талантом великолепного актера М. Ефремова, а также «атавистическим интересом» «к великой русской и замечательной советской поэзии». Описывается не сам «продукт», а внешние условия его бытования. Д. Быков в трактовке Топорова – «пухлощекий девятилетний наглый Додик, сочиняющий шуточные вирши», которого «добрые дяди» Витя Шендерович и Игорь Иртеньев научили смешить других «дядь и тетя» и уго-

стили «чем-нибудь жирненьким, сладеньким или соленьким». Они раньше и «сами так умели, причем весьма недурно, вот только с годами как-то подрастеряли былую луженость желудка, а может, и аппетит» [13]. Никакой оценки содержательной стороны стихов Д. Быкова не дается. Эти стихи плохи, поскольку плох автор. Именно поэтому «Дмитрий» превращается в «Додика». Попутно читателям внушается мысль о наступившем творческом бессилии «ироничных поэтов».

Эксперт, в отличие от критика, не способен вести конструктивную полемику с оппонентами. Это наглядно продемонстрировано в статьях «Соколы сидят орлами» и «Бугага за Говняным лугом». В своей колонке в «Частном корреспонденте» Топоров критиковал роман О. Славниковой «Легкая голова»: «Придуман скверно, написан плохо, с безликим и потому не вызывающим никаких чувств героем, высосанным из пальца ненаучно-фантастическим конфликтом и более чем условной "обличительностью" самого расплывчатого разлива» [6]. В ответ на эту критику на сайте «Литературной России» (<http://litrossia.ru>) появилась статья «Гордый орёл клопу не товарищ, или О критиках-насмешниках». В ответ Топоров заявил, что под «маской, лярвой, личиной» неведомого никому критика Акминлауса (автор статьи в «Литературной России») скрывается «услужливый супруг» Славниковой, занятый «заведомо гиблым делом — защитой романа собственной жены». Назвать такой «обмен мнениями» критической полемикой нельзя, так как предметом спора становится не предмет обсуждения, а личность оппонента.

Не все публикации Топорова могут быть отнесены к числу «экспертных заключений». Виктор Топоров несомненно обладает хорошим литературным вкусом и языковым чутьем. Об этом свидетельствует, например, статья «Бугага за Говняным лугом». Возмущение критика вызвала «бугага» (фр. *brouhaha* – шумиха, гомон, сумятица; на интернет-жаргоне означает выражение смеха, вызванного чтением комментируемого текста) вокруг присуждения премии «Русский букер» роману Е. Колядиной «Цветочный крест». Этот смех демонстрирует невежество участников

«тысячеустого бугага». Обвиняющий Колядину в стилистических ошибках А. Немзер (в выражении «Отче сказал» использован звательный падеж вместо именительного), не желает видеть таковые в произведениях Алексея Слаповского. Художественная стилизация, утверждает Топоров, «не может быть верна или неверна, но только убедительна или неубедительна». Топоров приводит примеры удачных стилизаций (перевод М. Лозинского романа Р. Роллана «Кола Брюньон», роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова). При всей неоднозначности собственного отношения к этому роману, Топоров встает на его защиту, так как видит неточность и необъективность его оценки. А это позиция критика, а не эксперта. Но чаще все же побеждает эксперт.

Одним из приемов экспертной оценки, отмечаемых нами в статьях Топорова, является использование «громких имен». В статье «Жестяной барабан» по-русски роман «Человек-недоумение» «журналиста из Нижнекамска» О. Лукошина сравнивается с романом «Жестяной барабан» Г. Грасса. Топоров выделяет общий мотив поведения героев – «страсть к разрушению». Разница, по мнению критика, лишь в том, что «на смену барочному плетению словес» пришел «минималистический стиль "фельетонной эпохи"». Так в статье появляется сравнение с Гессе. Потом к этому «списку» добавляются Цветаева (герои Грасса и Лукошина «осознав всё несовершенство мира, дают ему цветаевский «ответ-отказ»), Б. Брех и даже А. де Мюссе. В финале статьи неожиданно Топоров заявляет: «Роман Лукошина... самую чуточку легковесен». Гессе, Грасс, Брехт, Цветаева, Мюссе – зачем использовать такие громкие имена для характеристики «легковесного романа»? [8]. Подобный прием аргументации «громкими именами» находим в рецензии на сериал «Глухарь». Топоров не оценивает художественные достоинства и недостатки «Глухаря», он опровергает рекламный слоган – «сериал, которому веришь». Это «рекламное преувеличение» сравнивается со строчкой из песни: «как поёт Шнур, приедут-то всё равно другие». «Менты тоже люди» – вот что отложилось в подсознании у массового зрителя. «Но они не похожи на нас с вами», – непре-

менно добавил бы Фрэнсис Скотт Фицджеральд. «Потому что у них больше денег», – тут же уточнил бы молодой ещё и несправедливо горячий будущий Папа Хэм. Герои нового сериала по-разному понимают справедливость, хотя «она, казалось бы, как победа у Окуджавы, одна на всех». Как и в статье «"Жестяной барабан" по-русски», для аргументации опять привлекаются разные «громкие имена»: Фицджеральд, Хэмингуэй, Окуджава и Шнуров (рок-исполнитель с неоднозначной репутацией оказывается в одной компании со знаменитыми писателями). Ни одну из цитат нельзя точно атрибутировать («добавил бы», «уточнил бы», «как поет») [12]. Упомянув «громкие имена» и понятные «для посвященных» цитаты, Топоров не оценивает произведение, а присваивает ему некий экспертный статус, «ярлык».

Пример экспертного манипулирования читательским сознанием находим в статье «Юбилейный формат». Позволим себе пространную цитату, чтобы наглядно показать способы такого манипулирования. Топоров пишет: «Ахматова любила власть <...> Над поэзией, над литературой, над филологической наукой – и здесь её власть парадоксально смыкалась со сталинской <...> Сталин выстраивал советскую литературу в роли её патрона, покровителя <...> Ахматова нашла для себя другое амплуа – литературной вдовы <...>. Вдовцом (наследником) великой русской литературы полагал себя и Сталин <...>. Соитие с вдовой (символическое или фактическое) означает вступление в наследство или скорее – восшествие на престол; престол русской литературы <...>. Они не были ровесниками (Сталин был ровесником Блока), но вполне могли бы на сумасшедших ухабах отечественной истории оказаться мужем и женой. Такой брак (как все браки их обоих) продлился бы недолго – но кто в итоге пустил бы себе (или другому) пулю в лоб, можно только гадать» [22]. Получается такая логическая схема. Сталин – ровесник Блока, Блок – великий поэт, Ахматова – великая поэтесса, «литературная вдова». Сталин любил не только власть, но и литературу, Ахматова любила не только литературу, но и власть. «Соитие» (так у Топорова!) с «литературной вдовой» давало Сталину власть над

литературой. На «сумасшедших ухабах отечественной истории», утверждает критик, всё может быть. В результате логических манипуляций оказывается, что Ахматова из жертвы превращается чуть ли не в палача, а Сталин обретает черты чуть ли не поэта, равного Блоку. Такие «странные сближения», проводимые вне историко-литературного контекста превращают трагические фигуры прошлых эпох в объекты постмодернистской игры.

Как уже говорилось выше, Топоров настаивает на «упрощении читательского восприятия» как одной из главных тенденций современной литературы. По Топорову, среди современников нет достойных писателей: Стругацкие – это «братья Дурацкие», Кушнер – «мастер постельной лирики». Современная поэзия загнана литературными кураторами в «гетто», литературные журналы растеряли авторов и читателей и превратились чуть ли не в «бордели» (!) («...нынешнее обращение двух солидных журналов к неисчерпаемой теме любви исполнено глубокого внутреннего драматизма. И драматизм этот как нельзя лучше передают два анекдота <...> о катастрофически низкой посещаемости "нашего борделя". Ну, или "нашего журнала" – в рассматриваемом двуспальном случае» [21]). Нет ничего отрадного и в прошлых эпохах, в будущем нас ждет постоянное «упрощение читательского восприятия». Что-либо возразить на эти «короткие» (объемом в одну колонку в интернет-издании) мысли невозможно. Спорить с Топоровым бесполезно. Экспертная оценка исключает плюрализм мнений. Для эксперта знание – это товар, а поиск истины – извлечение выгоды. Безапелляционность суждений экспертов делает возможным использование агрессивных форм литературной коммуникации. Мельчают и объекты экспертной оценки.

В статье о Викторе Топорове в «Википедии» для характеристики творчества критика-эксперта приводятся цитаты из статьи «литературного качадала» Василия Ширяева. Считаем уместным завершить наши рассуждения этими примерами «экспертной оценки» по отношению к «эксперту». «Топоров пишет коротко, как Шкловский. Но коротко вообще легко писать. Связь

только теряется. Поэтому выводы из этих рассыпанных строчек или архибанальные: кто-то захотел денег, кто-то не поделился. Или столь же произвольные. Много “кстати” и “вообще говоря” <...>. Интонация Топорова очень хороша: знающе-деловая и хамски-элегантная: “больше цинизма – людям это нравится”. Только за контрапунктом интонации и штабелями имен теряется суть: “мне это зачем?” <...> Топор предстает как: который везде был, все видел, все знает...» [23]. Как видим, Ширяев «потопоровски» агрессивно и безапелляционно рассуждает о маститом предшественнике. А это значит, что на смену литературной критике приходит субъективная литературная экспертиза.

Литература

1. Арбитман, Р. Cash из топора [Текст] / Р. Арбитман // Знамя. – 2003. – № 11. – С. 225.
2. Говорухина, Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков [Текст] / Ю. А. Говорухина. – Красноярск : Ин-т филологии и языковой коммуникации, 2012. – 359 с.
3. Голубкова, А. Пишите критику! [Электронный ресурс] / А. Голубкова // Colta.ru : [сайт] / гл. ред. М. Степанова. – [Б. м. : б. и.], сор. 2012–2013. – Режим доступа: www.colta.ru/docs/25052. – Дата обращения: 14.06.13.
4. Левенталь, В. Право на хамство [Электронный ресурс] / В. Левенталь // Прочтение : [сайт] / ООО «Читатель» ; гл. ред. А. Шмарцев. – [Б. м. : б. и.], сор. 2006–2013. – Режим доступа: prochtenie.ru/texts/23815. – Дата обращения: 29.09.13.
5. Морев, Г. Про инкарнации гопников [Электронный ресурс] / Г. Морев // OpenSpace.ru архив : [сайт] / OpenSpace.ru. – [Б. м. : б. и.], сор. 2008–2012. – Режим доступа: os.colta.ru/literature/projects/176/details/15759. – Дата обращения: 29.09.13.

-
6. Топоров, В. Без конца. Смешная история с «Легкой головой». Ещё раз о романе Ольги Славниковой и полемике вокруг него [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/bez_kontsa_19744. – Дата обращения: 29.09.13.
 7. Топоров, В. Бугага за Говняным лугом. Над кем смеётесь, над Колядиной или над собой? [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/bugaga_zh_govnyanym_lugom_21472. – Дата обращения: 29.09.13.
 8. Топоров, В. «Жестяной барабан» по-русски [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. Там же. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/zhestyanoj_baraban_porusski_20655. – Дата обращения: 29.09.13.
 9. Топоров, В. О литературе с Виктором Топоровым: Запомните это чудовищное имя [Электронный ресурс] / В. Топоров // Фонтанка.ру : [Петербург. интернет-газета]. – 2010. – 22 нояб. – Режим доступа: www.fontanka.ru/2010/11/22/161/. – Дата обращения: 29.09.13.
 10. Топоров, В. Кишки наружу. Все, что вы хотели знать о «Нацбесте» [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/kishki_naruzhu_17905. – Дата обращения: 29.09.13.
 11. Топоров, В. О литературе с Виктором Топоровым: Ослиные уши фантастики [Электронный ресурс] / В. Топоров // Фонтанка.ру : [Петербург. интернет-газета]. – 2011. – 27 июня. – Режим доступа: www.fontanka.ru/2011/06/27/106. – Дата обращения: 29.09.13.

-
12. Топоров, В. Откройте, полиция! «Глухарь»: телесериал, которому не веришь [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/otkrojte_politsiya_20116. – Дата обращения: 29.09.13.
 13. Топоров, В. О феномене тандема – Дмитрий Быков плюс Михаил Ефремов [Электронный ресурс] / В. Топоров // 812`Online : [сетевая версия журнала «Город–812»] / гл. ред. сайта Д. Иванов. – 2011. – 14 окт. – Режим доступа: www.online812.ru/2011/10/14/009/. – Дата обращения: 29.09.13.
 14. Топоров, В. Поэзия детей лейтенанта Шмидта [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт / Частный корреспондент]. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: [www.chaskor.ru/article /poeziya_detej_lejtenanta_shmidta_19257](http://www.chaskor.ru/article/poeziya_detej_lejtenanta_shmidta_19257). – Дата обращения: 29.09.13.
 15. Топоров, В. Прирастать бывшим СССР. Горе-государство Владимира Лорченкова [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт / Частный корреспондент]. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/27_dekabryaprirastat_byvshim_ccch_21725. – Дата обращения: 29.09.13.
 16. Топоров, В. Там, за Говняным лугом [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт / Частный корреспондент]. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/tam_zha_govnyanum_lugom_20522. – Дата обращения: 29.09.13.
 17. Топоров, В. О литературе с Виктором Топоровым: Фигль-Мигль, дубль два [Электронный ресурс] / В. Топоров // Фонтанка.ру : [Петербург. интернет-газета]. – 2011. – 3 июня. – Режим доступа: www.fontanka.ru/2011/06/03/129. – Дата обращения: 29.09.13.

-
18. Топоров, В. Всем зачот. Форматируя «Литературную матрицу» (2) [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/vsem_zachot_20822. – Дата обращения: 29.09.13.
 19. Топоров, В. Форматируя «Литературную матрицу» (3). Однако продолжаем провиденциальный экзамен [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/formatiruya_literaturnuyu_matritsu_3_20957. – Дата обращения: 29.09.13.
 20. Топоров, В. Форматируя «Литературную матрицу» (4). Топоров наконец заканчивает приём экзамена у авторов двухтомника [Электронный ресурс] / В. Топоров // Частный корреспондент : [сайт] / Частный корреспондент. – Москва : [б. и.], 2010. – Режим доступа: www.chaskor.ru/article/formatiruya_literaturnuyu_matritsu_4_21139. – Дата обращения: 29.09.13.
 21. Топоров, В. Что я прочитал о любви в толстых журналах [Электронный ресурс] / В. Топоров // 812`Online : [сетевая версия журнала «Город–812»] / гл. ред. сайта Д. Иванов. – 2011. – 11 нояб. – Режим доступа: www.online812.ru/2011/11/11/007/. – Дата обращения: 29.09.13.
 22. Топоров, В. Юбилейный формат [Текст] / В. Топоров // Жесткая ротация / В. Топоров. – Санкт-Петербург : Амфора, 2007. – С. 182 – 184.
 23. Ширяев, В. Как работает Топор [Текст] / В. Ширяев // Урал. – 2009. – № 9. – С. 248 – 249.
 24. Шубинский, В. История любви [Текст] / В. Шубинский // Октябрь. – 2000. – № 1. – С. 186. – Рец. на кн: Двойное дно. Признания скандалиста / Жесткая ротация. – Санкт-Петербург : Амфора ; Москва : Захаров-АСТ, 1999.

**Нарративные стратегии
в ситуации парадигмального кризиса
авторства: семантика нагромождения-повтора
как повествовательного приема**

Рубеж XX – XXI веков – время обоснования неклассической поэтики как проявления кризиса традиционной культуры. Это связано с пересмотром социальных норм, морально-этических и эстетических категорий в связи с переходом к постиндустриальному обществу: традиционные ценности больше не являются данной кем-то и утвержденной аксиомой – возникает проблема национальной, половой, религиозной идентичности, взаимоотношения личности и государства, жизненного целеполагания. Ни автор, ни читатель не могут «сформулировать» аксиологическую структуру своего бытия, потому что не имеют «точки отсчета» для соотнесения своего «Я» с нормой. С философской же точки зрения в работе Т. Куна «Структура научных революций» кризис определяется как выработка, «усталость» и ломка старой системы. Поэтому «неклассичность» мыслится как особый модус художественного сознания, вырастающий из невозможности обрести целостное и гармоничное видение мира, а значит – имеет метаисторическую (циклическую) природу. Предметом настоящей статьи является выработка теоретических подходов к описанию повествовательных приемов в условиях парадигмального кризиса.

Так, под кризисом в сфере искусства вслед за В. И. Тюпой мы понимаем нарушение и выработанность старой художественной системы, «онемение» поэтики, утрату равновесия [13]. Кризис здесь не означает конец, но подразумевает иное развитие, странное сочетание и нагромождение разнородных художественных явлений, создание «иной» поэтики и эстетики. Трансформируются природа самого художественного творчества и эстетического объекта. В этих условиях литературное произведение обретает статус средства массовой коммуникации. Текст становится «хра-

нилищем» и транслятором культурной информации. Информации, которая должна стать свидетельством «конца эпохи». Поэтому, с одной стороны, на первый план выступает технический и технологический аспекты создания произведения, а также поиск смысловых зон, следов других дискурсов, которые «сохранят» культурный материал в ситуации распада. В неклассической литературе ощущается кризис «творения» художественно обработанных историй; предметом изображения становятся сами правила и законы создания нарратива, механизмы и способы художественной коммуникации. Возрастает роль притчи, в которой автор и читатель пытаются зашифровать/дешифровать в тексте надличные смыслы. С другой стороны, наблюдается усиление литературы, базирующейся на факте и эмпирике жизни: неонатурализм, «чернуха», документалистика. Здесь обратный процесс – любая идеология воспринимается крайне негативно, а ценностные смыслы автор и читатель ищут в необработанном жизненном материале, своем теле и эмоциях, нарушая социально-психологический детерминизм. Эти два антиномичных полюса и организуют идейно-концептуальный уровень переходных литератур. Если второй полюс описан уже довольно подробно в современной критике и литературоведении, то первый – притчевый – не имеет пока однозначного подхода. Остановимся на нем подробнее.

Здесь по-другому строится коммуникация с читателем. Автор вступает в диалог с читателем не посредством рассказанной истории, но через совместное переживание самих моментов проявления сознания: «Смещение вектора художественности от креативности к рецептивности потребовало от произведений эстетической неклассичности известной незавершенности, конструктивной неполноты целого, располагающей к сотворчеству. Но в то же время искусство активизировало свое воздействие на воспринимающее сознание» [13, с. 93]. Иными словами, изображенные события редуцируются, становятся поводом для узнавания (восприятия) читателем культурных кодов, прецедентных форм. Именно эта «точка узнавания» и дает ему опору в хаосе распада и отсутствия норм. Сознание познающего изначально «исключено» из социального мира, в его основе внутренний кон-

фликт с миром, уход в сферу ментальных процессов, сознания и языка, в формотворчество и рецепцию. Поэтому идеал помещается за пределами реальной жизни, в иных сферах. Субъект остается «наедине» с вечностью, он вырван из социальных отношений. Он не стремится к диалогу-спору. Для такого сознания характерен иной диалог, в котором оно пытается «выговориться», воссоздать самое себя, свои особенности. Автор-творец пытается совместно с сознанием читателя пережить момент проявления, нахождения себя, найти отклик в «Другом». Меняется коммуникативное задание и стратегия: фиксация и нагромождение состояний проявления сознания, переживание себя в художественной коммуникации с «Другим». Иными словами, диалог не оформляется автором-творцом в виде «выдуманной» и рассказанной истории, но строится как «отношение» к внешнему материальному миру сознания. В массовой культуре, – кинотексты, литературные тексты, – наблюдается нагромождение и «скрещивание» сюжетных архетипов, создание вторичной мифологии, обыгрывание стереотипов и художественных клише. Они выполняют роль «фона», точки отсчета для интерпретации читателем/зрителем произведения. Не фабула, не перипетии, вторичные по отношению классической литературе, организуют нарратив, а предлагаемые, «готовые» и знакомые, даже легко узнаваемые топосы, которые и поддерживают психологическое равновесие массового читателя. Высокая литература идет по другому пути – объективная реальность становится оболочкой, формой для переживания воспринимаящим сознанием себя в самом этом процессе рецепции и структурировании наблюдаемых объектов природы, культуры, быта. Именно в этих объектах читательское сознание должно «вспомнить» свой социальный, эстетический и любой иной опыт и достроить нарративную головоломку. В современных терминах такое сознание обозначается как экзистенциальное.

В гуманитарных и общественных науках понятия «экзистенциальный», «экзистенция» трактуются в самом широком значении как особая система взглядов, особое состояние общественного сознания, умонастроение кризисного характера. Поэтому данные понятия становятся основой характеристики мировоз-

зрения различных эпох, понимаемых как переходные, связанные с трансформацией и изменением состояния мира и «ментальными кризисами», перестают обозначать только направление в философии XX века. В. В. Заманская пишет об особенностях такого типа сознания: «Универсальная формула взаимоотношения человека и мира – отчуждение. Оно реализуется на всех уровнях: отчуждение от природы, среды обитания и цивилизационной среды, отчуждение от собственного Я. Одиночество в экзистенциальном сознании характеризует положение и состояние человека в мире» [5, с. 32]. Таким образом, в неклассическом модусе сознания разрушается целостность и завершенность системы. Само «творящее» сознание теряет «готовность», стационарность, ощущает себя как поток, процесс.

Можно сказать, что исключение, переосмысление всегда вырывает человека, сознание из привычных связей и отношений, следовательно, ставит вопросы существования человека, смысла жизни, одиночества и заброшенности в мире, в котором нарушена гармония, отсутствуют ориентиры. Экзистенциальное начало появляется в творчестве художников и писателей уже конца XIX века, возникает своего рода «экзистенциальная традиция» (В. В. Заманская), опередившая появление европейского экзистенциализма на несколько десятилетий. В любые кризисные эпохи человек оказывается «выброшенным в мир», в хаос объективной действительности, а освобождение превращается в одиночество [3, с. 248–250]. Познающий субъект лишен мировоззренческой опоры, способов познания и постижения мира, ставшего враждебным и чуждым, непознаваемым. Вследствие этого можно говорить, что романтическое двоемирие – это частный вариант конфликта познающего субъекта и объективной действительности. Так, например, И. Ильин прямо говорит об экзистенциальной основе постмодернизма как об отказе от различных штампов, освобождении личности. Поэтому возникают различные теории и концепции, пытающиеся сохранить человеческое «Я» в потоке чуждого, враждебного бытия, а бытование «экзистенциальной традиции» экстраполируется еще на несколько эпох. Следовательно, можно говорить об исторической повторяемости экзи-

стенциальной основы «кризисного» состояния мира и человека. Здесь необходимо сделать оговорку о двойственной природе феномена «кризисности». С одной стороны, кризис – это всегда разрушение, упадок, а с другой – новые возможности, потенция. Иными словами, любое кризисное состояние мира и человека всегда состоит из двух этапов. Первый – распад старой системы, парадигмы, утрата положительного начала, идеала, примирение с кризисом, попытка жить в кризисе. Характерно, что именно такую трактовку иногда получают чеховские произведения, тем более что автор «не дает рецептов, а только ставит диагноз». В этот кризисный момент субъект познания (автор и читатель) остается наедине с собой, один перед «Ничто». Эта позиция отражается в художественном мире в виде крупных планов деталей, сверхдеталей, вырастающих до символа, в преувеличении, гротеске изображения психологических процессов и чувств, монтажной технике повествования, грубом склеивании кусков текста и сюжета (коллаж). Поэтому основа неклассической поэтики – остраненное наблюдение за сознанием творца, движением формы и механизмов коммуникации, художественная рецепция.

Второй этап кризиса – это его преодоление, попытка создания новой системы, в сознании появляется идеал, основа будущего нового мира, возникает идеология, которая может быть заимствована из прошлого, из религии и т. д., но подвергнута модернизации. Нагромождение становится структурным воплощением преодоления кризиса через воспроизведение механизмов художественной коммуникации, совместное повторяющееся переживание автора-героя-читателя эстетического объекта.

Таким образом, идея одинокого сознания перед лицом большого, непонятого мира, страх перед утратой «Я», перед небытием, а следовательно, и самопознание, самонахождение являются основой рецептивной природы неклассической поэтики. Можно говорить о функционировании особого социокультурного феномена преодоления «ментального кризиса» сознания посредством нанизывания-повтора, нагромождения, нелинейности событий, с одной стороны. А с другой – деконструкции окостеневших нарративных структур. Сознание стремится выразить свою сти-

хийность и «неготовность», принципиально длящееся существование в отношении с «Другим» в эстетической деятельности.

Понятие «сознание» стало основой изучения особенностей поэтики различных художественных парадигм в современном литературоведении. Так, Е. К. Созина в работе «Письмо и сознание в русской литературе» трактует сознание как особый духовно-материальный феномен, «метасознание» и ссылается на идеи М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, А. Ф. Лосева [11, с. 5]. Сознание в таком ракурсе – то, «что существует в промежутке между жизнью и пониманием; это сфера нечто или ничто, в которую мы входим, когда становимся наблюдателями жизни или себя в жизни» [там же]. Иными словами, сознание – это сверх («мета») образование, которое «обретается» на пути от субъекта познающего к объекту познаваемому; инструменты, принципы, феномены, соединяющие субъекта и объект. Сознание приближает мир вещей, объектов («вещь-в-себе») к субъекту («вещь-для-себя»), то есть это некая система принципов и приемов, закрепленных в культуре, совместное знание, с помощью которых внешний мир познается и означает, происходит сближение с «Другим».

Семантика нагромождения-повтора как повествовательного приема связана с кризисным состоянием мира и человека, является реакцией на тотальный кризис. Впервые о подобном явлении, но только на жанровом уровне, было сказано в статье Е. К. Созиной «Интерпретация произведений русской автобиографической прозы в свете "романа сознания"». Ученая выделяет «в парадигме как модернистской, так и неореалистической поэтики <...> особый тип автобиографий, названный <...> "романом сознания", который впрочем «не является прерогативой исключительно автобиографической прозы» [11, с. 154]. Появление романа сознания связано напрямую с экзистенциальной проблематикой отчужденности личности, выброшенной в поток существования, лишенной жизненных ориентиров. В этом хаосе желание «пишущего понять и выразить себя, сохранить ускользающую нить жизни...» [11, с. 154] выступает смыслом художественного произведения, темой и предметом изображения, определяет его событийную сторону, развертывание нарратива.

Семантику данного повествовательного приема можно определить как объективацию переживания кризиса, как один из способов художественной рецепции. Иными словами, в таком типе нарратива кризисное сознание познает не внешнюю, социальную действительность, но самое себя, воссоздает в объектах, «феноменах» свою внутреннюю структуру, акцентируя внимание на самих механизмах и способах нахождения себя, на способах коммуникации с «Другим» и автокоммуникации. В таком ракурсе «познающий субъект лишен всякого внутреннего существования, не имеет точки опоры в бытии, он существует лишь в отношении производимой им объективации» [3, с. 248]. Поэтому на первый план выходит проблема «отношения» [11, с. 155] познающего субъекта к внешней действительности, точнее, использование объекта, мира для выражения своих чувств и переживаний. Эмпирический мир становится средством, материалом для конструирования авторского «Я». В таком же ключе понимает «роман сознания» Н. В. Барковская. В работе «Поэтика символистского романа» исследовательница пишет о романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: «"Балладный" лиризм романа Сологуба надсобытийен, психология "романа сознания" – надиндивидуальна <...> Эпические картины и события в романе воспринимаются как символы психологической реальности, а индивидуальные переживания Передонова онтологизируются в мифологическую сущность объективного мира» [1, с. 159]. Иными словами, бред, галлюцинации героя получают зримое пластическое воплощение в качестве феноменов внешней действительности. Поэтому познающий субъект фиксирует «сотворенность» передоновского мира [там же, с. 135]. Да и сама личность, сознание в нарративе, организованном через повтор-нагромождение, «лишена целостности, располагается на нескольких, иерархически соотнесенных уровнях» [1, с. 149], то есть все есть «тело» авторского сознания. По сути дела, сознание проявляется в моменты отбора и фиксации элементов внешнего и внутреннего мира, механизмов рецепции художественной конструкции. Кризисное сознание, выброшенное в поток существования, использует культурные «осколки», останки прежних, рухнувших представлений, образов, фабул, жанров для написания «биографии души». Таким

образом, основой неклассической поэтики является «структура отношений, которой он (мыслитель, художник. – В. Ф.) должен овладеть в качестве своей живой, реальной силы, – это жизнь объективированных форм культуры и общения» [7, с. 71–72]. В неклассическом нарративе «чужое» (слово, действие, жест) вытесняется, подменяется «моим» отношением к «Другому». Можно сказать, что все объективное и внешнее по отношению к субъекту подвергается остранению, рецепции. Естественно, что стирается граница между объективным и субъективным, между самой действительностью и видением действительности, нивелируется различие между объектом и субъектом. В кризисном сознании данное неразличение связано с тем, что отчужденное «Я» мыслит себя в восприятии-познании мира, в процессе объективации. Пока «Я» познаю и переживаю, «Я» существую. Можно уподобить данный процесс строительству храмов в средневековье: важен не результат, а процесс, священная миссия, ритуал. Иными словами, в нарративе, построенном на принципе повтора-нагромождения, присутствует конец, но не разрешение конфликта, финал получается множественным. Это можно объяснить кризисным восприятием мира и человека в новейшем времени как неготовых и незаконченных начал. В этой связи можно назвать две причины: сознание не есть тотальность «Я», а отношение «Я – другой»; сознание не стационарно во времени. Но можно назвать и еще одну причину, которая определяется самим кризисным состоянием сознания: отсутствие идеала, абсолюта, его вечный поиск в хаосе, потоке существования.

Писатель в ситуации парадигмального кризиса не просто отказывается от традиционного репертуара развертывания нарратива, подчиняющегося диалектическим законам развития художественного мира и текста, но манифестируют стихийное, не ограниченное никакими рамками воспроизведение (запись) сознания, воплощение самой его ткани. Как пишет теоретик «нового романа» А. Роб-Грийе, «в сущности, стало уже невозможным рассказывать» [10, с. 542]. А вот подтверждение из художественной практики, цитата из романа современного писателя Д. Рагозина: «Эта проза, можно думать, – проба нащупать грани-

цу, пролегающую между сюжетом и невнятицей чувств, лицом и его необщим словесным выражением, прописью и пропастью. Из бессвязного, бестолкового ропота складывается история. Или не складывается? Распадается на “периоды”, каждый из которых проживает свою маленькую смерть. Часы, дни, недели выпадают. И бывшее еще только имеет место быть», – пишет современный прозаик Д. Рагозин о своем романе «Старый парк» [9, с. 9].

Итак, мы можем описать нарративные стратегии и конкретные приемы.

Во-первых, предикативная нарративность становится менее интенсивной, уступает место простому присоединению событий, описательности. В какой-то мере происходит возвращение современной литературы к использованию архаического в своей основе приема повтора-нагромождения. Он становится структурным воплощением экзистенциального кризиса современного «разорванного» сознания, художественным осмыслением выхода к «Другому». Именно нагромождение различных феноменов материального плана (предметов, вещей), психологического (воспоминания, ощущения) и самих механизмов художественной рецепции, конструирования художественного мира есть попытка создания целого при внутреннем распаде или, наоборот, воплощение деконструкции «Я» и мира.

Прием нагромождения-повтора можно рассматривать как принцип построения целого с позиций семиотики. Такой подход предложил Р. О. Якобсон в своей известной работе «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» [15]. Ученый дал широкое семиотическое толкование понятий «метонимия» и «метафора» как основных процессов, «операций» человеческого мышления. Однако Якобсон указал и на то, что один из процессов может стать более предпочтительным в использовании в речи под влиянием личностных, социально-культурных факторов, что, в свою очередь, определяет «языковой стиль», стиль того или иного художественного направления различных искусств [15, с. 126–127].

По оси метонимии движется развернутое повествование, предикация, а по оси метафоры – семантическое сходство, субститу-

ция, можем сказать, лейтмотивная и описательная организация темы высказывания. Ученый прямо указывает на литературные направления, ориентирующиеся на ось метафоры или ось метонимии: «Неоднократно отмечалось главенство метафоры в литературных школах романтизма и символизма <...> господство метонимии лежит в основе... реалистического направления» [15, с. 127]. Поэтому используются различные способы создания речевого высказывания: либо на основе метонимии, либо на основе метафоры. Метонимическая комбинация предполагает наличие причинно-следственных связей, строгой логической последовательности в построении высказывания, а метафорическая субституция становится средством выражения переживаний, эмоций, поэтому нарушаются логические связи, строгая последовательность.

С полной уверенностью мы можем экстраполировать общие рассуждения о природе художественных направлений вообще в область нарративных практик и стратегий.

Отправной точкой становится тезис о существовании двух способов организации нарратива, основанных на приоритете одного из механизмов построения целого художественного высказывания: «ось метонимии» и «ось метафоры». Соответственно, можно говорить о двух путях взаимоотношения с миром, его репрезентации: упорядоченный, логически связанный и нагромождающийся; метонимический и метафорический.

Классический тип нарратива строится на основе смежности, комбинации; развертывание сюжетных событий основано на метонимическом переносе. Изображенный мир воспринимается как миниатюра бытия, его свернутая копия. Характер героя, его поступки и действия, его внутреннее становление-развитие являются частью изображенного мира и находятся в отношениях смежности с внехудожественной действительностью. Носитель характера является частью, олицетворением какой-либо общественной силы, системы взглядов, которую автор пытается раскрыть в ходе развертывания сюжета в событиях воспитания, социализации и т. д. Движение-развитие обусловлено психологическим и социальным детерминизмом. Действующий герой – часть соци-

ального организма, натуры, рода, его клеточка, вследствие этого все поступки получают строгую мотивировку. Поэтому необходима разветвленная история, система темпоральных мотивов, чтобы показать сам процесс становления, исторический контекст. Само событие становления и испытания – часть общего становления мира, «исторического момента самоопределения мира».

Если обратиться к определению метонимии как специального изобразительного средства, то в художественной системе это будет вид иносказания, который изображает объект посредством другого, точнее, его части или смежного с ним объекта. Поэтому нарратив, построенный на метонимической комбинации, репрезентирует особый тип взаимоотношения с миром, момент самоопределения. Выбор героя есть синекдоха по отношению выбора пути народа, страны либо другой общности. Поэтому сами изображенные события – это типичные события, которые не выходят за рамки правдоподобности. Движение-перемещение героя в фабульном ряду предполагает типичность, общее, могущее быть в реальности, это определяет последующие поступки героя, его внутреннюю эволюцию, развитие. Движение это подчинено причинно-следственным связям, логике повествования, поэтому важна фабульная сторона сюжета, синтагматические отношения следования. События выстраиваются в «линейное предложение... которое исключает возможность одновременного произнесения двух элементов» [15, с. 114]. Возникает цепочка последовательных во времени изменений, построенных на переходе количественных изменений в качественные. В свете теории Р. О. Якобсона можно говорить о том, что автор комбинирует определенные повествовательные мотивы, точнее, «сложную комбинацию не отдельных мотивов, а их серий, своеобразных блоков» [8, с. 152]. Иными словами, автор создает целое художественного высказывания по правилам повествовательного предложения, имеющего синтагматическую основу. Каждое действие, поступок героя и персонажа подготовлен и вызван предшествующим повествованием, поскольку та или иная фабула имеет определенную мотивную модель.

В нарративе, базирующемся на парадигмальных отношениях между его элементами, на внутреннем тождестве событий,

происходит смещение от изображения самой кризисной исторической ситуации, кризисного характера к эмоциональной стороне, предметом становится сам момент переживания кризиса, наблюдение за движением чувств и впечатлений. Закономерно, что данное художественное явление будет строиться на основе семантического сходства как нагромождение-повтор однотипных знаков-индексов. Сами действия героя-характера, его поступки потеряют реалистическую мотивировку, поскольку главным становится именно их восприятие как отдельных мотивов, имеющих эмоциональное значение. Характер в таком сюжете будет всегда исключен из целого, общности. Будут нарушены все временные, логические связи. Сюжет будет строиться как сцепление-нагромождение впечатлений субъекта повествования от кризисного мира. Нарратив превратится из комбинации мотивов, которая создает контекст, в сцепление эпизодов, которые можно определить как объективированные впечатления, события станут объединяться на основе внутреннего тождества при морфологическом разнообразии. Можно говорить об «автоматизации» [14] нарратором своего рассказа. В. Шмид данное явление называет эквивалентностью, то есть равнозначностью, равноценностью элементов нарратива, которые структурируются не на основе причинно-следственных и временных связей, а тематически или через формальные признаки [14, с. 241–245].

Вообще, так называемые анарративные элементы, ретардация, отступления, повторы выходят на первый план в данном типе сюжета, являются «скрепами» нарратива. В узком, стилистическом смысле, метафора – это разновидность иносказания, способ определения одного объекта посредством другого на основе их сходства, средство создания иносказания. В таком типе нарратива само движение событий, поступков и действий осуществляется на основе семантического сходства, когда выстраивается не «сюжетная предикация», а субституция, то есть сцепление разных внешне не связанных мотивов, нарушена четкая последовательность, причинно-следственная связь. Сюжетным событием будет постоянное возвращение, повторение, нанизывание описание, использование деталей. Можно сказать, что происходит странное, гро-

тесное сочетание различных событий, в различных временных и пространственных параметрах. Будет снижаться степень нарративности, поскольку возрастает их повторяемость. Это будут дублирующие друг друга события. Различные метафоры движения будут иметь одну семантическую основу.

Данные особенности объясняются принципами самопознания, определения «Я» в хаосе, нахождения себя как «для-себя» в состоянии кризиса и распада целостности. Это именно не становление и испытание, а нахождение сознания, его проявление. Сам М. М. Бахтин осторожно указывает на этот тип уже в сюжете барочных романов, хотя понимает это как «узость... реалистического проникновения в действительность» [2, с. 192]. Структурируется само изображающее сознание, процессы воспоминания, перцепции, которые не имеют линейной природы. Они становятся материально-пластическим воплощением состояния сознания в поиске преодоления распада, хаоса, происходит «парадигматизация мотивов» [14, с. 261]. Отдельный повествовательный мотив, действие вырывается из контекста и наделяется законченным смыслом, раскрывает общий смысл, становится развернутой сюжетной метафорой. На уровне наррации, как отмечает В. Шмид, может наступать текстовая интерференция, то есть нагромождение различных повествовательных инстанций в одном речевом акте, это гибрид рассказываемого события и события рассказывания [14, с. 195–199].

Повествовательный прием нагромождения-повтора, таким образом, есть реализация «оси метафоры». В таком типе организации событий нет упорядоченного становления, нет поступательного развития. Сюжетным событием становятся сами правила и законы конструирования нарратива и механизмы рецепции, способы художественной коммуникации. Композицию повествовательных приемов можно также охарактеризовать как нагромождение, то есть совмещение различных планов повествования, форм субъектной организации. Нарративная стратегия строится на экстенсивном принципе, когда нарратив организован как нагромождение знаков-индексов, отсылающих к прецедентной ситуации, собирающих распадающееся целое.

Иллюстрацией высказанных теоретических положений может служить рассказ А. Иличевского «Известняк». Здесь событийная структура лишена «центральной ситуации» перехода, качественного изменения героя-характера. Она базируется на присоединении воспоминаний, ощущений из детства главного героя, проникнутых одиночеством и неосознанным желанием стать частью чего-то целого. По принципу нагромождения-повтора строятся и многие образы рассказа: многослойность перламутра речной ракушки и пуговицы, да и самого известнякового карьера, в котором герой проводит все свое время за рассмотрением разных уровней и слоев окаменелостей. Вот несколько характерных примеров: «И вот однажды, когда он рассматривал гибкую слюду и слоистый обломок раковины, ему пришло в голову, что переливы перламутра связаны с его многослойностью. С тем, что он состоит из нескольких тонких слоев с различным сопротивлением свету. Верхние – самые прозрачные для лучей, отраженных нижними, более плотными слоями, – выполняют ту же роль, что и бензиновая переливчатая пленка на поверхности лужи. Таким образом, движущийся свет цвет разлитой нефти, многосоставный цвет белого света фантастически соединялся Семеном с доисторическими многослойными зеркалами – створками ископаемых моллюсков, послойно запечатлевших фрагменты древней эпохи. Он воображал, что если осторожно счистить верхний слой перламутра на древнем моллюске, то вовне вырвется свет – фрагмент мира, существовавшего далеко до возникновения человека» [6, с. 94]. В представленном фрагменте субъект повествования снимает слои сознания, восприятия, погружаясь к некоему утраченному и желаемому «Целому». Перед нами образ неаналитического постижения бытия, его внутренней целостности, утерянной, на это, например, указывает метафора, построенная на оксюмороне: «упойтельная жуть его солнечно-го одиночества» [там же]. Образ многослойной раковины формирует психологический и экзистенциальный пласт нарратива, переход от описания пейзажа к описанию механизмов рецепции и перцептивной деятельности. Этот образ многослойности мира и его восприятия конструирует в целом их взаимоотношение: «Затем раздевался донага, натягивал самодельные поролоновые

налокотники, наколенники <...> Он спускался [в известняковый карьер. – В. Ф.] со скоростью, сравнимой с медлительностью солнца. Его тошнило от высоты. Замирая, он слеп от затягивающего взгляда вниз, когда осматривал выступ, на который следующим шагом должен был поставить ступню.

Он вжимался, впивался, вливался в камень всем телом, всем существом. Прилипал к нему ртом, чтобы зажать стон <...> Он отрывал от камня губы и, не сразу набрав слюну, сглатывал вкус известняка, очень чистый. Подробное пятно от взмокшего тела – картараспластанного силуэта отделялась от него. Туловище, раскинутые руки, грудь, солнечное сплетение, бедра, скелетные лодыжки, ладони и лицевая маска – будто маска мима ужаса: отверстые глазницы, полоска переносицы, раскрытый перекосом рот – не "О", а "О, Талласа!", контур Черного моря плюс след в паху, похожий на взвинченный абрис смерча и голову пчелы: грушевидные зенки, хоботок. Все это, чего он сам был только призрак, так много балластовой жизни отлетало с него в том месте, быстро тая на горячем камне, отползало вверх и вбок» [6, с. 96]. Здесь автор использует свой излюбленный прием, нагромождение образов, сравнений, деталей, объединенных по принципу синтаксической «матрешки». Так, сравнивая след своего влажного тела на горячем известняке, нарратор «отклоняется» от ключевой темы и расширяет контекст, создает многослойность и обходится без центральной сюжетной ситуации, без изображения рационального постижения мира по законам становления. Современные критики отметили, правда, в иронично-снихождительном тоне, эту стилистическую доминанту А. Иличевского – создание целого образа через усложнение первоначального тезиса, нагромождение и чрезмерное ассоциативное расширение. Так, И. Булкина пишет: «Вообще самое симпатичное в перегруженной словами и перенасыщенной, как густой соляной раствор, прозе Иличевского, как раз таки отсутствие задней мысли <...> Замечательная фраза – синтаксис невнятен, но смысл, видимо, таков: прежде мир предстал перед своим благодарным наблюдателем в неких прекрасных интеллектуальных построениях, а отныне открылась возможность построений словесных <...> В многословных периодах Иличевского

мысль никуда не устремляется, она лишь запутывается и повисает в однообразных придаточных: автор пытается договорить все, что знает, он не отбирает, а перечисляет, и он не в состоянии остановить фонтан» [4, с. 203–204]. Но все дело в том, что это не «фонтан», а повествовательное воплощение сознания, пережившего распад и стремящегося обрести новую целостность, но при этом еще не умеющее пока собрать осколки.

Таким образом, мы можем выделить несколько принципов организации нарратива в ситуации кризиса авторства: во-первых, его структура и архитектоника строятся на обращении к прецедентным текстам, элементам формы и содержания, поскольку авторское сознание не имеет аксиологических оснований для интерпретации мира, оно, во-вторых, направлено на рецепцию культурных кодов, осколков, объектов, клише, которые заменяют аналитичность художественного образа «статичным» переживанием кризиса, в-третьих, повествование строится по принципу экстенсивного расширения – на бесконечном, как ризома, расширении контекста, а не завершённой целостности произведения.

Литература

1. Барковская, Н. В. Поэтика символистского романа [Текст] / Н. В. Барковская ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : УГПИ, 1996. – 286 с.
2. Бахтин, М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма. К исторической типологии романа [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1979. – С. 188 – 236.
3. Бердяев, Н. А. Я и мир объектов [Текст] / Н. А. Бердяев // Философия свободного духа / Н. А. Бердяев ; сост. П. В. Алексеева ; вступит. ст. А. Г. Мысливченко. – Москва : Республика, 1994. – С. 230 – 317. – (Мыслители XX века).
4. Булкина, И. Проза «нулевых» [Электронный ресурс] / И. Булкина // Журнальный зал : [сайт] / «Русский журнал» ; лит. ред. С. Костырко. – [Б.м.: б. и.], сор. 1996–2013. –

Режим доступа: magazines.russ.ru/znamia/2010/9/bu15.html. – Дата обращения: 29.09.13

5. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий [Текст] : учеб. пособие / В. В. Заманская. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 304 с.
6. Иличевский, А. Известняк [Текст] : рассказ / А. Иличевский // Нов. мир. – 2006. – № 6. – С. 91 – 98.
7. Мамардашвили, М. К. Классическая и современная буржуазная философия. Статья вторая [Текст] / М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Швырев // Вопр. философии. – 1971. – № 4. – С. 59 – 73.
8. Путилов, Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент [Текст] / Б. Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В. Я. Проппа / отв. ред. Д. А. Ольдерогге. – Москва : Наука, 1975. – С. 141 – 156.
9. Рагозин, Д. От автора [Текст] / Д. Рагозин // Знамя. – 2009. – № 8. – С. 13.
10. Роб-Грийё, А. О нескольких устарелых понятиях [Текст] / А. Роб-Грийё // Романески [Текст] / А. Роб-Грийё. – Москва : Ладомир, 2005. – С. 538 – 550.
11. Созина, Е. К. Письмо и сознание в русской литературе [Текст] / Е. К. Созина ; науч. ред. Г. К. Щенников ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : УрГУ, 2001. – 552 с.
12. Теория литературы [Текст] : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. С. Н. Бройтмана. – Москва : Академия, 2004. – Т. 2. Историческая поэтика. – 368 с.
13. Тюпа, В. И. Литература и ментальность [Текст] / В. И. Тюпа. – Москва : Вест-Консалтинг, 2009. – 276 с.
14. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – Москва : Языки славян. культуры, 2003. – 311 с. – (Studiophilologica).
15. Якобсон, Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений [Текст] / Р. О. Якобсон // Теория метафоры : сборник / сост. и ред.: Н. Д. Арутюновой, М. А. Жирмунской. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 110 – 132.

Краткие сведения об авторах:

Архипова Ирина Владимировна, заместитель директора Челябинской областной юношеской библиотеки, *e-mail: irarkhipova@mail.ru*

Аскарова Виолетта Яковлевна, доктор филологических наук, профессор кафедры библиотечно-информационной деятельности, председатель Центра чтения Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: viovita@yandex.ru*

Бобина Татьяна Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: fdk4@chgaki.ru*

Галактионова Татьяна Гелиевна, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, *e-mail: galaktionova.tg@mail.ru*

Галицких Елена Олеговна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ВятГГУ, заслуженный учитель РФ, *e-mail: galitskiheo@rambler.ru*

Гурбич Галина Петровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Свердловской областной библиотеки для детей и юношества, *e-mail: gurbich@mail.ru*

Загидуллина Марина Викторовна, доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета, *e-mail: marta@csu.ru*

Ивашина Марина Вячеславовна, эксперт Всероссийского конкурса «Книгуру», специальный корреспондент журнала «Библиотека в школе», г. Екатеринбург, *e-mail: ivashi@yandex.ru*

Качева Елена Валерьевна, методист муниципального автономного учреждения «Центр методического и хозяйственного обеспечения» Златоустовского городского округа, аспирант кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: helgoct@gma*

Коженкин Игорь Александрович, член постоянного комитета круглого стола РБА «Библиотечные здания: архитектура, дизайн, организация пространства», коммерческий директор ООО «Радуга-Лик с Вами», *e-mail: kolovrat75@bk.ru*

Колодина Наталья Александровна, руководитель отдела технологического и методического обеспечения научной библиотеки им. Е. Бекмаханова Павлодарского государственного педагогического института, *e-mail: kolodina-n@mail.ru*

Коростелина Валентина Валерьевна, аспирант Московского государственного университета печати им. И. Федорова, *e-mail: info@mgup.ru*

Лаврова Клена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: kloyna@yandex.ru*

Мелентьева Юлия Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая отделом изучения проблем чтения ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН; зам.пред. Научного Совета по чтению РАО; член Постоянного Комитета секции «Literacy and Reading» IFLA, *e-mail: melentievau@mail.ru*

Морева Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, заместитель директора Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского *e-mail: moreva.o.v@yandex.ru*

Моргунова Оксана Вячеславовна, программист научной библиотеки Южно-Уральского государственного университета, *e-mail: morgunova_o_v@lib.susu.ac.ru*

Равинский Дмитрий Константинович, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела межбиблиотечного взаимодействия Российской национальной библиотеки, *e-mail: dravinskij@mail.ru*

Романичева Елена Станиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, *e-mail: els-62@mail.ru*

Сафонова Наталья Константиновна, канд. пед. наук, доцент, главный библиотекарь Центральной городской детской библиотеки им. А. М. Горького г. Челябинска, *e-mail: biblionanny@mail.ru*

Селютина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: l22502@yandex.ru*

Смотрова Елена Евгеньевна, главный библиограф Челябинской областной детской библиотеки им. В. В. Маяковского, *e-mail: chodb@yandex.ru*

Соковиков Сергей Степанович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: sokovik49@mail.ru*

Сокольская Лэся Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: lsokolskaya@mail.ru*

Терентьева Нина Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, *e-mail: terninapavl@yandex.ru*

Фатыхов Салим Галимович, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств, *e-mail: dan_sal47@mail.ru*

Федоров Василий Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, *e-mail: vf-82@mail.ru*

Шакиров Станислав Маэлсович, кандидат филологических наук, доцент заведующий кафедрой филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, *e-mail: shakirov.s@mail.ru*

КРИЗИС ЧТЕНИЯ: ЭНЕРГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сборник научно-практических работ

Редактор-составитель *В. Я. Аскарова.*

Компьютерная верстка: *И. М. Горюнов*

Корректор: *А. И. Порошина*

Ответственные за выпуск: *Е. И. Кузьмин, С. Д. Бакейкин*

Издатель:

Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества

105066, Москва, 1-й Басманный переулок д. 2а, стр.1

Тел.: (499) 267-33-34, факс: (499) 263-26-61

www.mcbs.ru

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 20,0

Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии «АвиаПринт»